

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 1 (144)

Academic Journal

Series:
Economics. Management. Law

Moscow 2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (144)

Научный журнал

Серия «Экономика. Управление. Право»

Москва 2015

УДК 338.24(05)+340(05)

ББК 65.050я5+67я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Экономика. Управление. Право»

Редакционная коллегия серии

Н.И. Архипова, гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), Н.В. Овчинникова, зам. гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), Ю.Н. Нестеренко, зам. гл. ред., д-р экон. н., проф. (РГГУ), С.В. Тимофеев, зам. гл. ред., д-р юрид. н., проф. (РГГУ), Т.М. Алиева, отв. секретарь, канд. экон. н., доц. (РГГУ), И.М. Поморцева, канд. экон. н., доц. (РГГУ), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), Л.И. Глухарева, д-р юрид. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: Л.И. Глухарева, д-р юрид. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Правовые реформы в России

<i>А.А. Дорская</i> Типология правовых реформ	11
--	----

Теория права

<i>Л.И. Глухарева</i> Индивидуальное право как регулятор общественных отношений	23
--	----

<i>В.А. Цыгановкин</i> Антропологическое измерение правового регулирования	36
---	----

Сравнительное правоведение

<i>Е.А. Патракова</i> Скандинавская (нордическая) правовая семья	43
---	----

Административное право

<i>Н.Ф. Попова</i> О некоторых проблемах и недостатках административного законодательства	50
---	----

Публично-правовые аспекты страхования

<i>Е.Ю. Князева, С.В. Тимофеев</i> Правовая классификация видов обязательного страхования по законодательству Российской Федерации	60
--	----

Инновационная деятельность: правовые аспекты

<i>Н.И. Косякова</i> Стимулирование инновационной деятельности субъектов Российской Федерации: правовые аспекты	74
---	----

Трудовое право

<i>Ю.Б. Корсаненкова, А.Ф. Корсаненкова</i> Материальная ответственность работника и работодателя при злоупотреблении правом	82
--	----

Образовательное право

<i>И.А. Коссов</i> К вопросу о содержании ученического договора в Российской Федерации	87
--	----

Профилактика правонарушений несовершеннолетних

<i>В.А. Мишота</i> Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	92
--	----

Международное право

<i>С.Б. Бальхаева</i> Действие международных договоров Российской Федерации во времени	99
--	----

Трибуна молодого ученого

<i>Д.Э. Барганджия</i> Проведение референдума и его политико-правовые последствия в республиках, провозгласивших суверенитет и независимость, но не признанных мировым сообществом	107
---	-----

<i>О.М. Матюшкина</i> Особенности производства по делам о защите права на участие в референдуме граждан Российской Федерации	111
--	-----

<i>А.А. Саргсян</i> Основания добровольной ликвидации хозяйственных обществ по гражданскому законодательству Российской Федерации	120
---	-----

<i>Д.В. Андрианова</i>	
Проблемы правового регулирования конкуренции в сфере управления многоквартирными домами	128
<i>Е.А. Бодрова</i>	
Современная форма семейной медиации в России и за рубежом	134
<i>Д.С. Куликова</i>	
К вопросу о сущности исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации	138

Рецензии

<i>Н.Е. Борисова, Е.М. Крупеня</i>	
Постоянство, которому можно позавидовать (Рецензия на книгу: Конституционное право России: Учебник для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 711 с. (Серия «Dura lex, sed lex»). Авт. коллектив Б.С. Эбзеев, В.Н. Белоновский, И.Н. Зубов, Е.Н. Хазов, А.С. Прудников, А.М. Осавелюк, Н.Д. Эриашвили и др.)	145
Abstracts	150
Сведения об авторах	157

CONTENTS

Legal reforms in the Russia

- A. Dorskaya*
Typology of legal reforms 11

Legal theory

- L. Glukhareva*
Individual law as the regulation of social relations 23
- V. Tsyganovkin*
Anthropological dimension of legal regulation 36

Comparative law

- E. Patrakova*
Scandinavian (Nordic) legal family 43

Administrative law

- N. Popova*
On some problems and deficiencies in the administrative legislation 50

Public-law aspects of insurance

- E. Knyazeva, S. Timofeev*
The legal classification of the types of compulsory insurance
under the legislation of the Russian Federation 60

Innovative activity: legal aspects

- N. Kosyakova*
Stimulation of innovative activity of subjects of the Russian Federation –
legal aspects 74

Labour law

Yu. Korsanenкова, A. Korsanenкова

Material responsibility of the employee and the employer when the abuse of the right	82
---	----

Educative law

I. Kossov

The issue of the content of the student contract in the Russian Federation	87
---	----

Juvenile delinquency prevention

V. Mishota

The Commissions for Minors and Protection of their Rights as a subject of the Prevention system of youth homelessness and juvenile delinquency	92
--	----

International law

S. Balkhaeva

The operation of treaties of the Russian Federation in the course of time	99
--	----

Young Scientists' forum

D. Bargandzhiya

The referendum and its political and legal consequences for the republics, proclaimed the sovereignty and independence, but not recognized by the international community	107
---	-----

O. Matyushkina

Features of civil legal proceedings on cases of protection of Russian citizens' right to participate in referendum	111
---	-----

A. Sargsyan

The base for voluntary liquidation of business entities under the legislation of the Russian Federation	120
--	-----

<i>D. Andrianova</i>	
Problems of legal regulation of competition in the sphere of managing multiple dwellings	128
<i>E. Bodrova</i>	
Actual status of family dispute resolution in Russian and abroad	134
<i>D. Kulikova</i>	
Towards the question about the nature of the enforcement of foreign judgments in the Russian Federation	138

Reviews

<i>N. Borisova, E. Krupenya</i>	
Consistency could be envied (Book review: Constitutional law of the Russia: graduate textbook / Ed. by B. Ebzeev, E. Khazov, A. Prudnikov. 7th ed., rev. and enlarged. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 711 p. (Series “Dura lex, sed lex”). Writing staff of B. Ebzeev, V. Belonovsky, I. Zubov, E. Khazov, A. Prudnikov, A. Osavelyuk, N. Eriashvily etc.)	145
Abstracts	150
General data about the authors	159

Правовые реформы в России

А.А. Дорская

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ

В статье рассматриваются варианты классификаций правовых реформ. Показаны примеры правовых реформ на различных этапах российской истории. Сравняются такие понятия, как «незавершенная реформа» и «контрреформа». Раскрывается значение синергетического подхода для создания типологии правовых реформ.

Ключевые слова: правовая реформа, классификации правовых реформ, типология правовых реформ, контрреформа, цель правовой реформы, правовая реальность, правовые традиции, рецепция.

Создать типологию правовых реформ в России достаточно трудно в силу целого ряда причин, среди которых и возможность большого количества критериев для классификации, и ограниченность каждого отдельного подхода.

Первая возможная классификация – правовые реформы, направленные на обеспечение преобразований в других сферах жизни – политической, экономической, социальной и т. д., и реформы, призванные изменить саму правовую реальность.

Очевидно, что первый, более распространенный вариант – когда право является инструментом, обеспечивая проведение политических, экономических, социальных и других реформ. В частности, так произошло в первые годы советской власти. Ярким примером того, как правовая реформа становится базой для преобразований в других сферах, является правовое обеспечение инновационной деятельности в современной России.

Современное осмысление правового регулирования инновационных процессов началось с 1996 г. Принималось множество

документов, регламентирующих развитие научной сферы. Прежде всего, к ним необходимо отнести Доктрину развития российской науки, утвержденную Указом Президента Российской Федерации 13 июня 1996 г., Федеральный закон Российской Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Федеральный закон Российской Федерации от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации».

С 1997 г. начался новый этап в развитии правового регулирования инновационной деятельности, инновационных проектов. 28 июля 1997 г. в Саратовской области был принят Закон «Об инновациях и инновационной деятельности», статья 1 которого закрепила, что «инновация (нововведение) – результат научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности, признанный в соответствии с действующим законодательством объектом интеллектуальной собственности; инновационная деятельность – деятельность, имеющая основной целью реализацию в общественной практике инноваций, полученных в результате научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности, путем их практического освоения и включающая в себя как деятельность непосредственно по освоению инноваций, так и содействие этой деятельности...».

Затем стали приниматься аналогичные законы в других субъектах Российской Федерации: Закон Вологодской области «Об осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности на территории Вологодской области» от 30 октября 1997 г., Закон Оренбургской области «Об инновационной деятельности в Оренбургской области» от 15 июня 1998 г., Закон Алтайского края от 9 сентября 1998 г. «О государственной поддержке инновационной деятельности в агропромышленном комплексе Алтайского края», Закон Владимирской области «О научно-технической политике и мерах государственной поддержки научной деятельности инноваций во Владимирской области» от 24 марта 1999 г. и т. д.

В 2011 г. было констатировано завершение этапа посткризисного развития, и на федеральном уровне произошел переход от фрагментарного характера правового регулирования инновационной деятельности к систематизированному. 21 июля 2011 г. был принят Федеральный Закон Российской Федерации № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный Закон “О науке и государственной научно-технической политике”», который регулирует государственную поддержку инновационной деятельности. Таким

образом, если до 2011 г. специалисты утверждали, что «инновационная политика» формируется на уровне субъектов Российской Федерации»¹, то теперь это происходит и на федеральном уровне.

Ярким примером второго вида является и Судебная реформа 1864 г., которая была подреформой крупномасштабной государственно-правовой реформы правительства Александра II. Общество настолько поверило в возможность независимой судебной власти, что попыталось замахнуться даже на основы государственного строя. Например, К.П. Краковский, говоря о судопроизводстве этого периода по государственным преступлениям, отмечает: «Юридический романтизм “отцов судебной реформы” проявился в том, что при создании механизмов расследования и суждения дел о государственных преступлениях, когда само государство выступало в роли потерпевшего, они были весьма озабочены созданием гарантий общественного доверия к такому суду (идея, чтобы само общество, а не только государство в лице профессиональных судей, участвовало в суждении дел о государственных преступлениях, обеспечение высокого качества предварительного расследования государственных преступлений, система процессуальных прав обвиняемых и др.). Важнейшей гарантией была гласность политических процессов»². Таким образом, Судебные уставы 1864 г. и их реализация изменили отношение к суду и к судьям, превратили общественность в важнейшего участника судопроизводства, способствовали формированию нового поколения российских юристов, которые пронесли в своей профессиональной деятельности идею о праве как одной из высших ценностей.

Вторая классификация правовых реформ – завершенные и незавершенные реформы. Практически ни одна реформа не может быть единовременным действием. Она предполагает постепенность, поэтапность, комплексность преобразований.

Найти пример завершенной правовой реформы в истории России достаточно трудно. Это скорее исключение из правила. Пожалуй, к таким реформам можно отнести создание Соборного Уложения 1649 г. На Земском соборе 1648–1649 гг. при активном обсуждении представителей сословий из 116 городов правовым путем были не только решены проблемы, вызвавшие городские восстания, но и подготовлен новый свод законов, который с изменениями действовал до 1832 г. Кроме нового законодательного материала были продуманы механизмы реализации правовых норм: Уложение было напечатано и разослано по всем учреждениям и местностям.

Примером незавершенной правовой реформы можно назвать реформу, которая была задумана Павлом I, но в связи с его гибелью так и не была завершена. До Павла были неоднократные попытки создать новое после 1649 г. Уложение. Он же поручил собрать из архивов все законы и составить из них три книги: уголовных, гражданских и казенных дел. Вторая из них действительно была составлена, а по первой и третьей составлены планы. Причем если изначально император хотел, чтобы новые законы не принимались, в ходе работы он согласился, что постоянный законодательный процесс является необходимым. Из 2256 актов, изданных в царствование Павла I, его подпись стояла под 1401, что составляет 62,1%³. Однако при Александре I эта реформа не была продолжена. Как известно, была еще одна попытка создания нового Уложения.

Еще один важнейший вопрос, возникающий при данной классификации, – это соотношение понятий «незавершенная реформа» и «контрреформа».

Одним из критериев деления правовых реформ на незавершенные и правовые реформы, переросшие в контрреформы, следует считать цель прекращения реформирования.

В случае незавершенной правовой реформы их может быть две: 1) признание поставленной цели реформирования правовой системы недостижимой в принципе или в конкретный исторический момент; 2) смена власти, правящей элиты приводит к прекращению реформирования, которое в буквальном смысле просто обрывается.

Контрреформы – это осознание поставленной цели как ошибочной, неприемлемой для страны в силу сложившихся традиционных отношений, существующих обычаев, особенностей развития или признание недостаточной подготовки проводимой реформы, результаты которой приняли непредсказуемый характер. Как отмечает С.В. Дарчиева, «контрреформы могут остановить разрушительный процесс, начатый необдуманно, плохо подготовленными преобразованиями»⁴.

Еще один критерий разграничения правовых реформ, которые не были завершены, и правовых реформ, переросших в контрреформы, – это степень долгосрочности достигнутых во время проведения правовой реформы результатов. При таком подходе незаконченная реформа имеет отрицательный итог, так как не дает закрепиться нововведениям. Контрреформы же, наоборот, как ни парадоксально, выглядят необходимым этапом закрепления достижений, во время которого в российском обществе

достигается консенсус между сторонниками модернизации и традиционалистами.

Судить о незавершенной правовой реформе или контрреформе можно только на определенной временной отдаленности, когда причинно-следственные связи более очевидны, а эмоциональное восприятие снижено.

Третья возможная классификация – исходя из цели правовой реформы. Сегодня можно выделить две глобальные цели. Первая цель – улучшение жизни общества в целом и каждого его члена. Качественное улучшение жизни – категория достаточно размытая. Это связано с тем, что, во-первых, общество может четко не осознавать своих потребностей в правовой сфере, иметь о них приблизительные представления, тем более что история российского права имеет огромное количество примеров, когда общество не принимало определенную правовую норму и находило разные, даже самые оригинальные пути ее не просто неисполнения, а преодоления. Например, невозможность для членов семьи иметь несколько квартир или жилых домов в советское время приводило к фиктивным разводам и т. п. Во-вторых, качественное улучшение жизни может быть не связано с повышением материального благосостояния, а выражаться в большей степени защищенности, превентивных мерах государства по предотвращению совершения преступлений, повышении уровня правосознания, развитию правоприменительной практики.

Именно права человека и гражданина могут служить тем индикатором, который выявляет истинную цель конкретной правовой реформы. Объем прав человека и гражданина и их реализация показывают истинные намерения государственной власти по реформированию различных сфер жизни⁵. Конечно, здесь допустимы исключения. Режим военного положения, чрезвычайного положения являются теми хронологически ограниченными периодами, когда ограничения прав не только допустимы, но и полностью оправданны.

Вместе с тем права человека и гражданина не могут выступать как абсолютная категория, так как стратегическая цель любой правовой реформы – это согласование правового развития страны с его общественным развитием⁶. Роль права здесь может быть различна: оно может как ускорять, так и замедлять общественное развитие. Система прав человека меняется, и кроме гражданских и политических, социально-экономических, коллективных прав развиваются гендерные, экологические, биоэтические, информационные и другие права.

Однако возможна и другая цель – при декларируемой общественной цели реально преследуется сохранение власти правящей элитой⁷. В этом случае возможен произвол в правовой сфере⁸.

Примером реализации такой цели может служить правовая реформа большевиков. Одним из ее направлений являлось создание «нового» международного права: «открещивание» от принципов буржуазного международного права и попытка создать «новое международное право», делящее мир на «своих» (социалистических) и «чужих» (капиталистических). Дореволюционное понимание международного права как «юридической стороны цивилизации, т. е. примирения потребностей различных государств, из которых слагается международное общежитие»⁹ было признано ошибочным. Можно сказать, что эта тенденция продолжалась вплоть до создания ООН в 1945 г. и окончательно была преодолена в 60-е годы XX в., когда реальная угроза третьей мировой войны заставила государства разных систем признать общепризнанные нормы международного права в качестве одного из главных достижений и ценностей человечества. Безусловно, что такой пример реализации одного из направлений правовой реформы имел целью исключительно сохранение власти партией большевиков.

Четвертая классификация правовых реформ – по источнику реформирования.

Здесь можно выделить четыре варианта: реформы, опирающиеся на позитивный отечественный опыт прошлого, на правовые традиции; реформы, представляющие собой эксперимент по созданию инновационных правовых норм и институтов, не имеющих аналогов; реформы, в результате которых осуществляется рецепция принципов и норм зарубежного, как правило европейского, права; реформы по приведению элементов правовой системы страны в соответствие с международно-правовыми стандартами.

Правовая традиция – одно из самых дискуссионных понятий юридической науки, которое, между тем, имеет важное значение в силу целого ряда причин. В юридической науке существуют самые разнообразные определения традиции в целом и правовой традиции в частности. Но главными являются три точки зрения:

- традицией является сама история права (И.А. Исаев¹⁰, Е.А. Сорокина¹¹);
- традиционным считается то, что отложилось во времени, в течение которого к данному явлению привыкают, оно ни у кого не вызывает удивления либо неприятия. Со временем само явление и обращение к нему могут стать определенной тради-

цией. У большинства складывается суждение о том, что так и должно быть. Таким образом, традиционным можно считать понимание должного (Ю.В. Баранов¹², Т.В. Шатковская¹³);

- традиции права – это правовые обычаи (С.В. Кузнецов¹⁴, С.Я. Лебедев¹⁵).

Перечисление вариантов определения правовых традиций может быть продолжено. Но очень важным является лингвистическое толкование терминов «обычай» и «традиция». При подборе наиболее соответствующих им глаголов получается, что обычай следует соблюдать, а традицию поддерживать. Таким образом, обычай носит больше императивный характер, и именно поэтому, видимо, правовой обычай на протяжении многих веков являлся источником (формой) права. Традиция же предполагает диспозитивность, ее придерживаются сознательно не только потому, что так сложилось исторически, так поступали отцы и деды, а потому, что это правильно, хорошо, справедливо и требует поддержки.

Необходимо отметить, что правовые традиции в России играли особую роль, как правило, в периоды, когда правовой обычай уже не мог регулировать новые общественные отношения, а закон еще не был принят или разрушал сложившиеся устои. Именно тогда правовая традиция спасала ситуацию. Например, деятельность волостных судов после Судебной реформы 1864 г. строилась на основе правовых обычаев, однако поддерживались и традиции «крестьянского права»: в гражданских спорах учитывалось, если в семье одни дочери, с малосостоятельных дворов могли не взиматься повинности и т. д. Р.И. Станисловайтисом была предложена следующая цепочка процесса нормообразования: простейший запрет (табу) – обычай – традиция – право – традиция – обычай¹⁶.

Правовая реформа в РСФСР в 1917–1923 гг. может служить примером эксперимента по созданию инновационных правовых норм и институтов, не имеющих аналогов. Беспрецедентные для того времени национализация частной собственности, отмена наследования в 1918–1922 гг., исчезновение из признаков преступления вины, разработка социально-экономических прав и свобод, равенство мужчины и женщины в политической сфере, разработка новой концепции международного права социалистических стран и многие другие нововведения представляли собой попытку создания новой правовой системы революционными методами.

Реформы, связанные с рецепцией зарубежного права, принимались в России неоднократно. Сюда можно отнести и

заимствование вместе с христианством источников права Византийской империи – Номоканона, Эклоги, Прохирона и других, и использование Литовского статута при создании сначала Сводного судебника 1606 г., а затем Соборного Уложения 1649 г., и Петровские правовые реформы, и систематизацию российского права М.М. Сперанским, и правовые реформы периода «великих реформ» и Первой российской революции, а также современные правовые реформы. Правда, историки права скептически оценивают возможность таких реформ. Так, Т.В. Шатковская справедливо отмечает, что «в российском варианте следует исходить из огромного заряда традиционализма, успешно перерабатывающего любые инновации, полученные с Запада»¹⁷.

Впервые тема о реформах по приведению элементов правовой системы страны в соответствие международно-правовым стандартам стала разрабатываться в российской юридической науке в конце XIX в. Например, Л.А. Камаровский в 1890-е гг. писал: «Между трактатами и законами существуют многообразные и живые связи. Часто издаются законы, сообразные с трактатами, и, наоборот, заключаются последние для дальнейшего развития и осуществления первых... Здесь нужно строго разграничивать соприкасающиеся области государственную и международную: нельзя одобрить ни перенесения государственных принципов на почву международную, ... ни поддержки каких-либо порядков международными мерами...»¹⁸. В советское время ей не уделялось большого внимания. Абсолютно новая ситуация в вопросе соотношения внутригосударственного и международного права возникла после одобрения 12 декабря 1993 г. всенародным референдумом Конституции Российской Федерации, в которой общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации признаны составной частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15)¹⁹.

Рассмотрение разных классификаций правовых реформ позволяет перейти к синергетическому подходу в типологизации правовых реформ. Один из наиболее интересных вариантов предложил О.А. Пучков, который считает, что правовая реформа может рассматриваться «1) как преобразование деятельности участников правовой системы (мотив – цель – задачи – содержание – формы – методы – результаты); 2) как преобразование и совершенствование состава субъектов правовой системы (законодательные органы, органы полиции, ФСБ, судебные органы, региональные, местные); 3) как реформирование, происходящее на определенных уровнях

правового регулирования (федеральном, региональном, местном); 4) как изменение содержания правового регулирования (создание и освоение новелл законодательства, правоприменения, толкования права)»²⁰.

Рассмотрим различные примеры данной типологии.

Безусловно, преобразованием деятельности участников правовой системы является и широкомасштабная правовая реформа Петра I. Осознание России как империи, имеющей выход к морям, успешно торгующей с разными странами мира, населенной разными народами, поставило новую цель – превращение России в великую державу. Для этого необходимо было, с одной стороны, создать стройную систему государственных органов, а с другой – правовыми способами обеспечить определенную свободу индивиду, стремящемуся служить государству. Отражением этого процесса стало формирование новой иерархически выверенной системы власти и ослабление сословных рамок (Табель о рангах 1722 г.). При этом необходимо отметить устойчивость правовых преобразований Петра I: «коллегии просуществовали до 1802 г., т. е. 80 лет, подушная система налогообложения, введенная в 1724 г., была отменена лишь 163 года спустя, в 1887 г. Последний рекрутский набор состоялся в 1874 г., спустя 170 лет после первого. Синодальное управление Русской Православной Церкви оставалось неизменным почти 200 лет... Созданный Петром в 1711 г. Правительствующий Сенат был ликвидирован лишь в декабре 1917 г., спустя 206 лет после его образования»²¹.

Примеров преобразования и совершенствования состава субъектов правовой системы в истории российского права также много. Так, неоднократно в России предпринимались попытки создать эффективно работающие органы политической юстиции, к которым можно отнести и «причину Ивана Грозного как систему государственных органов и мер, направленных против измены бояр в России в 1565–1572 гг.; Приказ тайных дел (1654–1676), осуществлявший контроль за деятельностью всех государственных органов и рассматривавший важнейшие политические дела; Преображенский приказ (1695–1729), Тайную канцелярию, учрежденную Петром I в 1718 г. для рассмотрения дел, связанных с государственной изменой; Канцелярию тайных розыскных дел, являющуюся высшим органом политического сыска в России в 1731–1762 гг., и др.»²²

Рассмотрение правовых реформ в России с точки зрения реформирований, происходящих на определенных уровнях правового регулирования (федеральном, региональном, местном),

также является абсолютно необходимым. Например, в диссертационном исследовании С.А. Февралёва отмечается, что в России можно говорить о двух уровнях права – общегосударственном и местном (партикулярном). Одним из главных аргументов в пользу своей теории исследователь, например, считает увеличение пространства с середины XVII до начала XX в. в 1,55 раза, с 14,1 до 21,8 млн кв. км, рост численности населения в 25,4 раза, с 7 до 178 млн человек, а также изменение удельного веса населения национальных районов по отношению к центральным губерниям с 14,3% в конце XVII в. до 59,1% в начале XX в.²³ Естественно, что такой рост территории неизбежно включал изменения в системе местных органов управления и самоуправления, а также в местном праве в общегосударственные правовые реформы, проводившиеся в разное время в России.

Наконец, изменения содержания правового регулирования (создание и освоение новелл законодательства, правоприменения, толкования права) также представляют собой один из типов правовых реформ. Содержательное реформирование права кроме общих подходов всегда будет иметь специфику. Как отмечает, к примеру, Д.А. Пашенцев при исследовании финансовых реформ, «рассматривая реформу финансовой системы в контексте правовых реформ, проводимых в современной России, необходимо учитывать, во-первых, те общие черты, которые отличают правовые реформы, во-вторых, специфику финансовой сферы. Основные направления правовых реформ в финансовой сфере определяются, в первую очередь, структурой финансовой деятельности государства»²⁴.

В зависимости от разнообразных критериев можно предложить и другие типологии правовых реформ в России.

Таким образом, именно разработка типологии правовых реформ позволяет сделать понятие правовой реформы более универсальным, нацелить на стратегический ракурс разработки их этапов, сфокусировать их главную цель – улучшение жизни если не всех членов общества, то хотя бы подавляющего большинства.

Примечания

¹ Звездкина А.С. Инновационная деятельность в России: проблемы правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

² Краковский К.П. Политическая юстиция в России во 2-й половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 20.

- 3 *Скоробогатов А.В.* Правовая реформа в России во второй половине XVIII века // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 2. С. 90–91.
- 4 *Дарчиева С.В.* Реформы и контрреформы на Северном Кавказе: проблема выбора (конец XIX – начало XX вв.) // Власть. 2013. № 11. С. 156.
- 5 *Глухарева Л.И.* Права человека как основание классификации реформ в России // Вестник РГГУ. 2014. № 9 (131). Серия «Юридические науки». С. 11–28.
- 6 *Полинина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П.* Некоторые проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Представительная власть – XXI век. 2008. № 1. С. 9.
- 7 *Ткаченко С.В.* Россия и Запад в российских правовых реформах 90-х гг. XX века // Право и государство: теория и практика. 2012. № 10 (94). С. 85.
- 8 *Крупняя Е.М.* Юридический статус как основание статусного публичного права России (теоретический аспект) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 3. С. 38.
- 9 *Международное право.* Литография. [Б. м.], 1865. С. 2.
- 10 *Исаев И.А.* История России. Правовые традиции. М.: ЮКИС, 1995.
- 11 *Сорокина Е.А.* Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
- 12 *Баранов Ю.В.* Правовая социализация: традиции и новации. Казань: Познание, 2007. С. 9.
- 13 *Шатковская Т.В.* Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений в аспекте российской правовой традиции. Ростов н/Д: РИЦ РГЭУ (РИНХ), 2011. С. 149.
- 14 *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских XIX – начала XXI вв. М.: ИЭА РАН, 2008. 362 с.
- 15 *Лебедев С.Я.* Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации (теоретические и методологические основы исследования): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 45 с.
- 16 *Станиславйтис Р.И.* Обычаи и традиции в механизме социального действия права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 16.
- 17 *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 4.
- 18 *Камаровский Л.А.* Основные вопросы науки международного права. М., 1892. С. 31–33.
- 19 Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
- 20 *Пучков О.А.* Методологические аспекты правовой реформы в России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. Вып. 4. С. 141.

- ²¹ *Ткаченко С.В.* Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права. Самара: Самарский университет, 2008. С. 66–67.
- ²² *Бабенко В.Н.* К истории политической юстиции в России // Россия и современный мир. 2006. № 4. С. 148.
- ²³ *Февралёв С.А.* Местное право в национальных регионах Российской империи: формирование, источники, трансформации (вторая половина XVII – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 8, 11.
- ²⁴ *Пашенцев Д.А.* Реформирование финансовой системы в контексте правовых реформ в России // Вестник Академии права и управления. 2014. № 34. С. 13.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье раскрывается понятие индивидуального права, указываются его признаки и отличия от смежных категорий, раскрываются свойства, способные ответить на современные вызовы индивидуализации и фрагментации общественных отношений. Высказывается точка зрения о необходимости развития индивидуального права в его взаимосвязи с государственным правом.

Ключевые слова: индивидуальное право, государственное право, социальное право, индивидуализм, формы права.

Неудовлетворенность содержанием и результатами действия отечественного законодательства высказывается сегодня не только профессиональным сообществом юристов, но и широкими кругами населения. Заметно растет вал принимаемых нормативных актов, которые, с одной стороны, со всё большей интенсивностью охватывают новые сферы общественных отношений, расширяя пространство своего действия, с другой – они всё более детально, скрупулезно и с мелкими подробностями предписывают модели должного поведения¹. Несмотря на такую экспансию официального регулирования, социальная реальность демонстрирует низкую результативность последнего: уровень правопорядка, правового сознания, поведения и деятельности россиян оставляет желать лучшего.

Причины подобного положения дел, как представляется, лежат не только в ситуативном и человеческом факторах сегодняшнего времени – переходном периоде страны, неудовлетворительных экономических условиях, коррупции, несовершенстве правотвор-

ческих и правоприменительных механизмов, ошибках и просчетах отдельных лиц и проч., но и в фундаментальных основах социального устройства России, в традиционных практиках взаимоотношений власти и общества, государства и личности. Причины заключаются в разрыве между индивидуалистически организованным российским обществом и сориентированным на коллективность государством. Россияне, невзирая на приписываемые им характеристики соборности, общинности, коммунитарности и проч., были и остаются на личностном уровне обществом индивидуалистов.

Индивидуализм, как известно, развивается в связи с появлением большей устойчивости поколений людей к различным факторам социальной среды. Во главу угла он ставит личные интересы, опору в разрешении жизненных проблем на личность самого человека. Приоритетными в сознании носителей индивидуализма являются установки на самореализацию, достижение успеха, эгоизм, удовлетворение растущих потребностей и т. п. Первостепенными становятся ценности семейной жизни, претензии на невмешательство в частную сферу, свободу собственной деятельности, получение удовольствий в жизни и т. п. Социологические исследования последних двадцати лет отмечают, что по сравнению с советским периодом в России произошел заметный скачок в самосознании людей: примерно треть российских граждан сегодня желает, чтобы государство оставило их в покое и не мешало самостоятельно решать возникающие проблемы, они полагают, что в состоянии сами позаботиться о себе и своих близких. Только половина респондентов согласилась с утверждением о том, что для того, чтобы добиться чего-то важного, следует действовать сообща, вместе с другими. Положительно воспринимают содержание индивидуализма 61% россиян. Практически половина опрошенных убеждена, что государство обязано выступать гарантом интересов общества в целом, а не отдельной личности (на Западе мнение прямо противоположное). Индивидуализм в обществе, судя по сравнительной динамике с 1997 по 2014 г.², явно прогрессирует: все более растет самообожление, крепнет самостоятельность отдельных лиц, заявляют о себе личностные амбиции, нарастают недоверие и отчужденность между людьми и по отношению к государству и т. п.

Впрочем, следует заметить, что рост индивидуализма не является каким-то новым качеством российского общества. Яркую индивидуальность русского человека в сравнении с представителями западной цивилизации, традиционно считающимися индивидуалистами, глубоко раскрыли и предметно доказали в своих работах отечественные философы еще в XIX–XX вв. – П.Я. Чаадаев, К.Н. Ле-

онтьев, В.В. Розанов, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Г.П. Федотов, А.Ф. Лосев и др.³ То, что индивидуализм существует и развит в России, может быть, даже в большей степени, чем на Западе, подтверждают многочисленные бытовые, политические и экономические практики. То, что россияне – индивидуалисты и, следовательно, что в российской национальной культуре большую роль играют неформальные правила упорядочения отношений, подтверждают и кросскультурные исследования, проведенные по методикам Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарса, Р. Инглхарта и др.⁴ Социометрические данные о соотношении ценностей и поведенческих установок показывают, что российский индивидуализм по своим проявлениям средний, хотя по некоторым параметрам и зашкаливает. Русские являются радикальными, конфликтными индивидуалистами, это находит свое подтверждение, например, в способах разрешения споров, в неготовности понять и принять чужое мнение, насилии и проч. Индивидуализм россиян объясняется давними антагонистическими отношениями с государством, желанием скрыться от его надзора, стремлением жить своим умом, обостренным чувством личного суверенитета. Российский индивидуализм проявляется и в том, что народ не умеет кооперироваться, при этом у него отмечаются весьма заниженные материальные потребности, позволяющие обходиться небольшим количеством благ и комфорта. В России индивидуализм настолько силен, что для его компенсации понадобилось сверхмощное государство, поскольку без этатизма народное единство в широких просторах страны давно бы рассыпалось. Государство приучало народ к коллективизму, и российский коллективизм – действительно мощный и основательный, только это государственный коллективизм, а народ и каждый человек в отдельности – глубоко индивидуалистичны⁵. Такая специфика общественной жизни ни плоха ни хороша, это – данность социальной системы.

С одной стороны, конечно, индивидуализм способствует самостоятельности, самовыражению личности, осознанию собственного достоинства, принятию рациональных ценностей и т. п., но с другой – жизнь в обществе и вся человеческая деятельность имеет коллективный характер, она бессмысленна без взаимосвязей и взаимозависимостей. При этом в индивидуалистически организованном обществе в силу давления соответствующих установок редко удается осуществлять эти взаимосвязи сердечным (соучастным, нравственным) образом. Поэтому в целях обеспечения и поддержания какого-то порядка широкое распространение приобретают «холодные» механизмы, среди которых и государственные право-

вые регуляторы. Однако сегодня, как отмечалось выше, последнее (официальное право государства) в ситуации фрагментации социальных связей и обособления индивидов демонстрируют все меньшую свою эффективность, они оказываются не в состоянии результативно реагировать на позитивные и негативные вызовы современности. Поэтому естественным образом напрашивается вывод о необходимости привлечения к процессу упорядочения общественных отношений новых или в полную меру ранее не использованных регуляторов. Например, индивидуальное право.

Речь, конечно, не идет о замене права государства другим правом. Ставятся лишь вопросы о поддержании правопорядка путем совместного использования индивидуалистических и коллективистских механизмов регулирования общественных отношений в их оптимальном соотношении, об эффективном взаимодействии официального и неофициального права, об определении сфер жизнедеятельности, в которых такое взаимодействие возможно.

Здесь нужно заметить, что если знания о государственном (официальном) праве достаточно глубоки и его характеристики общеизвестны, то представления о природе и регулятивных способностях индивидуального права таковым не отличаются. Поэтому требуются пояснения относительно некоторых свойств индивидуального права.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что индивидуальное право отличается качествами, которые в условиях фрагментации общественной жизни, с одной стороны, предоставляют каждому лицу возможность заявить и презентовать себя другим людям, укрепить свою неповторимую индивидуальность, развивать и отстаивать свои интересы, способности, таланты и проч. С другой – индивидуальное право (так же, как и государственное право) помогает каждому, как необходимо включенному в систему социальных и правовых связей и как не существующему вне этих связей, поддерживать и развивать их. Но при этом индивидуальное право по своей природе и предназначению способно не просто противодействовать распаду социальных контактов, но и порождать более разнообразные и в более быстрых темпах, чем это способно делать государственное право, новые виды правовых отношений.

В отечественной литературе, нетрудно заметить, понятие индивидуального права не является общепризнанным. Из теоретических разработок на этот счет можно назвать исследования С.С. Алексеева, В.П. Малахова и З.К. Шавлоховой, которые предложили свое видение данного явления, соответственно, и научной категории.

Так, С.С. Алексеев считал индивидуальное право особым типом права, которое может появиться в будущем при условии, если человечество «перейдет к либеральным цивилизациям»⁶. Он называл индивидуальное право также правом человека в значении объективного права. Поскольку индивидуальное право, по его мнению, обосновано всей логикой права, поэтому оно является «чистым правом» в смысле выражения им собственно правовых начал. С.С. Алексеев определял индивидуальное право также в качестве дозволительного (дозволяющего) права, поскольку его началом считал естественное право, основанное на свободе автономного индивида и творческой активности людей. Дозволительное право, подчеркивал известный профессор, имеет свою логику организации: это сфера частного права, диспозитивного построения правового материала, центром правового регулирования в котором выступают субъективные права. Автор именовал его правом гражданского общества, гуманистическим и противостоящим властям правом, наднациональным образованием, возвышающимся над государством. Индивидуальное (дозволительное) право, по его мнению, нуждается в конкретизации, осуществить которую можно и нужно посредством объективации его установлений через закон.

У В.П. Малахова индивидуальное право выступает в качестве особой формы права наряду с общим, групповым и международным правом⁷. Автор называет его неюридической подформой права, видит его целевую установку в интеграции (адаптации и включении в групповые и более отвлеченные, опосредованные общественные отношения), а узловую ценность – в самовоспроизводстве субъекта. В.П. Малахов считает, что индивидуальное право находится под влиянием государственного (юридического) права, имеет спонтанную самоорганизацию и является механизмом опосредованной реализации общего права и непосредственной реализации группового права и права человека, оно реализует общие требования, специфически, однако, их преломляя.

В кандидатской диссертации З.К. Шавлоховой, посвященной индивидуальной правовой жизни, индивидуальное право представлено в качестве формы выражения прав человека⁸. В самом общем виде, полагает исследователь, содержанием индивидуального права являются права человека в их взаимной связанности. Индивидуальное право представляет собой форму существования права и специфический механизм реализации общественного (группового, коллективного) права. В индивидуальном праве как целостности автор выделяет три группы прав – естественные, предоставляемые

и приобретаемые права, но подчеркивает, что ни в области естественных, ни в области предоставляемых прав люди не предстают в своей индивидуальности, поэтому говорить по отношению к ним об индивидуальном праве в полном смысле этого слова еще нельзя. Существенные отличия между людьми возникают в области приобретаемых прав, поэтому право человека существует реально, когда в индивидуальном праве наличествуют все три группы указанных прав.

Опуская дискуссию по поводу высказанных мнений, каждое из которых вносит свою лепту в понимание индивидуального права, нужно подчеркнуть плодотворность представления его в качестве самостоятельной формы права. С этой точки зрения перспективна разработка индивидуального права по критерию субъекта, создающего его. Важно его видение в ряду таких форм, как государственное (т. е. властно-принудительное право государства) и социальное (иначе – общественное или корпоративное) право объединений людей. В этом контексте по сравнению с государственным (юридическим) и социальным правом индивидуальное право – это другое право, причем хорошо откликающееся на индивидуалистические тенденции в обществе. Правда, можно ли отношения, возникающие по инициативе людей и вне ориентира на государственные установления, считать при этом правовыми, зависит от методологической позиции, принятой применительно к категориям «право», «юридический» и т. п. Представляется, что наша современность востребует социолого-правовой взгляд на право и правовую систему общества в целом, поэтому отличительным признаком права и всего правового, на мой взгляд, является взаимность прав и обязанностей сторон. Если отношения субъектов возникают по схеме прав и обязанностей, корреспондирующих друг другу, то это правовые отношения. На базе данной посылки строятся и характеристики индивидуального права, что дает основания определять последнее как самостоятельную форму права, а равно как самостоятельную систему объективного права.

В самом общем приближении индивидуальное право можно определить как «возможности индивида утверждать свою личность в обществе», «иметь власть противопоставить всем свою индивидуальность»⁹. Создавая те или иные материальные или духовные ценности и имея потребность получать взамен другие, субстанциональность человека, естественно, этим не ограничивается. Через созданный предмет (объект и благо, интересные другим) каждый заявляет, «транслирует» себя в обществе, свои возможности, таланты, уникальность, неповторимость, самостоятельность и т. п.

Посредством этого человек утверждает в социуме свою личность и порождает тем самым социальные связи и зависимости.

Индивидуальное право возникает и существует благодаря самостоятельности человека, в результате его индивидуальной правовой жизни. Ведь: а) человек есть существо правовое, он сам создает правовой мир вокруг себя, а право имманентно человеческой жизни; б) индивидуальное право возможно благодаря взаимодействию (коммуникации) правовых существ между собой, т. е. благодаря акту признания Другого. Естественно, что «без коммуникации» и «без Другого» индивидуальное право (как, впрочем, и другие формы права) существовать не может.

К этому нужно добавить, что индивидуальное право инициируется волей и интересами самого индивида, а не власти. От усилий самого человека зависит успешность его возникновения и осуществления. Оно образуется спонтанно, т. е. из внутренних побуждений личности, а не из предписаний извне. Реализуется индивидуальное право в рамках правового общения, оно является способом общения. Эта форма права конкретна и адресна, устанавливается лишь по мотивам личной целесообразности, причем если плата (в широком смысле) не превышает вознаграждение. Оно относится к автономному и координационному регулированию, отражает взаимную заинтересованность сторон. Для него характерна временная однократность, его действие прекращается сразу после осуществления обоюдных действий сторон.

Индивидуальное право – форма неофициального права, поскольку размещается в сфере, не подведомственной закону.

Организационно индивидуальное право неинституционально, поскольку воплощается в виде корреспонденции спонтанных и неформализованных притязаний и обязательств (обещаний и ожиданий) сторон, которые осуществляются, в свою очередь, посредством фактического взаимодействия субъектов общения.

Индивидуальное право – самостоятельная система права, но по сравнению с официальным государственным правом она более динамична, поскольку воплощается не в нормах, а в поведении (деятельности, акциях). В индивидуальном праве выражаются не столько намерения (как, например, в договорных отношениях, регулируемых официальным правом), сколько фактические, реальные действия, подтверждающие и воплощающие намерения.

С этих позиций можно утверждать, что индивидуальное право является объективным правом, однако не в том смысле, что выражено в виде привычных формальных норм, а как целостность фактических притязаний и обязательств сторон. В индивидуальном праве

присутствуют не нормы в формальном смысле, а скорее привитые индивиду либо наработанные им привычки поступать определенным образом, в том числе ориентироваться на нормы государственного и общественного права. Такие привычки-установки «существуют по типу моральных норм, носят частный характер и не артикулированы»¹⁰. Здесь применимы характеристики Т.В. Кашаниной (данные, правда, применительно к индивидуальному регулированию): в индивидуальном праве содержатся не обычные правовые нормы, а своеобразные ««микронормы», которые рассчитаны на строго определенный круг лиц и на однократность применения»¹¹.

Поэтому индивидуальное право как научная (догматическая) конструкция способна неплохо отражать прежде всего неинституциональные формы регуляции общественных отношений и социальной деятельности. Эта конструкция не формализована юридически, но это не значит, что в реальности стороны не руководствуются никакими правилами. Поскольку субъекты заинтересованы в деятельности друг друга, то на этой почве возникают взаимные ожидания как некоторые возможности, установки, требования, обещания, ограничения и т. п. С учетом представлений о должном, допустимом, возможном, желательном либо нежелательном, неприемлемом, безнравственном и проч. вырабатываются фактические согласования – нормы-ожидания, которые становятся ориентирами для поведения участников общения. Суть связи, возникающей в данном случае, можно выразить при помощи таких показателей, как притязания-ожидания одной стороны и обязательства-обещания другой. Благодаря такой связи участники оказываются связанными по схемам предоставления, принятия, требования, навязывания, причинения и т. п. По своему назначению и общему смыслу возможности-усмотрения и обязательства-обещания близки позитивистским субъективным правам и юридическим обязанностям. Но здесь в полную меру проявляются творческие, обусловленные личностными знаниями, способностями и желаниями, а равно находящиеся под влиянием неповторимой ситуации (которую, кстати, не может всеобъемлюще учесть формальный закон) способы установления отношений. Все это характеризует индивидуальное право как весьма динамичный тип объективного права.

В качестве примеров проявления индивидуального права в настоящее время можно привести: сделки, которые по каким-то причинам оказались не известными или не интересными законодателю; сферу действия п. 1 ст. 8 ГК РФ, в которой говорится, что гражданские права и обязанности возникают «также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом

или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности»; соглашения в предпринимательской, имущественной, частной, семейной жизни; самозащиту и правозащитную деятельность («диссидентское право»); ситуацию поддержания общественного порядка (программа «соседское око»); акции гражданского общества (в рамках, например, выдвижения своих представителей для контактов с властями и иными субъектами). В качестве индивидуального права могут осуществляться все предъюрисдикционные связи, которым ничто не мешает позже переформатироваться в юридическую схему – правоотношение, определяемое государственным правом. Особую значимость индивидуальное право имеет для сферы роста среднего и мелкого бизнеса как свободы творить. Не лишне заметить, что, по некоторым данным, в России эта область «регулируется» немислимым количеством нормативных актов – примерно 7–8 миллионами¹². Это вызывает большие сомнения в части оправдания возложенных на бизнес ожиданий по стабилизации и развитию экономики России.

Индивидуальное право необходимо отличать от смежных и пограничных институтов.

Прежде всего, нужно отметить, что индивидуальное право не тождественно субъективному праву¹³. Субъективное право – это институт государственного права, следствие, выводимое из объективного права как совокупности норм, принятых государством. В этой конструкции субъективное право есть индивидуализация общей государственной нормы, которая применяется к конкретному случаю и которая выражается в субъективных правах физических и юридических лиц. Субъективное право – это разрешенная и гарантированная официальным правом мера возможного (разрешенного) поведения, т. е. это прерогативы личности, необходимые и достаточные ей (по мнению государства как управляющей системы) в общественной и личной жизни. Благодаря предоставленному (именно «предоставленному», а не «приобретенному») субъективному праву индивид получает доступ к всевозможным благам. Субъективное право выводится из объективного права, которое, в свою очередь, представляет собой выражение государственной воли, причем воля и интерес индивида оказываются в данном случае как бы «растворенными» в субъективном праве, выражающем эту государственную волю. Если субъективное право выводится из объективного официального права государства, то индивидуальное право – из воли и интересов самостоятельной личности. Кстати, если бы субъективное право сегодня понималось бы так же, как это

имело место в работах юристов дореволюционного периода (т. е. как производное от воли и интереса субъекта – носителя прав), то не было бы надобности в настоящее время говорить об индивидуальном праве.

Индивидуальное право следует отличать от прав человека. Права человека имеют специализированную направленность – защиту от произвола государства и иных властвующих лиц. Одной стороной по защите прав человека всегда выступает сам индивид (группа людей), чьи права нарушены, а другой – государство в целом либо его властные агенты. Индивидуальное право лишено такой специализации, оно продуцируется во взаимоотношениях с любым другим лицом и не обязательно касается защиты своих интересов. Конечно, права человека в первую очередь принадлежат индивидам, но это не значит, что они тождественны индивидуальному праву, как полагают некоторые авторы¹⁴. Эти категории разнятся по природе, происхождению, свойствам, цели и проч.¹⁵

Есть специфика в характеристиках отношений, возникающих в рамках индивидуального права и возникающих в рамках правоотношения. Те и другие представляют собой разновидности правового общения. Но правоотношение формируется на основе общеобязательной нормы права (государственного права), а отношения в рамках индивидуального права – творческие, определяемые каждый раз ситуативно, согласно воле и интересам самих участников.

Регулирование в рамках индивидуального права отличается и от известного в позитивистской юриспруденции индивидуального правового регулирования¹⁶. Последнее представляет собой институт государственного права, содержанием которого является конкретизация, уточнение положений общей нормы права для отдельного случая. Оно не является самостоятельным видом социального регулирования, а представляет лишь стадию реализации официальных правовых норм путем детализации масштабов поведения персональных участников отношений. Это субординационное регулирование в том смысле, что зависит от правовых установлений государства. Регулирование же путем использования механизмов индивидуального права полностью зависит от усмотрения сторон, хотя в этом проявляются как положительные, так и отрицательные его стороны.

Конечно, с точки зрения понятия о правопорядке индивидуальное право несет собой некоторую опасность: ведь притязания и обязательства, из которых состоит индивидуальное право, могут самоопределяться в результате кооперации (сотрудничества)

сторон, а равно конфликта между ними. Правовое общение здесь может принять форму договоренностей (добровольного соглашения) либо доминирования, обмана, манипуляции, насилия и т. п. Поэтому можно предположить, что индивидуальное право присутствует как в легальной, так и теневой социальности, участвует как в организации правовой жизни, так и ее дезорганизации (в этом контексте излишне напоминать еще раз в силу самоочевидности актуальность форсирования мероприятий по правовому воспитанию и формированию правовой культуры личности в России). Отсюда понятна боязнь неконтролируемой свободы личности, которую несет собой индивидуальное право.

Почему же тогда индивидуальное право предлагается в качестве инструмента регулирования общественных отношений? Во-первых, потому что оно формирует самостоятельность и самоответственность личности, одновременно необходимых как для ответа на тенденции индивидуализации общества, так и для дальнейшего поддержания социальности. Во-вторых, оно много лучше, чем государственное право, нюансирует коммуникацию и позволяет находить ту меру справедливости, взаимно искомую и одинаково понимаемую в конкретном, отдельном случае сторонами. В-третьих, нужно освободить государство от законодательных перегрузок, которое пытается все более глубоко, детально и широко заявить о своем присутствии, зарегулировать как можно большее количество жизненных сфер. Считаю, что нужно перераспределить роль каждого из известных на сегодня правовых регуляторов, возложить ряд самостоятельных функций на индивидуальное (кстати, и социальное) право, не бояться привлечь к этому творческий потенциал индивидов, оказывать доверие людям. Такое предложение в решении вопросов поддержания правопорядка подсказывают процессы индивидуализации и фрагментации, идущие полным ходом в современном российском обществе. К такому решению подталкивают и задачи, поставленные в рамках продвижения экономической реформы в стране.

Примечания

¹ Так, в 2010 г. в Российской Федерации было принято 216 законов, а за первую половину 2014 г. – уже 259 (Российская газета. 2014. 28 окт.). О нарастающей детализации законодательства см.: Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2012 г., подготовленный Минюстом России (Вестник Российской правовой академии. 2014. № 2. С. 3–26).

- ² См.: Исследования Института социологии РАН (Российская газета. 2010. 1 дек.; 2011. 4 февр.; 2013. 15 янв.; 2014. 16 мая).
- ³ Русский индивидуализм: Сборник работ русских философов XIX–XX веков / Под ред. О.В. Селина. М.: Алгоритм, 2007. 288 с.
- ⁴ Герт Хофстеде и его теория измерений культур: обзорная информация [Электронный ресурс] // World Speaking. URL: <http://news.telelangue.com/ru/2011/10/hofstede-cultural-theory> (дата обращения: 09.11.2014); *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Электронный ресурс] // Московский инженерно-физический институт. Кафедра социологии и гуманитарной культуры. URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm> (дата обращения: 09.11.2014); Классификация деловых культур по Тромпенаарсу // Пушных В.А. Межкультурный менеджмент. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://textb.net/97/11.html> (дата обращения: 09.11.2014).
- ⁵ См.: *Аузан А.* Мы – индивидуалисты [Электронный ресурс] // Вести образования. URL: <http://vogazeta.ru/ivo/info/14177.html> (дата обращения: 18.09.2014); *Ващенко И.С., Рыкалина Е.Б., Фахрудинова Э.Р.* Индивидуализм в современном обществе [Электронный ресурс] // Медицинские интернет-конференции. URL: <http://medconfer.com/node/1762> (дата обращения: 18.09.2014); Что лучше: индивидуализм и коллективизм? Часть 1 [Электронный ресурс] // Бэкмология. URL: <http://becmology.ru/blog/general/individualism01.htm> (дата обращения: 18.09.2014).
- ⁶ *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 608–662.
- ⁷ *Малахов В.П.* Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. С. 49–56, 68–74; *Он же.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. С. 110–136.
- ⁸ *Шавлохова З.К.* Индивидуальная правовая жизнь и ее основные формы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
- ⁹ См.: *Дюги Л.* Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / Пер. А. Бэтта. СПб., 1909. С. 6–9.
- ¹⁰ *Малахов В.П.* Указ. соч. С. 69.
- ¹¹ *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 123–124.
- ¹² Российская газета. 2014. 1 дек.
- ¹³ Подробнее см.: *Васев И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 78–114.
- ¹⁴ Например, З.К. Шавлохова пишет: «В самом общем виде содержанием индивидуального права являются права человека в их взаимной связанности. Поэтому существо индивидуального права может быть понято только на основе анализа понятия прав человека» (*Шавлохова З.К.* Указ. соч. С. 7).

- ¹⁵ Подробнее об этом см.: *Глухарева Л.И.* Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. 2009. № 11. Серия «Юридические науки». С. 50–61.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 167; *Краснояржуский С.Г.* Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 8; *Минникес И.А.* Индивидуальное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 9, 22.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается антропологический подход к объяснению феномена правового регулирования в современной юридической науке, противостоящий классическому позитивистскому дискурсу. Демонстрируется необходимость соответствующих изменений категорий правовой догматики с реифицирующих на человекомерные.

Ключевые слова: правовое регулирование, метод правового регулирования, антропологизм, реификация, социокультурная обусловленность права.

Типичный подход к описанию и объяснению феномена правового регулирования в современном российском как в научном, так и образовательном дискурсе кратко можно охарактеризовать как «антропоморфизм вместо антропологизма».

В большей степени в образовательной сфере и в несколько меньшей степени – в научной преобладает реифицирующий подход, когда юридические средства, способы и методы правового регулирования представляются как некоторые материальные сущности, обладающие свойствами объективного (внеличностного) бытия. Очевидно, из этого зачастую вытекают трудности понимания студентами данных теоретических конструкций, поскольку при таком подходе «правовое регулирование» предстает в их сознании, говоря ненаучным языком оккультизма, как эгрегор, который живет самостоятельной жизнью. С точки зрения же постклассических научных стандартов правовое регулирование следует рассматривать как антропологизированное, т. е. человекомерное, а также качественно-специфическое (а не чисто фено-

менологическое), социокультурно обусловленное (не абсолютно релятивное, но и не универсальное для всех обществ) явление.

Антропологичность данного явления прежде всего означает, что правовое регулирование представляет собой социальную деятельность людей, поскольку с точки зрения постклассической науки других реально действующих субъектов права не существует. Антропологический поворот в постклассической науке¹ и антропоцентризм права, в частности, предполагает выделять в структуре правового регулирования такой элемент, как «субъект правового регулирования» (хотя в какой-то мере он уже включен в объект и метод, ибо вне и помимо субъекта-человека невозможны ни социальные отношения, ни различные способы их упорядочения). Определение правового регулирования как упорядочивающего воздействия на социальное поведение без указания на субъект (субъекты) такого воздействия либо обозначение в качестве таковых исключительно правовых норм и институтов является реификацией, свойственной классической юриспруденции, не удовлетворяющей критерию антропологизма постклассической науки, требующей описания и объяснения в человекообразных категориях.

Что это означает применительно к конкретным категориям юридической науки и правовой догматики, и в частности – конструкциям теории правового регулирования? Как с точки зрения антропологического подхода проявляется, например, императивный метод регулирования при реализации охранительной нормы, запрещающей и наказывающей коррупцию? Люди, сталкиваясь с коррупционным поведением других (имеется в виду типичный образ поведения в большинстве случаев), демонстрируют неприятие такого поведения, социальное отчуждение от субъекта такого поведения и оказывают содействие властным акторам в привлечении деликвента к ответственности.

Антропологическое понимание правового регулирования в рамках юриспруденции как социальной науки также означает, что такое регулирование имеет место только как устойчивая актуальная социальная практика, существующая независимо от ее формализации в официальных прескриптивных текстах.

Для того чтобы понять, что реальное социальное регулирование – это прежде всего способы деятельности людей, формы их типичного социального взаимодействия, возьмем простой пример: каково реальное нормативное регулирование в российском обществе относительно такого явления, как коррупция? Реальным социальным порядком, т. е. результатом упорядочения, регулирова-

ния в данной сфере, «нормой жизни», является то, что типичными и общезначимыми в России выступают коррупционные способы взаимодействия, а не способы деятельности, отвергающие и наказывающие коррупционное поведение. Формы взаимодействия, исключая коррупцию и противодействующие ей, являются скорее исключением из правила, а не нормой. А ведь постоянно реализующаяся в повседневной практике актуальная норма это и есть результат процесса регулирования.

Антропологизм научного подхода к правовому регулированию имеет еще один важнейший аспект. А именно – понимание того, что в основе данного специфического социального явления лежит такая культурная ценность, как самопринадлежность человеческой личности (ее свобода и достоинство). Соответственно, в основе антрополого-юридического описания и объяснения правового регулирования как феномена социальной жизни должно лежать понимание «метода правового регулирования» как специфического – человекоцентричного – способа упорядоченного социального взаимодействия людей в качестве равных друг другу в свободе и ответственности (равноправных) индивидов, т. е. «субъектов права».

Качественная специфика правового регулирования означает, что в ходе такого сознательного упорядочения люди выстраивают свои социальные взаимодействия на основе особого – правового – метода регуляции, в соответствии с аутентичным ценностно-регулятивным принципом («принципом права») – принципом равноценности каждого человеческого индивида, т. е. равной ценности свободной и самопринадлежащей человеческой личности. (В аналитическом расчленении эта ценность предполагает такие аспекты, как равная ценность, самопринадлежность и достоинство личности.)

Соответственно, правовое регулирование существует в обществе только в случае соответствия авторитетно предписываемых и общеобязательных правил социального поведения означенным выше ценностным установкам как представлением о «должном» значимого большинства членов общества. Признание обществом основополагающих правовых идей и ценностей является не конечной целью правового регулирования, как полагают некоторые авторы², а его необходимой предпосылкой. Поэтому правовое регулирование – это абстракция таких реальных социальных порядков персонцентристских цивилизаций, где свободная человеческая личность признается высшей ценностью.

С этим связан важнейший вывод о том, что различные типы социальной регуляции (право, мораль, религия и т. д.), понимаемые

как способы ухода от социального (шире – онтологического) хаоса путем установления партиципационных отношений с источником порядка, подобно видовым границам в биологии, разделяют исторические типы ментальности. По мнению культурологов, между ними нет и в принципе не может быть никакого синтеза, паллиатива или консенсуса, а потому идея единых общечеловеческих ценностей – чистейший миф³.

Социокультуры, в которых доминируют определенные ценности, возможные во многом благодаря сочетанию «внешних», материальных факторов жизни этого общества, формируют способы поведения, соответствующие данным ценностям и обеспечивающие их жизнеспособность и воспроизводство.

Способом социальной регуляции, формой общественного взаимодействия людей, позволяющим обеспечить существование общезначимой ценности самопринадлежности и свободы личности, т. е. совместить свободу одного лица с равноценной свободой другого, стало «право». Именно такой способ упорядочения поведения людей в обществе на основе признания их формально равными друг другу в свободе обеспечивает тем самым признание и защиту «свободы личности» в качестве одной из базовых ценностей культуры. Таким образом, формально равная мера свободы участников социального общения и является специфической целью правового регулирования, определяющей его сущность и содержание⁴. Иначе говоря, право – это нормативное выражение (ипостась) свободы, как социальной ценности, т. е. стратегической детерминанты поведения больших групп людей, укорененных в течение длительных периодов времени в определенной социокультурной среде⁵. Такие базисные ценности культуры, по словам В.С. Степина, представляют своего рода геном социальной жизни. И если мы хотим выяснить, почему воспроизводится правовое либо неправовое сознание и поведение, необходимо определить, каковы те ценности, которые программируют людей в реальной повседневности⁶.

Различные исторические проявления – т. е. феноменализация – данной ценности, «свободы личности» (например, равноправие всех свободных граждан в античном полисе или равноправие внутри одного сословия при неравноправии в отношении членов другого сословия – в обществе Средневековья) зачастую не позволяли уловить их односущность именно в силу несхожести масштаба внешней манифестации. И наоборот, сходство феноменологии социальных явлений (поддержка со стороны государства и законодательная форма права в одних обществах и внешне идентичное государственное обеспечение и облачение в виде зако-

нов для не-права в других обществах) нередко заставляло людей воспринимать эти сходные лишь внешне социальные явления как проявления одной и той же сущности – «права», и экстраполировать данное название, обозначавшее феномен с одной качественной определенностью, на феномен с совершенно иным качеством. Нет и не бывает, по словам Л.С. Мамута, «неизменных форм правового общения, но суть правового общения (однажды возникшего) не меняется, представляя в различных обличьях»⁷.

Таким образом, необходимым условием, институциональным и антропным основанием и одновременно имманентным свойством права является социальная свобода самопринадлежащей личности (свобода человека в обществе). Масштаб этой свободы является исторически и социокультурно обусловленным, однако имеет определенные минимально возможные (неснижаемые) пределы, с которых свобода начинается и ниже которых заканчивается (не существует как таковая), т. е. некое инвариантное ядро этого понятия и явления, обеспечивающее соблюдение критерия операциональности при использовании данного понятия применительно ко всем обществам при всех их социокультурных особенностях.

Справедливая мера свободы личности как цель и содержание правового способа регуляции не есть некая равнодействующая различных произволов, каждый раз стихийно устанавливаемая фактическим соотношением сил. В условиях правовой социокультуры она не ищется заново каждый раз посредством борьбы и насилия. Социокультура, основанная на принципе свободы личности, не могла бы быть устойчивой системой, если бы все свои расхождения в интересах люди решали с помощью силы, а не нашли бы стабильную и общую для всех форму ограничения произвола или форму реализации свободы, которой является право⁸.

О таком человекообразном сущностном признаке правового метода социальной регуляции «проговариваются» и многие позитивисты, определяя его, однако, как факультативный и не объясняя при этом его противоречие их собственному конкурирующему сущностному признаку – «принудительной всеобщезначимости»⁹.

Как же объяснить тот парадокс, когда многие правоведы утверждают в своих исследованиях, что право и правовое регулирование есть обеспечение равной меры прав и свобод личности, но при этом данное утверждение не оказывает никакого влияния на ход их исследований, поскольку они рассматривают эмпирические регулятивные институты в качестве «правовых» независимо от их функций и содержания? Представляется, что в большинстве слу-

чаев причиной этого является классическая установка на дуализм «сущего» и «должного», которая применительно к праву означает наличие «должного быть права» и «права сущего» («позитивного»). Поэтому прескриптивные представления о том, что право «должно» обеспечивать свободу личности, оказываются включенными в дескриптивные по природе научные исследования в качестве идеологических лозунгов и манифестов.

Помимо неприемлемого для юридической науки утраты единства ее предмета, такое дуалистическое восприятие права имеет также негативные практические социальные последствия. Утверждая, по сути, что, несмотря на их собственные гуманистические предпочтения, право может быть любым по своему содержанию, они фактически легитимируют искажение изначального значения данного понятия и возможность его использования в качестве идеологического прикрытия неправовых по сути институтов и действий власти¹⁰.

Как показывают культуролого-антропологические исследования¹¹, с историко-прагматической точки зрения позиция подавления личности в угоду каким угодно государственным интересам является ущербной, поскольку такая социальная система в исторической перспективе оказывается внутренне нежизнеспособной, неконкурентоспособной во внешнем культурно-цивилизационном контексте и не способной к развитию и самоизменению.

Сегодня антропологизм как важнейший постклассический критерий понимания права еще не вполне находит воплощение в современной российской юриспруденции. Однако признание и утверждение антропного принципа и человекоцентризма как основы права в юридической практике и научной правовой доктрине (взаимообратно влияющих друг на друга) является одной из наиболее актуальных проблем современного юридического сообщества и нашего общества в целом.

Примечания

- ¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 165–166.
- ² Долгополова М.В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 16.
- ³ Пелипенко А.А. Русская система в культурном измерении // Фонд «Либеральная миссия»: Дискуссии: Куда ведет кризис культуры? Семинар второй. М.: Лаборатория теоретических исследований права и государства НИУ ВШЭ, 2011. С. 6.

- ⁴ *Варламова Н.В.* Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации: Монография / Под ред. Н.С. Соколова. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 342.
- ⁵ Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. С. 343.
- ⁶ *Степин В.С.* Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова, Ю.Н. Солонина. М.: Летний сад, 2010. С. 17.
- ⁷ *Мамут Л.С.* Правовое общение: очерк теории. М., 2011. С. 28.
- ⁸ *Клименко Ю.Г.* Свобода как правовая категория: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 107.
- ⁹ Так, по словам С.С. Алексева, право – «это обусловленная природой человека и общества и выражающая свободу личности система регулирования общественных отношений» (Теория государства и права // Алексеев С.С., Архипов С.И. и др. М., 2005. С. 190). Л.А. Морозова полагает, что «право по своей природе есть не только формально равный, но и справедливый масштаб свободы, справедливая мера свободы» (*Морозова Л.А.* Теория государства и права. М.: ЭКСМО, 2010. С. 233).
- ¹⁰ *Schmitt C.* Der Führer schützt das Recht // Deutsche Juristen-Zeitung. 1934. Bd. 39.
- ¹¹ См., например: *Пелипенко А.А.* Указ. соч. С. 6.

Е.А. Патракова

СКАНДИНАВСКАЯ (НОРДИЧЕСКАЯ) ПРАВОВАЯ СЕМЬЯ

Работа представляет собой обзор признаков и особенностей правовой модели в северных странах. Автором предлагается переосмысление терминов, которые используются при названии этой правовой системы.

Ключевые слова: Скандинавия, понятие нордического права, источники права, унификация, роль суда, юридическое сотрудничество.

Краткий обзор правового устройства стран Северной Европы показывает их тесный контакт во многих областях, в том числе и в юридической сфере, на протяжении всей истории. После периода викингов (800–1050 гг.), покоренные королевства – Норвегия, Дания и Швеция – объединились в Кальмарскую унию в 1397–1523 гг. В это время территория Финляндии была частью Швеции (с 1157 г.), а Исландия, Гренландия и Фарерские острова были частью Норвегии. После распада унии Норвегия и ее острова остались под Данией с реальной унией, как и Швеция с Финляндией. Официальным административным языком Западного Севера являлся датский, а Восточного Севера – шведский. Формой правления в XVII–XVIII вв. была абсолютная монархия. В XIX в. власть монарха ограничивалась конституцией.

В 1809 г. Швеция потеряла Финляндию, которая вошла в состав Российской империи. В 1814 г. Дания передала территорию Норвегии Швеции. В обоих случаях это были личные унии с большой автономией, которые тем не менее распались соответственно в 1905 и 1918 гг. Исландия стала полностью независимой от Дании в 1944 г. На сегодняшний день Швеция, Дания и Норвегия являются конституционными монархиями с развитыми чертами

парламентаризма, Исландия и Финляндия – демократическими республиками.

В целом у этих пяти современных государств общая историческая судьба, большое сходство в укладе жизни, теснейшие экономические, культурные и политические связи. Всё это способствовало развитию общего юридического мышления и правовой культуры¹.

Однако интересно то, что понятие Скандинавии до сих пор не определено однозначно. Часто в него включают все пять перечисленных стран². Но стоит заметить, что только в трех государствах – Норвегии, Швеции и Дании – разделяется это мнение. Главным аргументом является сходство языков. Финляндия и Исландия не относят себя к Скандинавии, но присоединяются к более широкому историко-географическому понятию – *Norden* (Север). Последнее деление также используется в литературе для описания правовой семьи всех пяти северных государств, именуя его в целом *нордическим правом*³. В английском и немецком языках есть слово *Nordic / Nordische*, но в юридической литературе скандинавское и нордическое право используются как синонимы⁴. В России слово «нордическое» имеет несколько негативную коннотацию, но, возможно, есть смысл использовать те же понятия и разграничения в терминологии, как это делают и северные соседи⁵.

Нордическое право⁶, хотя и является в большей мере самостоятельной семьей, все равно очень близко к романо-германской системе, особенно к ее немецкой части⁷. Причиной этому служит широкое использование юридических конструкций и понятий, заимствованных у континентального права. Верховенство закона и абстрактная норма права – яркий пример такого заимствования и, соответственно, сходства⁸. Поэтому рассматриваемую правовую семью можно определить как нечто среднее между романо-германским и общим, англо-американским правом. В сходстве с общим правом обращают на себя внимание менее заметная роль римского права, отсутствие кодексов, а также высокая значимость судебной практики (хотя последняя и не относится к правилам прецедента англо-американского типа).

Структурно нордическая правовая семья разделяется на частное и публичное право. Частное право – это, например, гражданское, семейное, наследственное, имущественное, договорное, а также морское, торговое и имматериальное право. В публичное право входит: конституционное (государственное), административное, уголовное, налоговое право. В Дании процессуальным правом называется нечто среднее между частным и публичным правом. Трудовое и корпоративное право, изначально принадле-

жавшее частному праву, всё чаще подвергаются общественному (публичному) регулированию. Международное право выделяется как особая группа правовых норм.

Источники нордической правовой семьи в целом схожи, но нужно также учитывать национальные различия. Основным источником является закон как писаная норма права, относящаяся к определенному правопорядку. Пирамиду в иерархии источников национального права возглавляет Конституция. Парламент принимает официальные законы, но часто делегирует законодательные полномочия исполнительной власти. Надо заметить, что при разногласии право Евросоюза (ЕС) стоит выше национальных законов стран – членов ЕС. В Норвегии Европейская конвенция о защите прав и свобод человека имеет статус выше обычного закона, но ниже Конституции⁹.

Подготовка (или *мотивы законов*) является вспомогательным фактором при толковании закона. В Норвегии это достаточно важный самостоятельный источник¹⁰, который подчеркивает значимость закона и парламента, так как материалы обсуждения законопроектов дают возможность выявить истинные намерения законодателя.

Следующий по значимости источник права – *судебная практика*, особенно судебный прецедент, значение которого всё в большей мере возрастает¹¹. Верховный суд играет особенную роль в толковании, что де-факто может оцениваться как нормотворчество, особенно тогда, когда закон либо не предлагает механизм регулирования, либо его содержание не ясно. Одинаковые случаи должны решаться одинаково – таков аргумент для использования прецедентов¹². Все решения Верховного суда публикуются в печатном и электронном виде. Также публикуются собрания важных судебных решений всех пяти стран. Решения иллюстрируют достаточно подробное изложение аргументов судьями, их понимание действующего права в конкретном деле. В них также могут присутствовать так называемые случайные замечания (*obiter dictum*).

Правовой обычай – неписаная норма права, она применяется там, где нет регулирования законом либо при толковании иных норм. Конституционный обычай имеет статус статьи Конституции и не может быть изменен обычными законами. В Норвегии, например, судебный конституционный контроль и парламентаризм являются институтами таких конституционных обычаев.

Доктрина (юридическая наука) не обязывает (т. е. не выступает формальным источником права), но на мнение уважаемых и авторитетных юристов, особенно тех, работы которых были изданы в

прошлом, часто ссылаются в судебной практике, в законодательном процессе и, конечно, используют при обучении будущих юристов в университетах. Совместная юридическая литература северных стран способствует развитию сотрудничества.

Особый источник права в северных странах можно перевести как «*реальные соображения*» или «*сущность обстоятельств*». По сути это принципы, такие как: справедливость, добрая воля, умеренность, целесообразность, предсказуемость и т. п. Требования добросовестности, разумности, справедливости и социальной ориентации права чаще всего присутствуют в процессе толкования.

Перечисленные выше источники – традиционные. Но новые сложные реалии жизни в сфере технологий, экономики, культуры, меняющиеся ценности жизни и, конечно, глобализация напрямую влияют на действующее право и устоявшиеся методы решения правовых проблем. Сильное влияние оказывают и международные конвенции и договоры, особенно в системе ЕС.

Роль суда весьма значительна. Так называемое право проверки или *судебный конституционный контроль* Верховного суда дает возможность проверять и осуждать законы, которые противоречат Конституции. Однако сам суд не может провести такую проверку без конкретной жалобы. В Норвегии в Конституции записано, что парламент сам может обратиться к Верховному суду за оценкой законопроекта перед тем, как принять его. В Швеции существует особая инстанция – Законодательный совет, который осуществляет предварительную проверку. Но последнее слово все равно остается за законодателем.

Суды обладают большой свободой в толковании, их роль не сводится исключительно лишь к применению норм законодательства¹³. Суды разделены на три инстанции, где низшие практически во всех случаях признают решения высшего суда «авторитетным изложением действующего права»¹⁴. Но все-таки не следует забывать, что закон является основным источником права, а суды формально не могут, решая конкретный спор, создавать новые правовые нормы. Здесь же надо учитывать влияние решений судов, созданных в системе ЕС.

Ни в одном из пяти государств нет кодексов, и эта особенность часто представляется как отличительная от континентальной системы. Но надо иметь в виду, что отсутствие кодификации является скорее результатом прежних неудачных попыток. Все страны Скандинавии ставили себе задачу по примеру Кодекса Наполеона кодифицировать большую часть своего права. Например, в Норвегии одновременно с принятием Конституции в мае

1814 г. было принято решение создать гражданский и уголовный кодексы. В созданный для этого комитет вошли ведущие юристы, и надо заметить, что цель создания кодексов подразумевала при этом решение задачи существенного ограничения или даже прекращения издания новых законов. Видимо, парламенту, который стал со временем главным законодательным органом государств, не совсем доверяют в его законодательной деятельности¹⁵.

Работа над кодификацией привела не только к пересмотру всего национального законодательства, но и принятию важных отраслевых актов. Планы кодификации также распространились на межрегиональный уровень, так называемый *скандинавизм* (движение, которое началось с 50-х годов XIX в.) хотел сблизить Скандинавские страны – Данию, Норвегию и Швецию. После обретения независимости Финляндией это движение приобрело характер нордической стратегии¹⁶. Как отмечает А.Х. Саидов, «скандинавское право – это не система позитивного права, а юридическая концепция»¹⁷. Уппсальская школа создала основу этой концепции – *скандинавский правовой реализм*, истоки которого были заложены в начале XX в. Это философское движение утверждало, что абсолютных прав не существует, из-за нечеткости законов судье нередко приходится быть нормотворцом, тогда как на нем лежит обязанность принимать свои решения для общего блага и пользы. При этом присутствует идея о том, что у каждой юридической проблемы имеется более одного решения.

Помимо общих философских корней северные страны преимущественно из-за схожести скандинавских языков тесно сотрудничали между собой в законодательной сфере, результатом чего стали унифицированные акты, одинаково принятые в этих странах. Тесное юридическое сотрудничество началось с первой «Нордической встречи юристов» в 1872 г. в Копенгагене¹⁸. Первый общий закон об оборотных документах (векселях) был предложен в 1880 г. Каждая из трех Скандинавских стран его приняла, тем самым зародилась традиция унификации и гармонизации законов в отдельных сферах, особенно в коммерческом частном праве. Тем не менее планы кодификации всего частного права через единый Скандинавский гражданский кодекс все-таки не смогли воплотиться¹⁹.

Юридические съезды продолжают уже на протяжении 140 лет. Раз в три года влиятельные юристы (судьи, научные исследователи, адвокаты) встречаются в одной из северных столиц. Области сотрудничества, как правило, гражданское право: брачно-семейное, договорное, деликтное, корпоративное право и право интеллектуальной собственности. Другие юридические темы так-

же могут быть представлены, главное в таких встречах – «обсуждение и общение между нордическими коллегами», которые дают «основу для знаний и размышлений о нордических – а постепенно также и европейских – правовых традициях и усиленном правовом единении»²⁰. Доклады встреч издаются, что может являться частью общепринятых правовых источников²¹. Этот нордический опыт оценивается как модель для подобного сотрудничества на общеевропейском уровне²².

Сейчас сотрудничество северных стран тесно связано с континентальной Европой, так как Швеция, Дания и Финляндия входят в Евросоюз. Хотя Норвегия и Исландия – не члены ЕС, но через Европейскую ассоциацию свободной торговли (вместе с Лихтенштейном) они входят в Европейскую экономическую зону с соответствующим правовым регулированием. Так или иначе, но Евросоюз имеет большое влияние на законодательство всех этих стран. Международное сотрудничество и тенденция глобализации постепенно размывают четкие границы правовых систем, что позволяет им сближаться через заимствование и унификацию. С другой стороны, это приводит к потребности переоценить роль и значение национального права, а с этим и степень суверенитета национального государства.

Примечания

- ¹ См.: *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1996. С. 127.
- ² Например, так указывается в Большом юридическом словаре: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 123.
- ³ Основная работа по истории нордической правовой науки написана финским профессором Ларсом Бьёрне. См.: *Björne L.* Den nordiska rättsvetenskapens historia. Stockholm, 1995–2007.
- ⁴ *Zweigert K., Kötz H.* Introduction to comparative law. Oxford, 1998. P. 86.
- ⁵ Уже в 2001 г. на конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии было предложено назвать отрасль науки, занимающуюся Североевропейским регионом, «нордистикой». См.: *Рогинский В.В.* Борьба за Скандинавию. М.: Весь мир, 2012. С. 15.
- ⁶ В данном тексте будет использоваться этот термин, когда речь пойдет о пяти странах.
- ⁷ *Michalsen D.* Rett. Oslo: Pax, 2012. P. 164.
- ⁸ *Каудов А.Х.* Сравнительное правоведение. М.: Юристъ, 2000. С. 177.

- ⁹ Knophs oversikt over Norges rett / K. Lilleholth (red.). Oslo: Universitetsforlaget, 2004. S. 12. Этот закон также трансформирован и считается частью национального права.
- ¹⁰ В Норвегии в 2013 г. все обсуждения парламента за 200 лет были дигитализированы.
- ¹¹ *Björne L.* Op. cit. S. 121.
- ¹² Knophs oversikt over Norges rett. S. 18.
- ¹³ *Caудов А.Х.* Указ. соч. С. 186.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Michalsen D., Sandvik H.* Kodifkasjon og konstitusjon. Oslo: Pax, 2013. P. 53.
- ¹⁶ *Michalsen D.* Op. cit. P. 62.
- ¹⁷ *Caудов А.Х.* Указ. соч. С. 184.
- ¹⁸ Количество участников на первом съезде было: 231 человек от Дании, 113 – от Швеции, 50 – от Норвегии и 3 – от Финляндии (перевод с норвежского мой. – *Е. П.*). См.: De Nordiske Juristmøter [Электронный ресурс]. URL:<http://nordiskjurist.org/om> (дата обращения: 12.07.2014).
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. С 1948 г. Сборники докладов хранятся в электронном виде на сайте <http://nordiskjurist.org/meetings/>.
- ²² *Caудов А.Х.* Указ. соч. С. 184. Ссылаясь на Ю.А. Тихомирова, он отмечает, что государства Балтии всё активнее втягиваются в сферу влияния нордического права.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И НЕДОСТАТКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Статья посвящена анализу недостатков законодательства об административных правонарушениях, о государственной службе, а также проблеме выделения административно-процессуального права из административного права.

Ключевые слова: законодательство об административных правонарушениях, государственная служба, административно-процессуальное право, проблемы, недостатки.

В данной статье остановимся на некоторых недостатках законодательства об административных правонарушениях, о государственной службе, на проблеме выделения административно-процессуального права из административного права.

Предпринимаемые государством усилия по противодействию административной деликтности пока не принесли желаемых результатов. Ежегодно совершаются десятки миллионов нарушений, по оценкам отдельных авторов – около 100 млн. Деликтологическая ситуация в России остается сложной – растет количество совершаемых административных правонарушений, углубляются тенденции демонстративного пренебрежения к нормам морали и права со стороны значительной части ранее законопослушного населения. Эти тенденции особенно заметны в публичной сфере, где административные правонарушения затрагивают интересы многих людей. В последние годы не произошло существенного сокращения наиболее распространенных нарушений общественного порядка (мелкое хулиганство, появление в пьяном виде в общественных местах и т. д.), административных правонарушений в области

дорожного движения и др. Резко возросло количество нарушений административно-правовых установлений в сфере экономики со стороны юридических лиц.

А.Н. Дерюга правильно отмечает, что борьба с административными правонарушениями носит односторонний характер – с позиции увеличения количества и детализации общественных отношений, требующих административно-правовой защиты, ужесточения санкций существующих составов административных правонарушений, а также совершенствования административного законодательства и подзаконных правовых актов в сфере производства по делам об административных правонарушениях².

Неоднозначно оценивается учеными тенденция расширения административно-юрисдикционной защиты правопорядка в сфере государственного управления.

За время действия КоАП РФ принято более 350 федеральных законов, которые вносили изменения в Кодекс, и в том числе установили новые административно-правовые запреты (новые составы административных правонарушений). В момент принятия КоАП РФ их было 404, а в настоящее время число составов административных правонарушений увеличилось примерно в два раза.

Например, значительно расширилась глава 15. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ в нее введены 16 новых статей 15.15.1–15.15.16 (неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом; нарушение условий предоставления бюджетного кредита; предоставления межбюджетных трансфертов, бюджетных инвестиций, субсидий; нарушение порядка представления бюджетной отчетности, составления, утверждения и ведения бюджетных смет; нарушение запрета на предоставление бюджетных кредитов и (или) субсидий и др.).

Изменилась первоначальная редакция всех статей этой главы.

По мнению А.П. Шергина, законодатель «без особой нужды» значительно увеличил специальные нормы Особенной части КоАП РФ. В качестве примера он приводит ст. 19.5. Она предусматривает ответственность за невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль³. В 22 частях статьи эта норма воспроизводится с указанием соответствующего контрольно-надзорного органа. Данная норма дополнялась каждый раз, как только появлялся новый орган.

Неоднозначно оценивается и ужесточение административной ответственности. Об этом говорилось в выступлениях Л.Л. Попова,

С.А. Старостина, А.П. Шергина и других участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина (к 90-летию со дня рождения), 21 марта 2014 г. в Санкт-Петербурге. Тема конференции – «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права».

Увеличение размеров административных штрафов в отношении граждан было осуществлено за совершение 37 видов правонарушений (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ). Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 3.5 максимальный размер штрафа в отношении граждан не должен превышать пяти тысяч рублей.

Наиболее яркий пример – увеличение штрафов за нарушение законодательства о проведении публичных мероприятий. Федеральным законом от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ был увеличен размер штрафа за нарушение организатором публичного мероприятия установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования до двадцати тысяч рублей (ст. 20.2 ч. 1 КоАП РФ); за организацию либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия – до тридцати тысяч рублей (ст. 20 ч. 2); за совершение указанных деяний (бездействие), повлекших причинение вреда здоровью человека или имуществу, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния, – до трехсот тысяч рублей. Этим же Законом ст. 20.2 дополнена частями 6, 7 и 8, также предусматривающими ответственность граждан в виде штрафа до трехсот тысяч рублей.

Таким образом, максимальный размер штрафа, установленный для граждан, в указанных случаях был превышен в 60 раз. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении должностных лиц и юридических лиц.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон ‘О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях’” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» признал соответствующим Конституции РФ установление за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 5.38, 20.2, 20.2.2 и 20.18 КоАП Российской Федерации, административных штрафов

для граждан в размере до трехсот тысяч рублей и для должностных лиц – до шестисот тысяч рублей.

В то же время Конституционный Суд РФ обязал органы исполнительной власти субъекта РФ при определении специально отведенных для проведения публичных мероприятий мест исходить из необходимости наличия таких мест как минимум в каждом городском округе и муниципальном районе.

Процессуальным проблемам КоАП РФ в юридической литературе уделяется много внимания⁴. Назовем некоторые из них. В ст. 29.8 Кодекс обязывает лишь коллегиальные органы административной юрисдикции вести протокол рассмотрения дела об административном правонарушении. Принимая во внимание тот факт, что в ходе слушания дела (см. ст. 24.3, 24.4, 28.1, 29.4 и др.) по многим вопросам выносятся определения (например, при рассмотрении ходатайств, отводов, о возвращении протокола для устранения недостатков, о приводе свидетеля и т. д.), необходимо предусмотреть ведение протокола рассмотрения дела каждым субъектом административной юрисдикции.

Кодекс не определяет требований к составлению жалобы на постановление по делу. Необходимо дополнить главу 30 КоАП РФ отдельной статьей, устанавливающей требования к содержанию жалобы на постановление по делу об административном правонарушении.

Кодекс не определяет порядок обжалования мер обеспечения производства по делам об этих административных правонарушениях, а устанавливает только порядок обжалования постановления по делу.

В КоАП РФ закреплено неравенство в праве получения некоторых процессуальных документов между лицом, в отношении которого ведется производство, и потерпевшим. Так, например, ряд документов вручается потерпевшему не в обязательном порядке как лицу, в отношении которого ведется производство, а только по его просьбе (копия постановления по делу (ст. 29.11) и копия решения по жалобе на постановление по делу). Причем последний документ вручается ему по его просьбе только в случае подачи им жалобы (ст. 30.8).

Кодекс закрепляет только право лица, в отношении которого ведется производство, ходатайствовать о рассмотрении дела по месту его жительства, не предоставляя такое право законным представителям юридического лица, в отношении которого ведется производство, и потерпевшим, что нарушает принцип равноправия сторон при разрешении административно-правовых споров и др.

Глава 25 КоАП РФ называется «Участники производства по делам об административных правонарушениях, их права и обязанности». Однако в ней четко не определены обязанности участников производства.

На эти недостатки указывалось во многих научных работах, но никаких изменений по их устранению в КоАП внесено не было.

С.М. Зырянов отмечает, что несоблюдение административно-процессуальных норм КоАП РФ влечет отмену более 30% постановлений по делам об административных правонарушениях от числа, рассмотренных судами в вышестоящих инстанциях⁵.

Далее остановимся на некоторых недостатках Общей части КоАП РФ. И.П. Долгих обращает внимание на отсутствие в Кодексе понятия «неоконченное административное правонарушение». На практике «подобный пробел в законодательстве способствует тому, что лица, совершившие правонарушения, но не сумевшие довести их до конца по не зависящим от них причинам, уходят от ответственности, что в конечном итоге не способствует достижению целей административной ответственности»⁶.

Также он обращает внимание на то обстоятельство, что законодатель ограничил перечень административных правонарушений, при совершении которых возможно проведение административного расследования. Ученый обосновывает предложение по внесению изменений в ст. 28.7 КоАП РФ, указав в ней, что в случае проведения экспертиз или иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, проводится административное расследование вне зависимости от объекта административно-правовой охраны.

Можно также поддержать суждение И.П. Долгих о том, что меры административно-правового воздействия могут послужить эффективным профилактическим средством борьбы с коррупционными преступлениями. С этой целью он считает целесообразным дополнить КоАП РФ новой главой «Коррупционные правонарушения», предусмотрев в качестве наказания за их совершение дисквалификацию государственных и муниципальных служащих. «Сроки дисквалификации как вида административного наказания должны быть существенным образом оптимизированы в сторону увеличения». Существующие в КоАП нормы, предусмотренные ст. 19.28 («Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»), явно недостаточны для осуществления эффективной борьбы с коррупцией.

И.П. Долгих предлагает включить в новую главу такие составы, как «Получение и дача взятки», «Халатность», «Злоупотребление

должностными полномочиями», «Превышение должностных полномочий», разграничив указанные деяния как виды административного правонарушения и как виды уголовно наказуемого деяния.

О выделении из административного права административно-процессуального права в последнее время много говорится. Следует напомнить, что ст. 72 Конституции РФ относит к совместному ведению РФ и субъектов РФ административное и административно-процессуальное законодательство. В этой связи М.Я. Масленников⁷, С.А. Старостин⁸, П.П. Серков⁹ и другие ученые обосновывают необходимость принятия административно-процессуального кодекса, призванного регулировать процедуры правоприменения по делам об административных правонарушениях.

Но в настоящее время административно-процессуальное право – всего лишь большая группа норм, регулирующих процедуры властной деятельности органов исполнительной власти и находящихся в системе административного права. Процессуальные нормы не систематизированы в рамках административного права, но органично включены в рамки отдельных административно-правовых институтов (государственной службы, административной ответственности и др.). Чаще всего и материальные и процессуальные нормы содержатся в одних и тех же актах. Так, процессуальных норм много в КоАП, в ФЗ о государственной гражданской службе, лицензировании и др.¹⁰

Особенности административно-процессуальных норм в том, что они обслуживают материальные нормы многих отраслей права (конституционного, административного, земельного, гражданского, семейного и др.).

Создать в настоящее время многотомный административно-процессуальный кодекс сложно.

Полностью согласна с утверждением Д.Н. Бахраха о том, что говорить об административно-процессуальном праве «как об отрасли и даже подотрасли, как системе сложившихся институтов в рамках административно-правовой отрасли права преждевременно. И выделение в самостоятельную отрасль даже только административно-процессуального законодательства принесет практике больше вреда, чем пользы, так как разрушит сложившиеся целостные правовые институты обращений граждан, административной ответственности и др. на две части: материальную и процессуальную».

О проблемах реформирования государственной службы. Реформирование государственной службы было направлено на решение следующих основных задач: 1) приведение системы государственной службы и технологий профессиональной дея-

тельности государственных служащих в соответствие со сложившимися общественными отношениями и новыми экономическими условиями; 2) определение видов государственной службы и их законодательное урегулирование; 3) создание комплексной нормативной правовой основы регулирования государственной службы на базе федерального закона о системе государственной службы, федеральных законов о видах государственной службы и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Однако число чиновников не уменьшилось, а значительно возросло по сравнению с советским периодом; расцвела пышным цветом коррупция среди государственных служащих; не была создана целостная система законодательства о государственной службе и т. д.

Остановимся на отдельных недостатках законодательства о государственной службе.

С 6 февраля 2014 г. Президент РФ назначает на должность и освобождает от должности прокуроров субъектов Российской Федерации, а также иных прокуроров, кроме прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров (ст. 83, Конституция РФ в ред. от 5 февраля 2014 г.).

Однако не было внесено соответствующих изменений в ст. 13 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм.) «О прокуратуре Российской Федерации». В ней по-прежнему определено, что прокуроры субъектов РФ назначаются на должность Генеральным прокурором РФ по согласованию с органами государственной власти субъектов РФ.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (с изм.) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» служба в таможенных органах является *особым видом* государственной службы граждан РФ, осуществляющих профессиональную деятельность. А ведь Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (с изм.) «О системе государственной службы Российской Федерации» четко называет три вида государственной службы: государственная гражданская служба; военная служба; правоохранительная служба. Никакого особого ее вида не предусмотрено.

До сих пор не приняты новые законы о правоохранительной и военной службе.

В ст. 6 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (с изм.) «О системе государственной службы Российской Федерации» определено, что военная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских

должностях в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. И установлено, что данное определение будет применяться со дня вступления в силу нового федерального закона о военной службе.

Таким образом, в настоящее время действует определение военной службы, предложенное в ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (с изм.) «О воинской обязанности и военной службе». В соответствии с ним военная служба – особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в Вооруженных Силах РФ и во внутренних войсках МВД России (далее – другие войска), в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и в спасательных воинских формированиях МЧС России (далее – воинские формирования), Службе внешней разведки РФ, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ (далее – органы), воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранными гражданами – в Вооруженных Силах РФ и воинских формированиях.

В этом определении четко обозначены военные организации, в которых осуществляется военная служба, чего нельзя сказать о первой ее дефиниции.

Установлено, что определение правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы, содержащееся в ст. 7 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (с изм.) «О системе государственной службы Российской Федерации», будет применяться со дня вступления в силу федерального закона о правоохранительной службе. Определено, что правоохранительная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина.

В этом определении не указаны органы, в которых осуществляется правоохранительная служба, в отличие от дефиниции военной службы.

Ввиду отсутствия ФЗ «О правоохранительной службе» в ФЗ «О полиции» определен правовой статус сотрудника полиции как государственного служащего и как сотрудника соответствующего правоохранительного органа, принят Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ (с изм.) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который регулирует отношения, связанные с денежным довольствием сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах, их обеспечением жилыми помещениями, медицинским обеспечением, а также с предоставлением им иных социальных гарантий. А ведь эти вопросы должны регулироваться ФЗ «О правоохранительной службе».

Примечания

- ¹ Статья подготовлена при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.
- ² См.: *Дерюга А.Н.* Актуальные проблемы развития административной деликтологии. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 6.
- ³ См.: *Шергин А.П.* Тенденции современной административной политики // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Мат-лы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина (к 90-летию со дня рождения), 21 марта 2014 г.: В 3 ч. Ч. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та МВД России, 2014. С. 6.
- ⁴ См.: *Салищева Н.Г.* О процессуальных проблемах Кодекса РФ об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сб. тезисов статей. М., 2003. С. 132–139; *Степанова О.А.* О некоторых проблемах применения процессуальных положений КоАП // Административное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 30–39; *Койтов А.В.* Проблемы привлечения к административной ответственности должностных лиц органов публичной власти // Закон. 2013. № 7. С. 124–131; и др.

- ⁵ См.: *Зырянов С.М.* Новая кодификация административно-правовых норм становится реальной // Вестник Евразийской академии административных наук. 2009. № 1 (6). С. 13.
- ⁶ См.: *Долгих И.П.* Несовершенство законодательства об административных правонарушениях // Законность. 2014. № 7. С. 58–61.
- ⁷ См.: *Масленников М.Я.* Российский административно-процессуальный кодекс – реальный и самодостаточный // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 22.
- ⁸ См.: *Старостин С.А.* О необходимости и путях совершенствования законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 72–75.
- ⁹ См.: *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. С. 295–351.
- ¹⁰ См.: *Бахрах Д.Н.* Административно-процессуальная деятельность государственной администрации // Административное право и процесс. 2009. № 3. С. 15–23.

Публично-правовые аспекты страхования

Е.Ю. Князева, С.В. Тимофеев

ПРАВОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится правовой анализ действующего законодательства в области обязательного страхования, делается попытка классификации существующих видов государственного и социального страхования, дается оценка состоянию российского страхового рынка на современном этапе.

Ключевые слова: обязательное государственное страхование, обязательное социальное страхование, социальные гарантии, возмещение ущерба, страхование ответственности, страхователь, страховщик, страховое дело.

За последние два года практически все российское законодательство претерпело значительные изменения. Основной отправной точкой явилось введение в действие новых норм международного права, а также влияние нынешней политической обстановки, а за ней и экономической ситуации в стране и во всем мире. Именно финансовая система первой принимает на себя удар и отражает все происходящее на мировой политической арене. И по состоянию в первую очередь финансовой системы можно судить, насколько глубоко экономический кризис затронул то или иное государство.

Самое важное и главное для любого государства в условиях экономического кризиса и сложной политической обстановки – удержать на плаву стабильность финансовой системы, не вызвать волнения гражданского общества и обеспечить их защиту от воздействия негативных факторов и последствий такого кризиса. Помимо того, что в такой ситуации все финансовые институты работают в усиленном режиме, еще и страдают бюджетная, банковская системы и, как следствие, система социального обеспечения.

Российское страховое законодательство основывается на Конституции Российской Федерации и представляет собой совокупность нормативных правовых актов, содержание которых направлено на регулирование общественных отношений в области страховой деятельности. Помимо Конституции РФ, это и Гражданский кодекс РФ, и федеральные законы и другие акты федерального уровня, подзаконные нормативные правовые акты – указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные нормативные акты. Это обусловлено тем, что обязательное страхование в Российской Федерации разнообразно и многочисленно по видам и формам.

Очевидно, что страховой рынок является неотъемлемой и достаточно внушительной частью финансового рынка страны, формирующей централизованные и децентрализованные фонды государства, регулирующей финансовое обращение в государстве, а также выступает институтом финансовой системы общества. Он представляет собой определенную систему общественных отношений, складывающихся между страхователями, страховщиками и иными субъектами страхового дела в процессе формирования и распределения целевых страховых фондов, а также государственного регулирования организации страхового дела.

Возникновение страховых отношений обусловлено общественной потребностью возмещения возникающих материальных потерь, поэтому необходимо принимать превентивные меры по их предотвращению, предупреждению и ограничению. Таким образом, можно говорить, что в обществе и государстве существует объективная потребность в страховой защите, а эффективно работающий страховой рынок способствует стабилизации денежного обращения в стране. Необходимо отметить, что немаловажное значение тут имеет и психологический фактор – предупредить, избежать, а при наступлении непредвиденного случая максимально компенсировать понесенный субъектом убыток.

Надо сказать, что страховой рынок непосредственно взаимосвязан с финансами предприятий, населения, банковской системой, государственными и муниципальными финансами. И поэтому можно утверждать, что потребность в страховой защите носит публичный всеобщий характер.

В соответствии со ст. 2 Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации»¹ «страховая деятельность (страховое дело) – сфера деятельности страховщиков по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию, а также страховых брокеров, страховых актуариев по оказанию услуг, связанных со

страхованием, с перестрахованием»². Согласно вышеуказанному закону страховая деятельность подлежит обязательному лицензированию. Выдаваемая лицензия удостоверяет право ее владельца на проведение страховой деятельности на территории нашей страны. Лицензия не имеет ограничений по сроку действия, если это специально не предусмотрено при ее выдаче. Выдает лицензии на осуществление страховой деятельности Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ). Ранее эти полномочия осуществляла Федеральная служба страхового надзора (ФССН), подчинявшаяся Министерству финансов РФ. Далее, после ее упразднения, полномочия по лицензированию страховой деятельности были переданы Федеральной службе по финансовым рынкам (ФСФР), а после упразднения ФСФР полномочия по лицензированию перешли к действующему органу по надзору в сфере страховой деятельности – ЦБ РФ. Сейчас лицензирование страховой деятельности осуществляет ЦБ РФ.

В реалиях сегодняшнего дня остро встает вопрос: найдет ли российский страховой рынок пути выхода из затяжного кризиса, или кризисные явления будут только углубляться? Позволят ли принятые летом 2014 г. поправки в страховое законодательство, в частности, например, по ОСАГО, сделать систему страхования работоспособной и эффективной? Какие трудности страховщикам принесли внешние факторы экономической и политической напряженности? Об актуальности этого вопроса говорит тот факт, что в сентябре 2014 г. в России осуществляло свою деятельность 569 субъектов страхового дела (здесь страховщики, перестраховщики, страховые брокеры). Это на 30 единиц меньше, чем в сентябре 2013 г. Тогда их было 599³.

Закон «Об организации страхового дела», а именно п. 4 ст. 3, устанавливает, что условия и порядок осуществления обязательного страхования определяются федеральными законами о конкретных видах обязательного страхования. Такой федеральный закон должен содержать обязательные положения, определяющие: а) субъектов страхования (причем иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица на территории России пользуются правом на страховую защиту наравне с гражданами и юридическими лицами Российской Федерации); б) объекты, подлежащие страхованию; в) перечень страховых случаев; г) минимальный размер страховой суммы или порядок ее определения; д) размер, структуру или порядок определения страхового тарифа; е) срок и порядок уплаты страховой премии (страховых взносов); ж) срок действия договора страхования; з) порядок определения

размера страховой выплаты; и) контроль за осуществлением страхования; к) последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств субъектами страхования; л) иные положения.

При комплексном анализе законодательных актов в сфере обязательного страхования необходимо различать страхование гражданской ответственности, профессиональной ответственности, экологическое и др. Такой анализ действующего законодательства позволяет классифицировать закрепленные в законе виды обязательного страхования следующим образом. Во-первых, это обязательное социальное страхование. Социальное страхование появилось в конце 90-х годов XIX в. в Германии и продемонстрировало свою своевременность, необходимость и исключительную результативность, впоследствии получив широкое распространение в Западной Европе, а после Второй мировой войны в большинстве других стран мира.

Социальное страхование – это страхование жизни и здоровья, осуществляемое на основании закона и за счет средств соответствующих бюджетов. К такому виду страхования относятся *обязательное социальное страхование*, которое регулируется Федеральным законом от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об основах обязательного социального страхования», Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.04.2014, с изм. от 05.05.2014) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Законом РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», Федеральным законом от 18 июля 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», Федеральным законом от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации».

Еще один вид обязательного страхования – *обязательное государственное страхование*. На его долю приходится основной массив нормативных правовых актов, и оно также осуществляется за счет средств, выделяемых из соответствующих бюджетов. По данному виду страхования можно выделить:

а) *обязательное личное государственное страхование (производится за счет средств соответствующих бюджетов):*

- жизнь и здоровье военнослужащих и приравненных к ним в обязательном государственном страховании лиц (Федераль-

- ный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»);
- жизнь и здоровье сотрудников полиции (Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»);
 - жизнь и здоровье прокуроров (Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»);
 - жизнь и здоровье сотрудников СК РФ (Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»);
 - жизнь и здоровье сотрудников и должностных лиц таможенных органов (Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»);
 - жизнь и здоровье судебных приставов (Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»);
 - жизнь и здоровье сотрудников органов внешней разведки (Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»);
 - жизнь и здоровье судьи, арбитражного заседателя, присяжного заседателя, судебного исполнителя, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника федерального органа государственной охраны, сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»);
 - жизнь и здоровье сотрудников и работников Государственной противопожарной службы (Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»);
 - жизнь и здоровье работников налоговых органов (Закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации»);
 - жизнь и здоровье государственных инспекторов в области охраны окружающей среды (Федеральный закон от 14 марта

- 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «Об особо охраняемых природных территориях»);
- обязательное страхование спасателей (Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей»);
 - жизнь и здоровье лиц начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи (Федеральный закон от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О федеральной фельдъегерской связи»);
 - жизнь и здоровье работников ведомственной охраны, которые могут страховаться за счет средств собственников охраняемых объектов (Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О ведомственной охране»);
 - предоставление гарантий и компенсаций военному и гражданскому персоналу, направляемому для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, включая обязательное страхование жизни и здоровья (Федеральный закон от 23 июля 1995 г. № 93-ФЗ (ред. от 07.02.2011, с изм. от 04.06.2014) «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»);
- б) обязательное имущественное государственное страхование (производится за счет средств соответствующих бюджетов):*
- на случай причинения вреда здоровью и имуществу муниципального служащего в связи с исполнением им должностных обязанностей, а также на случай заболевания или утраты трудоспособности в период прохождения муниципальной службы (Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»);
 - жизнь, здоровье и имущество судьи (Закон РФ от 26 июля 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 6-ФЗ (ред. от 22.10.2014) «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации», Указ Президента РФ от 7 февраля 2000 г. № 306 (ред. от 19.03.2013) «Об обеспечении деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и о предоставлении государственных социальных гарантий судьям Конституционного Суда Российской Федерации и членам их семей»);

- сельскохозяйственное страхование, осуществляемое с государственной поддержкой, – это страхование связанных с производством сельскохозяйственной продукции имущественных интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей, при этом обязательно наличие у сельскохозяйственных товаропроизводителей, за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, и сельскохозяйственных потребительских кооперативов, договоров сельскохозяйственного страхования (Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О развитии сельского хозяйства», Федеральный закон от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”»).

Следует отметить, что некоторые законодательные акты уже упоминались выше, когда речь шла о личном страховании. Но эти законы немного выбиваются из приведенного ранее перечня, поскольку предусматривают помимо личного страхования еще и страхование имущества субъектов страхования.

Следующий вид обязательного страхования – *страхование ответственности*. В совершенном виде страхование ответственности встречается во Франции в первой половине XIX в. Оно относилось к области страхования от несчастных случаев и каско – страхованию владельцев лошадей и машин. Страховались все случаи, возникающие при использовании лошади или машины или связанные с ними. В 1837 г. в Гамбурге было принято обязательное страхование эмиграции, покрывавшее притязание учреждений по дополнительной стоимости питания и дальнейшей транспортировке в случае останковки в пути лиц, готовых к эмиграции. Во Франции в 60-х годах можно обнаружить в рамках страхования от огня признаки ответственности, когда в договор страхования на случай пожара включалась ответственность собственника дома⁴.

Из анализа ныне действующего российского страхового законодательства можно заключить, что все формы страхования ответственности производятся, как правило, за счет страхователя. Итак:

- для медицинских работников: страхование риска своей профессиональной ответственности и осуществление страхования на случай причинения вреда жизни и (или) здоровью пациента при оказании медицинской помощи (ст. 72 п. 7 и ст. 79 п. 10 соответственно Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);

- обязательное страхование автогражданской ответственности (Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»). В свете последних изменений законодательства страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, составляет: а) в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, не более 160 тыс. руб.; б) в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, 400 тыс. руб.;
- обязательное страхование вкладов физических лиц в банке (Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»). На сегодняшний день возмещение по вкладам в банке, в отношении которого наступил страховой случай, выплачивается вкладчику в размере 100% суммы вкладов в банке, но не более 700 тыс. руб.;
- обязательное страхование жизни, здоровья пациента, участвующего в клиническом исследовании лекарственного препарата для медицинского применения в случае причинения вреда пациенту вследствие такого исследования (Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»);
- обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика за причинение при перевозках вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров, за исключением легкового такси (Федеральный закон от 14 июля 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном»);
- страхование ответственности туроператора (либо банковская гарантия) за надлежащее исполнение туроператором обязательств по всем договорам о реализации туристского продукта, заключаемым с туристами и/или иными заказчиками, либо по поручению туроператора турагентами. Если законодательством страны временного пребывания предусматривается предоставление гарантий оплаты медицинской помощи лицам, временно находящимся на ее территории, то туроператор либо турагент обязаны предоставить такие гарантии, т. е. за-

- страховать туристов на случай внезапного заболевания (Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»);
- страхование риска наступления гражданской ответственности владельца опасного объекта по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда потерпевшим. К опасным объектам законодателем отнесены: а) опасные производственные объекты, подлежащие регистрации в государственном реестре в соответствии с законодательством РФ о промышленной безопасности опасных производственных объектов; б) гидротехнические сооружения, подлежащие внесению в Российский регистр гидротехнических сооружений в соответствии с законодательством РФ о безопасности гидротехнических сооружений; в) автозаправочные станции жидкого моторного топлива; г) лифты, подъемные платформы для инвалидов, эскалаторы, за исключением эскалаторов в метрополитенах (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте»);
 - нотариус, занимающийся частной практикой, обязан заключить договор страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности и не вправе выполнять свои обязанности и совершать нотариальные действия без заключения такого договора («Основы законодательства Российской Федерации о нотариате», утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 23.06.2014));
 - имущественные интересы застройщика, связанные с его ответственностью перед участниками долевого строительства в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением им обязательств по передаче жилого помещения по договору (Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»);
 - страхование ответственности владельца воздушного судна перед третьими лицами за вред, причиненный жизни или здоровью либо имуществу третьих лиц при эксплуатации воздушного судна, обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика перед пассажиром воздуш-

- ного судна, обязательное страхование ответственности перевозчика перед грузовладельцем или грузоотправителем, обязательное страхование ответственности эксплуатанта при авиационных работах (Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ);
- обязательное страхование ответственности специализированного депозитария и управляющих компаний (специализированный депозитарий обязан страховать риск своей ответственности перед Пенсионным фондом РФ и управляющими компаниями за нарушения договоров об оказании услуг специализированного депозитария, вызванные ошибками, небрежностью или умышленными противоправными действиями (бездействием) работников специализированного депозитария либо умышленными противоправными действиями иных лиц, а также управляющие компании обязаны страховать риск своей ответственности перед Пенсионным фондом РФ за нарушения договоров доверительного управления средствами пенсионных накоплений, вызванные ошибками, небрежностью или умышленными противоправными действиями работников управляющей компании либо умышленными противоправными действиями (бездействием) иных лиц (Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации», это касается и Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»);
 - страхование ответственности оценщика при осуществлении оценочной деятельности (а именно имущественные интересы, связанные с риском ответственности оценщика (страхователя) по обязательствам, возникающим вследствие причинения ущерба заказчику, заключившему договор на проведение оценки, и (или) третьим лицам (Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»);
 - страхование ответственности арбитражного управляющего за причинение убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве (Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»);

- страхование ответственности заемщика и страхование финансового риска кредитора (Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 21.07.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2014) «Об ипотеке (залоге недвижимости)»);
- обеспечение имущественной ответственности при осуществлении актуарной деятельности – ответственный актуарий, который проводит обязательное актуарное оценивание на основании гражданско-правового договора, должен заключить договор страхования своей гражданской ответственности, страховая сумма по которому равна не менее чем десятикратному размеру денежного вознаграждения за проведение такого оценивания, но не менее чем три миллиона рублей (Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об актуарной деятельности в Российской Федерации»);
- адвокат осуществляет страхование риска своей профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи (Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

К *экологическому страхованию ответственности* как подвиду обязательного страхования ответственности можно отнести экологическое страхование, которое осуществляется в целях защиты имущественных интересов юридических и физических лиц на случай экологических рисков. Основным законом, регулирующим такого рода страхование, является Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об охране окружающей среды», а также первым нормативным актом в этой области можно считать «Типовое положение о порядке добровольного экологического страхования в Российской Федерации», утв. Минприроды России 3 декабря 1992 г. № 04-04/72-6132, Российской государственной страховой компанией 20 ноября 1992 г. № 22. Примерами такого страхования могут быть названы:

- страхование или предоставление иного финансового обеспечения ответственности собственником судна, которое зарегистрировано в Российской Федерации и перевозящего наливом в качестве груза более чем 2000 тонн нефти, для покрытия своей ответственности за ущерб от загрязнения; собственник судна, зарегистрированного в Российской Федерации и фактически перевозящего опасные и вредные вещества, для покрытия своей ответственности за ущерб должен осуществить страхование или предоставить иное

- финансовое обеспечение ответственности (Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 14.10.2014));
- обязательное страхование гражданской ответственности за причинение вреда в результате аварии гидротехнического сооружения (Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О безопасности гидротехнических сооружений»);
 - обязательное страхование гражданской ответственности владельца за причинение вреда в результате аварии или инцидента на опасном производственном объекте (Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»);
 - обязательное страхование жизни и здоровья космонавтов, работников объектов космической инфраструктуры, а также ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу других лиц (Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 (ред. от 21.11.2011) «О космической деятельности»);
 - обязательства инвестора (одной из сторон по договору о соглашениях о разделе продукции) страховать ответственность по возмещению ущерба в случае аварий, повлекших за собой вредное влияние на окружающую среду (Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О соглашениях о разделе продукции»);
 - системный оператор и иные субъекты оперативно-диспетчерского управления в технологически изолированных территориальных электроэнергетических системах обязаны осуществлять страхование риска ответственности за причинение ущерба субъектам электроэнергетики, потребителям электрической энергии в результате действий (бездействия), а также страхование риска ответственности за нарушение договоров оказания услуг по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и соглашений о технологическом взаимодействии в целях обеспечения надежности функционирования Единой энергетической системы России (Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об электроэнергетике»).

Вышеописанные виды страхования (личное и имущественное) осуществляются в основном за счет средств бюджетов. Но существуют и иные случаи обязательного страхования, когда обязательное, т. е. на основании закона, страхование осуществляется за счет страхователя.

К такому *обязательному личному страхованию (за счет страхователя)* относятся: обязательное страхование жизни и здоровья членов экипажа воздушного судна (Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ); страхование на случай гибели, получения увечья или иного повреждения здоровья в связи с оказанием охранных услуг в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, граждан, занимающихся частной охранной деятельностью. Указанное страхование осуществляется за счет средств соответствующей охранной организации и включается в состав ее затрат (Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 23.06.2014, с изм. от 21.07.2014) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»); обязательное страхование жизни и здоровья космонавтов, работников объектов космической инфраструктуры организациями и гражданами, которые используют космическую технику или по заказу которых осуществляются создание и использование космической техники (Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 (ред. от 21.11.2011) «О космической деятельности»).

К *обязательному имущественному страхованию (за счет страхователя)* относятся: страхование имущественного интереса, связанного с торговым мореплаванием, судно, строящееся судно, груз, фрахт, а также плата за проезд пассажира, плата за пользование судном, ожидаемая от груза прибыль и другие обеспечиваемые судном, грузом и фрахтом требования, заработная плата и иные причитающиеся капитану судна и другим членам экипажа судна суммы, в том числе расходы на репатриацию, ответственность судовладельца и принятый на себя страховщиком риск (перестрахование) (Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 14.10.2014); страхование заложенного имущества (Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 21.07.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2014) «Об ипотеке (залоге недвижимости)»); страхование вещи, принятой ломбардом в залог или на хранение, ломбард обязан страховать в пользу заемщика или поклажедателя за свой счет риск утраты и повреждения вещи, принятой в залог или на хранение. Заложенная или сданная на хранение вещь должна быть застрахована на протяжении всего периода ее нахождения в ломбарде, и понуждение заемщика или поклажедателя к страхованию вещи, принятой от него в залог или на хранение, за его счет не допускается (Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ (ред. от 21.12.2013, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) «О ломбардах»); страхование риска невозврата займов кредитным кооперативом по случаю смерти или потери

трудоспособности заемщика (Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «О сельскохозяйственной кооперации»); материальный ущерб, нанесенный организации – собственнику системы газоснабжения (Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О газоснабжении в Российской Федерации»).

Из проведенного анализа законодательства, регулирующего сферу обязательного страхования, можно выделить обязательное социальное страхование, которое осуществляется за счет средств бюджета и гарантирует в первую очередь реализацию конституционных прав граждан; обязательное государственное страхование, которое, в свою очередь, делится на личное и имущественное и также осуществляется за счет средств соответствующих бюджетов, обязательное страхование ответственности и различного рода рисков (например, предпринимательского), которое производится за счет средств страхователя, определенного законом; обязательное личное страхование за счет страхователя, указанного в законе, и обязательное имущественное страхование также за счет средств страхователя, указанного в законе.

Финансовая система обязательного государственного и социального страхования предусматривает при разработке проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период и бюджетов государственных внебюджетных фондов распределение необходимых денежных средств для осуществления такого страхования. В случае нехватки денежных средств для обеспечения выплат пенсий и пособий, оплаты медицинской помощи и иных установленных расходов Правительство РФ предусматривает межбюджетные трансферты из других бюджетов или источников финансирования дефицитов бюджетов.

Примечания

- ¹ Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 12 янв.
- ² Там же.
- ³ Общее число субъектов страхового дела, включенных в реестр ФССН/ФСФР (на дату публикации реестра) [Электронный ресурс] // Страхование сегодня. URL: <http://www.insur-info.ru/statistics/analytics/?unAction=a06> (дата обращения: 29.11.2014).
- ⁴ Страхование: Учебник / Под ред. Т.А. Федоровой. 2-е изд. М.: Экономистъ, 2004. С. 578.

Инновационная деятельность: правовые аспекты

Н.И. Косякова

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

На примере субъектов Российской Федерации, входящих в Ассоциацию инновационных регионов России, проведен анализ стимулирования инновационной деятельности данных субъектов и сделаны выводы об отсутствии единых подходов к формированию региональной нормативной правовой базы. В основе стимулирования инновационной деятельности субъектов РФ должны лежать принципы государственной политики в сфере науки и инноваций, разработка и внедрение стимулирующих факторов, создание полноценной региональной инновационной системы.

Ключевые слова: инновационная деятельность, субъекты Российской Федерации, закон, Ассоциация инновационных регионов России, принципы государственной политики, стимулирующие факторы, региональная инновационная система.

В условиях глобализации экономики, ускоренного технического развития цивилизации, связанного с необходимостью сохранения природных ресурсов и их эффективным использованием, особое значение в России придается инновационному развитию экономики, которое предполагает формирование национальной инновационной системы и создание благоприятного инвестиционного климата в стране.

Инновационная деятельность реализуется посредством разработки и реализации инновационных проектов, что связано с предпринимательским риском, экономией ресурсов и временными ограничениями – минимальным интервалом времени между при-

нятием управленческого решения о начале инновационного проекта и его фактической реализацией.

Сегодня в инновационной сфере функционируют в основном малые и средние предприятия, занимающиеся наукоемким бизнесом, который позволяет реализовать задачи создания новых продуктов, технологий и услуг. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке и реализации эффективных форм стимулирования инновационной деятельности как со стороны федеральных органов, так и на региональном уровне.

Необходимо отметить, что федеральная поддержка инновационных предприятий и их деятельности, в том числе и на региональном уровне, выразилась в ряде нормативных правовых актов, долгосрочных программах развития науки и инноваций, формировании государственной инвестиционной политики и создании инновационного центра «Сколково».

Так, в Российской Федерации реализуется «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года», которая определяет цели и основные направления поддержки инновационной деятельности со стороны государства¹.

Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р утверждена «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»². В соответствии с ней стимулирование инновационного развития на региональном уровне является одним из приоритетов государственной политики. В документе предусмотрена разработка региональных программ и стратегий инновационного развития с привлечением заинтересованных научных и образовательных организаций, предприятий и институтов развития.

Согласно нормативным подходам, изложенным в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», государственная поддержка инновационной деятельности является совокупностью мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов в соответствии с федеральным и региональным законодательством с целью создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность³.

При этом стимулирование инновационной деятельности осуществляется на трех уровнях власти: федеральном, региональном и местного самоуправления.

Основными формами стимулирования инновационной деятельности субъектов Российской Федерации являются:

- финансовое обеспечение, в том числе субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал и др.;
- льготное налогообложение (льготы по уплате налогов, сборов и таможенных платежей);
- оказание информационных и образовательных услуг, консультационная деятельность, в том числе содействие в формировании проектной документации (предоставление соответствующих услуг на бесплатной основе либо по сниженной цене);
- эффективное управление рынком и маркетинг (формирование спроса на инновационные товары и услуги);
- реализация целевых программ, подпрограмм и проведения мероприятий в рамках государственных программ Российской Федерации;
- поддержка экспортно-импортных операций (поддержка экспорта инновационных товаров и услуг);
- создание и поддержка инфраструктуры развития инновационной деятельности.

Кроме этого, возможно использование и других форм стимулирования инновационной деятельности субъектов РФ, которые не противоречат законодательству Российской Федерации.

Особое внимание уделяется законодателем стимулированию инновационной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Так, согласно ст. 22 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» определены формы, в которых может быть осуществлена данная поддержка. К ним законодатель относит:

- создание и обеспечение деятельности особой инфраструктуры поддержки субъектов инновационной деятельности (технопарки, центры коммерциализации технологий, техноко-внедренческие и научно-производственные зоны и т. п.);
- содействие процессу патентования и государственной регистрации изобретений, моделей, промышленных образцов и селекционных достижений, а также иных результатов интеллектуальной деятельности;
- создание таких условий деятельности предприятий, которые способствовали бы заключению договоров подряда в области инноваций и промышленного производства;
- создание акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов, предназначенных для финансирования инновационных проектов⁴.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день ряд указанных форм стимулирования инновационной деятельности активно реализуется в различных субъектах Российской Федерации. Прежде всего, для активизации инновационной деятельности на территории регионов осуществляется создание инновационной инфраструктуры, обеспечивается поддержка инновационного предпринимательства, предпринимается ряд мер по стимулированию развития кооперации науки и бизнеса.

Среди регионов Российской Федерации можно выделить ряд лидеров, достигших наибольших успехов в развитии инноваций. Согласно рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации, подготовленному Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (далее – ВШЭ), в число лидеров входят такие регионы, как г. Москва, г. Санкт-Петербург, Нижегородская область, Пермский край, Чувашская Республика, Калужская, Новосибирская, Московская, Томская и Воронежская области⁵.

Лидирующие регионы объединяет высокий научно-технический потенциал, эффективная политика региональных властей, нацеленная на стимулирование инновационного развития, наличие социально-экономических условий для внедрения инноваций.

Многие регионы – лидеры рейтинга ВШЭ входят в Ассоциацию инновационных регионов России (далее – АИРР), образованную в 2010 г. для содействия эффективному инновационному развитию регионов-участников. Деятельность Ассоциации направлена на: активный обмен накопленным опытом по созданию благоприятной правовой, экономической, социальной, творческой среды развития инноваций; организацию и продвижение совместных инновационных, экономических, научно-технических и образовательных проектов среди членов Ассоциации, в органах власти и институтах развития России⁶.

Сегодня АИРР включает 14 регионов: 3 республики (Башкортостан, Мордовия, Татарстан); 3 края (Алтайский, Красноярский, Пермский); 8 областей (Иркутская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Самарская, Томская, Тюменская, Ульяновская).

В ряде регионов Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов располагаются 25 инновационных территориальных кластеров, перечень которых был утвержден поручением Председателя Правительства Российской Федерации в августе 2012 г.

На федеральном уровне используется ряд мер, направленных на стимулирование инновационного развития регионов.

Так, по данным Единого информационно-аналитического портала государственной поддержки инновационного развития бизнеса, в рамках программы поддержки малого и среднего предпринимательства Министерство экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития России) в 2013 г. 58 регионам было выделено 1,9 млрд руб. на софинансирование поддержки инновационных компаний, а также на специализированные инновационные программы, предусматривающие меры по созданию и развитию инновационной инфраструктуры (центров кластерного развития, территориальных, промышленных, инновационных и логистических кластеров, центров коллективного доступа к высокотехнологичному оборудованию, центров прототипирования и промышленного дизайна, центров технологической компетенции, центров трансферта технологий).

В целях оказания финансовой поддержки субъектам Российской Федерации по финансированию программ развития 14 пилотных инновационных территориальных кластеров в 2013 г. из федерального бюджета были предоставлены субсидии в общем объеме около 1,3 млрд руб.

В рамках реализации программы по созданию технопарков в сфере высоких технологий Министерства связи и массовых коммуникаций (далее – Минкомсвязи России) регионам в течение 2013–2014 гг. будут предоставлены средства из федерального бюджета на финансирование строительства технопарков в размере 3,6 млрд руб.

Согласно рейтингу АИРР, который используется Минэкономразвития России и включает 23 индикатора (по трем основным блокам: научные исследования и разработки, инновационная деятельность, условия и результаты), к числу «сильных инноваторов» отнесены 11 регионов (приводится в порядке убывания): г. Санкт-Петербург, г. Москва, Республика Татарстан, Нижегородская область, Ярославская область, Томская область, Московская область, Самарская область, Пермский край, Тульская область, Калужская область.

Целесообразно отметить, что в приведенном рейтинге представлено только шесть членов АИРР. При этом в Ассоциацию не входят города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, которые в силу своего исторического, политико-экономического и регионального развития, а также привлеченных финансовых ресурсов являются потенциальными лидерами поддержки инноваций среди всех субъектов Российской Федерации. Указанная ситуация, с одной стороны, говорит о несомненных успехах со-

вместной деятельности регионов в составе АИРР, а с другой – указывает на необходимость дальнейшего развития регионов как в составе Ассоциации, так и по отдельности.

В рамках исследования правового обеспечения стимулирования инновационной деятельности на уровне субъектов Российской Федерации интересными выглядят результаты мониторинга законодательства в сфере инновационной деятельности, проведенного АИРР среди регионов, входящих в Ассоциацию.

В рамках мониторинга правовые нормы анализируются на предмет:

- непротиворечивости и согласованности с федеральным законодательством в сфере инновационной деятельности;
- максимально возможного единообразия формулировок в части основных правовых норм региональных законов в сфере инновационной деятельности с целью обеспечения конструктивного взаимодействия регионов в рамках единого экономического пространства и снятия возможных институциональных барьеров;
- отражения специфики развития региональной инновационной системы;
- простоты, понятности, лаконичности.

Анализ законов в сфере инновационной деятельности в регионах АИРР показал отсутствие единообразия в содержании и предмете правового регулирования. Так, в шести регионах принято два базовых закона, регулирующих отдельно правоотношения в научной и научно-технической деятельности и отдельно – в инновационной деятельности (Республики Башкортостан и Татарстан, Калужская, Новосибирская, Томская области и Пермский край). В трех регионах принято по одному закону о государственной поддержке инновационной деятельности (Иркутская, Самарская, Липецкая области), в одном регионе (Красноярском крае) принят комплексный закон «О научной, научно-технической и инновационной деятельности».

В результате в региональных законах акцент сделан на тех или иных аспектах инновационной деятельности в зависимости от предмета правового регулирования, а ряд вопросов регулирования инновационной деятельности остается недостаточно раскрытыми.

В связи с этим необходимо отметить, что наиболее полно, по нашему мнению, отражает предмет правового регулирования региональный закон «Об инновационной деятельности» или «Об инновационной политике».

Механизм разработки и реализации региональной инновационной политики является частью единого хозяйственного механизма

регулирования социально-экономического развития региона. Механизм реализации инновационной политики включает финансово-экономический, нормативно-правовой и организационно-информационный аспекты.

В законах регионов АИРР в большинстве случаев механизм реализации инновационной деятельности (инновационной политики) не прописан. В законах Новосибирской и Томской областей предусмотрена статья о механизме реализации политики в сфере развития инновационной системы, однако она учитывает только один из его аспектов.

В законе Новосибирской области механизм предполагает принятие органами государственной власти нормативных правовых актов, в законе Томской области – выполнение инновационных проектов, в том числе через целевую программу по развитию инновационной деятельности, а также путем разработки, производства и реализации инновационной и наукоемкой продукции.

Нормативно-правой аспект механизма реализации инновационной политики посредством реализации стратегии инновационного развития представлен в базовых законах Республики Татарстан и Красноярского края.

Результаты анализа инновационного развития регионов АИРР свидетельствуют о существенной дифференциации по основным показателям инновационной деятельности, что обусловлено региональными различиями в исходных условиях инновационного развития и спецификой инновационной среды в регионах. В сложившейся ситуации целесообразно рассматривать различные региональные модели инновационного развития и, соответственно, говорить не об эффективности проводимой государственной поддержки инновационной деятельности, а о ее специфике для каждой модели.

Следует признать, что для развития межрегионального взаимодействия в сфере инноваций необходимы единые подходы к формированию региональной нормативно-правовой базы, учитывающей как федеральное законодательство, так и особенности развития каждого региона, что актуализирует необходимость разработки методических рекомендаций, направленных на совершенствование регионального законодательства.

По нашему мнению, важную роль в правовом регулировании инновационной деятельности на уровне региона должны играть принципы государственной политики в сфере науки и новаций:

- свобода научного и научно-технического творчества;
- правовая охрана интеллектуальной собственности;

- поддержка конкуренции в сфере науки и техники;
- стимулирование деловой и научной активности;
- концентрация ресурсов на приоритетных направлениях государственной политики страны;
- развитие международного сотрудничества.

По нашему мнению, на современном этапе формирования инновационной политики в российских регионах необходимо говорить о создании полноценной региональной инновационной системы, а те регионы, которые смогут первыми ее создать, получат неоспоримое конкурентное преимущество и могут стать центрами роста экономики России XXI в. Базовым аспектом формирования региональной инновационной системы следует считать нормативно-правовое регулирование на основе принятия закона «Об инновационной деятельности» или «Об инновационной политике».

Примечания

- ¹ Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. Утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике, протокол от 15 февраля 2006 г. № 1 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 23.11.2014).
- ² Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Российская газета. 2012. № 1.
- ³ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.
- ⁴ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
- ⁵ Единый информационно-аналитический портал государственной поддержки инновационного развития [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru> (дата обращения: 12.11.2014).
- ⁶ Ассоциация инновационных регионов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-regions.org> (дата обращения: 12.11.2014).

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКА И РАБОТОДАТЕЛЯ ПРИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ

Авторы на основе анализа научных мнений российских и зарубежных ученых исследуют проблему возможности установления в трудовом законодательстве нового основания для материальной ответственности сторон трудового договора – в результате злоупотребления правом. Решение данного вопроса видится авторам прежде всего в законодательном закреплении данной научной категории, а также в установлении определенных правовых последствий (в частности, компенсации морального вреда) для стороны трудовых отношений, пострадавшей в результате злоупотребления правом.

Ключевые слова: нематериальные блага работника, возмещение морального вреда, злоупотребление правом, материальная ответственность сторон трудовых отношений, возмещение ущерба.

Трудовое законодательство Российской Федерации (ст. 237 Трудового кодекса РФ) предусматривает возмещение работодателем морального вреда, причиненного работнику любыми неправомерными действиями или бездействием работодателя, в денежной форме в размерах, определяемых соглашением сторон.

Как показывает правоприменительная практика, основанием для компенсации морального вреда, причиненного работнику, может стать нарушение работодателем не только материальных, но и умаление нематериальных благ работника, в том числе дискриминация работника, нарушение его личной тайны (в частности, нарушение законодательства о персональных данных работника – ст. 86–90 ТК).

Однако следует признать, что в российском трудовом законодательстве механизмы защиты права неприкосновенности частной жизни работника прописаны недостаточно четко.

Так, в Трудовом кодексе РФ (ст. 86) предусмотрен только порядок получения информации работодателем о частной жизни работника: с его письменного согласия. Если персональные данные работника возможно получить только у третьей стороны, то работник должен быть уведомлен об этом заранее и от него должно быть получено письменное согласие. Работодатель должен сообщить работнику о целях, предполагаемых источниках и способах получения персональных данных, а также о характере подлежащих получению персональных данных и последствиях отказа работника дать письменное согласие на их получение. Работодатель не имеет права получать и обрабатывать сведения о работнике, относящиеся в соответствии с законодательством Российской Федерации в области персональных данных к специальным категориям персональных данных (данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни), за исключением случаев, предусмотренных настоящим ТК и другими федеральными законами.

В связи с вышеизложенным следует принять во внимание мнение тех авторов, которые считают, что назрела необходимость закрепления в трудовом законодательстве Российской Федерации такого личного неимущественного права, как защита личной (частной) жизни работника¹.

Так, например, российской практике известны случаи «негласного» получения работодателем информации о работнике или о претенденте на работу. Такие действия должны квалифицироваться как правонарушение.

Во многих странах также ограничивается либо запрещается сбор и обработка информации «деликатного» характера (данные о религиозных, политических либо философских убеждениях, о расовой принадлежности, сексуальных привычках либо наклонностях, о национальной принадлежности либо социальном происхождении, о членстве в профсоюзе и иных организациях, об употреблении алкоголя, наркотиков, о состоянии здоровья, об имущественном положении (в частности, о наличии долгов))². Вместе с тем, например, в США до принятия в должность используются специальные базы данных, предоставляющие такие сведения, как размеры зарплат, которые работник получал на протяжении всей трудовой деятельности, характеристики, случаи привлечения к судебной ответственно-

сти и лишения водительских прав³. Кроме того, в США создана противомошенническая база данных Theftnet, содержащая имена работников по всей стране, которые были уличены в краже или преследовались по обвинению в воровстве.

Еще одна связанная с этим проблема – проблема *пределов* допустимости осуществления работодателем контроля и мониторинга действий работников в рабочее время (отслеживание интернет-активности, электронной почты работников, использование работником офисного оборудования (например, принтера, телефона) и в целом поведения работников на рабочих местах и вне их).

За рубежом работники достаточно часто обращаются в суд с исковыми заявлениями о нарушении их частной жизни, конфиденциальности переписки. Однако, если работодателю удастся доказать целесообразность таких действий для эффективного ведения его бизнеса, ограниченность сферы контроля исключительно вопросами, непосредственно связанными с трудовыми функциями работников, и отсутствие в этом личных мотивов, суды нередко встают на сторону работодателя.

Например, британские и американские суды, опираясь на закрепленное в доктрине и прецедентных решениях право работодателя на свободное управление собственным бизнесом, квалифицируют как *злоупотребление правом со стороны работников* попытки последних прикрыть нецелевое использование ресурсов и оборудования работодателя ссылками на нарушение своей частной жизни и конфиденциальности, в связи с чем суды предписывают работникам возместить нанесенный работодателю ущерб⁴.

Данную правовую конструкцию российское трудовое законодательство не закрепляет. Во-первых, что касается установления такого основания для материальной ответственности сторон трудового договора, как «злоупотребление правом», то, прежде всего, решение этого вопроса видится в законодательном закреплении данной категории. Стоит заметить, что в науке трудового права предпринята попытка научной разработки данной категории. Как справедливо отмечает Е.М. Офман, «...злоупотребление правом – это самостоятельное правовое явление, не являющееся ни правонарушением, ни правомерным поведением. Таким образом, чтобы устранить данные недостатки действующего трудового законодательства, необходимо установить в ТК РФ правовые последствия за совершение деяний, являющихся злоупотреблением правом как со стороны работника, так и со стороны работодателя»⁵. Таким правовым последствием и является установление материальной ответственности сторон трудового договора за злоупотребление правом.

В зарубежной практике факт злоупотребления правом со стороны работников является обоснованной причиной для незаключения с ними трудового договора. Так, обращают на себя внимание правовые последствия, применяемые в отношении злоупотребившего правом работника: суды не только расторгали трудовые договоры с работниками, злоупотребившими своими правами, но и обязывали их возместить работодателям причиненный ими ущерб (например, выплатить деньги, полученные на лечение в период после снятия диагноза, а также деньги, полученные в качестве надбавки и бонусов).

Следует признать, что в отраслях трудового права Великобритании, США, Ирландии, Новой Зеландии правовые нормы о незаключении трудового договора направлены в большей степени на защиту работодателя от недобросовестного работника, чем на возмещение материального ущерба, причиненного ему.

В свою очередь, противодействием злоупотреблению правом со стороны работодателей в зарубежных странах является признание увольнения работника незаконным; а работники, доказавшие факт претерпевания ими физических и (или) нравственных страданий в связи с недобросовестными действиями работодателей, требовали компенсации причиненного им морального вреда.

В свете рассматриваемой проблемы следует также отметить, что в трудовом законодательстве закрепляется установление права на возмещение морального вреда только одной стороне трудового договора – работнику. Возмещение морального вреда, причиненного работником работодателю (в том числе в результате злоупотребления правом), действующее российское законодательство не предусматривает.

В пользу западной концепции, устанавливающей материальную ответственность работника за возмещение морального вреда, причиненного работодателю, можно привести позицию А.М. и М.В. Лушниковых, а также поддерживающих их К.Н. Гусова и Ю.Н. Полетаева⁶, которые указывают, что в данном случае «...нарушается принцип обоюдной материальной ответственности сторон». В связи с этим данные авторы предлагают закрепить в трудовом законодательстве защиту неимущественных прав работодателя в случае распространения работником сведений, порочащих его деловую репутацию, в случае распространения сведения о некачественном характере выпускаемой продукции, оказываемых услугах и т. п.⁷

Кроме того, в этой связи примечателен опыт зарубежных стран: например, Трудовой кодекс Азербайджанской Республики

(п. «ж» ст. 199) устанавливает полную материальную ответственность работника «при нанесении работодателю морального ущерба, повлекшего за собой серьезный вред его предпринимательской деятельности путем распространения клеветы и оскорбления, ложных сведений, пятнающих личность работодателя, унижающих его честь и достоинство, а также не соответствующих действительности.

Таким образом, российскому законодателю было бы целесообразно перенять данный позитивный опыт зарубежных стран и закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации обязанность злоупотребившего правом работника возместить причиненный им ущерб работодателю, а также возможность освободить работодателя, добросовестно выполняющего свои трудовые обязанности, от несения неблагоприятных последствий, возникших в результате злоупотребления правом со стороны работника.

Примечания

- ¹ *Басаргин И.Н.* Личные неимущественные права в трудовом правоотношении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 23.
- ² *Киселев И.Я.* Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в пост-индустриальное общество). М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»; ООО «Журнал «Управление персоналом»», 2003. С. 29–35, 110.
- ³ См.: *Десслер Г.* Управление персоналом. М., 2004. С. 219.
- ⁴ Там же. С. 221.
- ⁵ *Офман Е.М.* Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений. М.: Проспект, 2011. С. 103.
- ⁶ *Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н.* Ответственность по российскому трудовому праву. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. С. 130.
- ⁷ *Лушников М.В., Лушников А.М.* Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 558.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ УЧЕНИЧЕСКОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена правовому регулированию ученического договора в Российской Федерации. Рассматриваются вопросы, связанные с особенностями содержания одного из видов ученического договора – договора с работником организации на получение образования без отрыва или с отрывом от работы.

Ключевые слова: ученичество, ученический договор, квалификация, условия ученического договора.

Для российского трудового права институт ученичества не является новеллой. Нормы об ученичестве содержались в КЗоТ РСФСР 1922 г.¹ В период действия КЗоТ РСФСР 1971 г.² правовое регулирование ученичества в большей степени осуществлялось на основе подзаконных актов. В ныне действующий Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ)³ включена глава 32 «Ученический договор», нормы которой регулируют эти отношения сегодня. Но, несмотря на более чем десятилетний срок существования в ТК РФ норм об ученическом договоре, у работодателей и работников все еще остается немало вопросов, связанных с его содержанием.

В законе отсутствует четкое определение понятия «ученический договор». Поэтому, исходя из содержания ч. 1 ст. 198 ТК РФ, его можно определить двояко. Во-первых, как соглашение о получении образования между работодателем – юридическим лицом (организацией) и лицом, ищущим работу. Во-вторых, как соглашение между работодателем – юридическим лицом (организацией) и работником данной организации о получении образования без отрыва или с отрывом от работы. Ученический договор, заключен-

ный с работником организации, будет являться в соответствии с ч. 2 указанной статьи дополнительным к трудовому договору.

Мы остановимся на особенностях содержания второго вида ученического договора – заключаемого с работником организации на получение образования.

Вначале несколько слов о форме ученического договора. К ней законодатель предъявляет жесткие требования. В соответствии с ч. 2 ст. 200 ТК РФ ученический договор заключается в письменной форме. Согласно нормам действующего законодательства отношения по подготовке и дополнительному профессиональному образованию возникают у работодателя и работника лишь при наличии между ними договора, заключенного именно в письменной форме. Поэтому отсутствие ученического договора в письменной форме будет означать и отсутствие между сторонами указанных отношений.

По общему правилу количество подлинных экземпляров заключенного договора должно соответствовать количеству участников сделки. Ученический договор – не исключение. Ввиду того что он является двусторонним, ч. 2 ст. 200 ТК РФ предписывает заключать его в двух экземплярах: по одному для каждой стороны. Количество экземпляров необходимо оговорить в тексте договора (например, в разделе, содержащем прочие условия ученического договора).

Текст договора делится на разделы, которые имеют нумерацию и заголовки. Законодатель не предъявляет каких-либо конкретных требований к структуре текста, поэтому количество разделов и их названия определяются сторонами исходя из условий конкретного договора. Традиционно ученический договор состоит из *преамбулы*, *основной* и *заключительной* частей. При разработке его проекта необходимо, прежде всего, руководствоваться положениями ст. 199 ТК РФ, в которой прописаны требования к содержанию ученического договора.

Преамбула ученического договора, как правило, содержит следующие сведения:

- наименование вида договора;
- дату и место его заключения;
- полные названия сторон. Одной из сторон выступает работодатель. В настоящее время право на заключение таких договоров законом предоставлено лишь работодателям, обладающим статусом юридического лица (т. е. организациям). В преамбуле отражаются организационно-правовая форма и название организации-работодателя, должность, фамилия, имя и отчество лица, которое уполномочено подписать договор от имени работодателя, а также документ, на основании

которого это лицо наделено такими полномочиями (например, устав, доверенность и т. п.). Вторая сторона – работник данной организации, нуждающийся в получении образования. Указываются его фамилия, имя и отчество. Встречающееся в практике включение в ученический договор в качестве третьей стороны учебного заведения, в котором проходит обучение работник, видится с юридической точки зрения неверным. Следует согласиться с Д.И. Федотовым в том, что включение в число субъектов договора сторонней обучающей организации и придание тем самым ученическому договору трехстороннего характера (ученик, работодатель, обучающая организация) противоречит действующему законодательству, поскольку межотраслевые смешанные договоры ни гражданским, ни трудовым правом не предусматриваются. В таких случаях отношения могут быть оформлены посредством двух договоров: гражданско-правового, заключаемого между работодателем и обучающим субъектом, и ученического договора трудового характера – между учеником и работодателем⁴;

- краткие названия сторон.

Такие названия (в данном случае – «Работодатель» и «Работник») приводятся для удобства восприятия текста договора и во избежание многочисленного повторения полных названий сторон. Следует заметить, что в практике ученических договоров довольно редко встречается термин «ученик», несмотря на его достаточно частое использование законодателем. Вместо него принято использовать термин «работник».

Основная часть договора состоит из совокупности оговариваемых сторонами условий. Исходя из положений ст. 199 ТК РФ, договор должен содержать:

1. Указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником. Например: «Работодатель направляет Работника на обучение для получения Работником квалификации (указывается квалификация) с сохранением за ним места работы».

2. Обязанность работодателя обеспечить работнику возможность обучения в соответствии с ученическим договором. Например, заключить с учебным заведением договор на обучение работника, полностью и своевременно оплачивать его обучение, в период ученичества ежемесячно выплачивать работнику стипендию, по окончании ученичества предоставить работнику работу в соответствии с полученной квалификацией и т. п.

3. Обязанность работника пройти обучение и в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с

работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре. Тут же может быть прописана и обязанность работника освоить программу обучения в объеме требований, установленных учебным планом, соблюдать учебную дисциплину и установленные требования по охране труда и технике безопасности, представить работодателю документ, подтверждающий получение квалификации, и т. п.

4. Срок ученичества. Действующим законодательством не установлены конкретные предельные сроки ученичества. В ст. 200 ТК РФ указывается, что договор заключается на срок, необходимый для получения данной квалификации. Поэтому ученический договор всегда бывает срочным, т. е. заключается на срок ученичества.

5. Размер оплаты в период ученичества. В соответствии со ст. 204 ТК РФ в период ученичества ученикам выплачивается стипендия. Ее размер определяется ученическим договором и зависит от получаемой квалификации, однако не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. По отдельным расценкам оплачивается работа, выполняемая учеником на практических занятиях.

6. Иные условия, определенные соглашением сторон. Например, в договор с работником следует включить условие о том, как будет происходить получение образования: без отрыва или с отрывом от работы. В случае обучения работника без отрыва от работы и изменения в связи с этим режима его рабочего времени в договоре необходимо оговорить, какой режим будет применяться (неполное рабочее время и т. п.), учетный период, размер оплаты труда и т. п.

В виде условия необходимо отразить в договоре форму ученичества (может быть индивидуальное, бригадное, курсовое обучение или же иная форма).

В договоре необходимо указать день, с которого он начинает действовать. Из содержания ч. 1 ст. 201 ТК РФ следует, что данное условие является неперменным, потому что законодатель не устанавливает день начала действия договора в случае, если он не определен сторонами.

Как уже отмечалось, договор заключается на срок, необходимый для получения соответствующей квалификации, т. е. на срок ученичества. Продление допускается лишь в случаях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 201 ТК РФ действие договора продлевается на время болезни ученика, прохождения им военных сборов, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Условиями договора предусматривается ответственность сторон в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами возложенных на них обязательств. Так, если по окончании ученичества работник без уважительных причин не приступит к работе, он обязан возратить работодателю полученную за период ученичества стипендию и возместить в полном размере все другие расходы, связанные с его обучением. В случае увольнения без уважительных причин до истечения установленного договором срока работник будет обязан возместить расходы, понесенные работодателем в связи с его обучением, исчисленные пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени.

Ученический договор прекращается по окончании срока обучения работника. В то же время ст. 208 ТК РФ допускает устанавливать договором дополнительные основания его прекращения. Таковыми могут быть: соглашение сторон, прекращение трудового договора, дополнительным к которому является ученический договор, и т. п.

В *заключительной части* договора приводятся реквизиты сторон и оформляются личные подписи.

В ст. 205 ТК РФ содержится одно из важнейших положений, цель которого заключается, прежде всего, в обеспечении прав и законных интересов учеников: о распространении на них трудового законодательства, включая законодательство об охране труда. Поэтому при разработке проекта договора необходимо четко следить за тем, чтобы включаемые в него условия не вступали в противоречие с нормами ТК РФ, положениями действующего в организации коллективного договора, соглашений, локальных нормативных актов. Если же противоречия имеются, то в соответствии со ст. 206 ТК РФ такие условия являются недействительными и не применяются.

Примечания

- ¹ Кодекс законов о труде Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 9 ноября 1922 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2014).
- ² Там же.
- ³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2014).
- ⁴ *Федотов Д.И.* Ученический договор: Проблемы правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

Профилактика правонарушений несовершеннолетних

В.А. Мишота

КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ КАК СУБЪЕКТ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена одному из приоритетных направлений государственной политики в настоящее время – системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Особое место среди субъектов профилактики занимают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, являясь головным органом, на который возложена важнейшая задача по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики, что позволяет рассматривать их как ключевое звено в механизме комплексной защиты интересов ребенка.

Ключевые слова: комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, профилактика преступности несовершеннолетних, субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защита интересов ребенка, индивидуальная профилактическая работа.

В рамках построения правового социального государства проблема правонарушений несовершеннолетних стоит достаточно остро. Как известно, состояние преступности несовершеннолетних в настоящее время определяет основные характеристики всей преступности в будущем. Поэтому важное значение приобретает формирование и функционирование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних» под профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних понимает систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

Профилактика подростковой преступности осуществляется, в первую очередь, в отношении следующих категорий несовершеннолетних.

1. Несовершеннолетние, совершившие общественно опасные деяния (преступления) или иные антиобщественные действия. В отношении данной категории несовершеннолетних индивидуальная профилактическая работа проводится преимущественно в целях социальной реабилитации, предупреждения рецидива антиобщественного поведения, а также недопущения криминогенного влияния данных лиц на других несовершеннолетних.

2. Несовершеннолетние, которые находятся под непосредственным воздействием криминогенных факторов социальной среды. Целями предупредительного воздействия в отношении этой категории лиц является нейтрализация непосредственного действия криминогенных факторов социально опасного положения.

К первой категории несовершеннолетних относятся:

1. Осужденные условно, к обязательным работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

2. Осужденные за совершение преступления небольшой или средней тяжести и освобожденные судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

3. Освобожденные из учреждений уголовно-исполнительной системы, вернувшиеся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, если они в период пребывания в указанных учреждениях допускали нарушения режима, совершали противоправные деяния и (или) после освобождения (выпуска) находятся в социально опасном положении и (или) нуждаются в социальной помощи и (или) реабилитации.

4. Получившие отсрочку отбывания наказания или отсрочку исполнения приговора.

5. Условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания, освобожденные от наказания вследствие акта об амнистии или в связи с помилованием.

6. Обвиняемые или подозреваемые в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу.

7. Совершившие общественно опасное деяние и не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством.

8. Освобожденные от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии или в связи с изменением обстановки, а также в случаях, когда признано, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

9. Совершившие правонарушение, повлекшее применение меры административного наказания.

10. Совершившие правонарушение до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность.

11. Употребляющие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо употребляющие одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию.

Ко второй категории относятся несовершеннолетние, находящиеся в трудной жизненной ситуации:

1. Безнадзорные (т. е. лица, контроль за поведением которых отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц) или беспризорные (безнадзорные, не имеющие места жительства и (или) места пребывания).

2. Занимающиеся бродяжничеством или попрошайничеством.

3. Содержащиеся в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, социальных приютах, центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, специальных учебно-воспитательных и других учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и (или) реабилитации.

Необходимо отметить, что перечисленными лицами круг субъектов, в отношении которых осуществляется профилактика, не исчерпывается. Так, в частности, субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводят предупредительную работу в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, если они не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или)

содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними.

Закон допускает также проведение профилактической работы с иными лицами в случае необходимости предупреждения правонарушений либо для оказания социальной помощи и (или) реабилитации несовершеннолетних.

Предупреждение преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних осуществляется достаточно широким кругом субъектов.

Эти субъекты по их месту и роли в предупредительной деятельности принято классифицировать на три группы:

1. *Субъекты общей профилактики.* К ним относятся государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, общественные организации и т. д., деятельность которых направлена на позитивное развитие общественных отношений, совершенствование социальных институтов, устранение социально-экономических, политических и иных кризисных явлений. Для этих субъектов борьба с преступностью в целом и предупреждение преступлений несовершеннолетних не составляет специальной функции, однако их деятельность прямо или косвенно направлена на нейтрализацию криминогенных факторов социальной среды.

2. *Неспециализированные субъекты.* Данная группа субъектов, не являющихся правоохранительными органами, осуществляет профилактику правонарушений несовершеннолетних (в том числе индивидуальную) в связи с иными возложенными на них функциями в социальной сфере. К данной группе субъектов в первую очередь необходимо отнести отраслевые органы государственной власти (образования, здравоохранения, занятости).

3. *Специализированные субъекты предупредительной деятельности.* Субъекты данной группы осуществляют правоохранительные функции и имеют предупреждение преступлений (в том числе преступлений несовершеннолетних) в качестве приоритетных задач.

Компетенция каждого из субъектов профилактики определена законом и вытекает из их функций в соответствующей сфере общественной жизни.

Особое место среди субъектов профилактики занимают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН). Именно КДН – головной орган, на который возложена важнейшая задача «по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, что позволяет рассматривать их как ключевое звено в механизме комплексной защиты интересов ребенка.

Следует отметить, что данный орган в России осуществляет свою деятельность в течение длительного времени. Первые комиссии начали свою работу в 1918 г. в соответствии с Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних»². Данный акт впервые провозгласил принцип, что «не столько карательными, сколько воспитательными мерами можно исправить ребенка или подростка, вступившего на путь правонарушений»³. Особо примечательно, что подобных учреждений до этого не было ни в одной стране мира.

В дальнейшем правовой статус комиссий подвергался определенным изменениям и дополнениям на основе вновь принимаемых законодательных актов. С прекращением существования СССР и образованием Российской Федерации неизбежно встал вопрос о преемственности в системе государственных органов, в том числе и в сфере предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Большое значение в решении этой задачи сыграл Указ Президента РФ от 6 сентября 1993 г. № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав»⁴, подтверждающий правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних при главах исполнительной власти, и на эти комиссии возложены функции по взаимодействию всех государственных органов и общественности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав⁵.

Однако только принятие в 1999 г. Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» способствовало правовому регулированию в России деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Реализация Закона явилась важным шагом в укреплении положения КДН. Ввиду коренных социально-экономических и политических преобразований к концу 90-х годов деятельность многих комиссий на местах фактически была прекращена, так как отсутствовала соответствующая времени законодательная база. На тот момент деятельность комиссий регламентировалась устаревшим Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г.⁶

Данный Закон закрепил основные базовые понятия, которые были связаны с порядком образования, структурой, а также полномочиями комиссий. Вместе с тем он в полной мере не разрешил всех проблемных вопросов, связанных с деятельностью КДН. В частности, в нем не была закреплена трехуровневая система, включающая межведомственную комиссию по делам несовершеннолетних при

Правительстве РФ; комиссии при органах исполнительной власти субъектов Федерации; а также такие комиссии при органах местного самоуправления. Данный Закон предусматривал функционирование комиссий только при органах местного самоуправления.

Позднее в Федеральный закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. был внесен ряд последовательных изменений, однако не было предложено новой процедуры формирования комиссий. Вместе с тем следует отметить, что в Кодексе РФ об административных правонарушениях говорится о трех видах комиссий по делам несовершеннолетних муниципального уровня: районных, городских и районных в городах. Они функционируют соответственно при районных, городских, районных в городах администрациях, которые являются исполнительными органами местного самоуправления. Поэтому, как свидетельствует вышеизложенное, в настоящее время отсутствует четкая регламентация правового статуса комиссий по делам несовершеннолетних, не определен порядок координации и взаимодействия в системе комиссий на федеральном и региональном уровнях, что не способствует их эффективной деятельности.

Масштабность профилактических мероприятий организационного характера указывает на необходимость жесткой организации системы КДН всех уровней власти. Каждый элемент этой системы имеет задачи и функции, направленные на реализацию возможности эффективно воздействовать на личность несовершеннолетнего, его родителей и других законных представителей, причины и условия, способствующие противоправному поведению несовершеннолетних.

Деятельность комиссий носит не только организационный, но и правовой характер, который выражается в праве принимать постановления, обязательные для исполнения. Являясь государственными органами, КДН по своему составу сближаются с органами общественной самодеятельности. Почти все лица, входящие в состав комиссий, – представители государственных органов и общественных организаций – осуществляют свои обязанности безвозмездно. Одни выполняют их в силу своего должностного положения, являясь представителями государственных органов или учреждений, другие работают на общественных началах, представляя общественные организации и широкие слои граждан.

Также следует отметить, что комиссии по делам несовершеннолетних являются своеобразным аналогом институтов ювенальной юстиции, которые широко распространены во многих развитых зарубежных странах, так как они выполняют задачи, направленные на получение быстрого и реального результата по профилактике

правонарушений несовершеннолетних. Как видится, работы комиссий на постоянной основе и возглавление их заместителями глав администраций субъектов РФ, муниципальных образований, а также освобождение заместителей председателей комиссий от других обязанностей способствовало их эффективности.

Таким образом, в настоящее время в действующих нормативных правовых актах существует ряд противоречий и коллизий, касающихся деятельности КДН. Поэтому перед законодателем стоит неотложная и актуальная задача разработки современной законодательной базы, последовательно закрепляющей организационные и практические аспекты деятельности КДН в рамках целостной системы органов и учреждений, специализирующихся на охране интересов и борьбы с правонарушениями несовершеннолетних.

Примечания

- ¹ См.: ст. 11, п. 3 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. от 29.06.2004) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
- ² Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 16.
- ³ Цит. по: *Грибоедов А.С., Биргер С.М.* Справочник по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних и детской дефективности. М.: Госиздат, 1924. С. 16.
- ⁴ См.: Указ Президента РФ от 6 сентября 1993 г. № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 37. Ст. 3449.
- ⁵ См.: *Ростовская Т.К.* Аналитическая записка по развитию ювенальной юстиции в Российской Федерации: Развитие системы ювенальной юстиции в Российской Федерации: Аналитический материал. М.: Министерство образования и науки РФ; Департамент молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей, 2006. С. 37.
- ⁶ См.: Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних. Утв. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. (с изм. от 25.02.1993) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536.

Международное право

С.Б. Бальхаева

ДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Дано определение понятию срока действия международных договоров, характеризуются основные виды международных договоров по моменту их конечного действия. Обосновывается тезис о том, что срок действия договора определяется двумя моментами: началом его действия, т. е. вступлением в силу, и прекращением действия, т. е. утратой им юридической силы. Установление того или иного срока действия международного договора зависит от содержания самого международного договора, от отношений между договаривающимися сторонами и многих других обстоятельств.

Ключевые слова: международный договор, вступление в силу, прекращение, действие международного договора, заключительные положения.

Предел действия международного договора между государствами имеет различные ограничения. Он зависит от его сторон (применение *ratione personae*), его содержания (применение *ratione materiae*), его территориального применения (применение *ratione loci*) и времени его применения (применение *ratione temporis*). Таким образом, действие каждого договора ограничивается по кругу лиц, по предмету и по содержанию, по территории и по времени.

Срок действия договора определяется двумя моментами: началом его действия, т. е. вступлением в силу, и прекращением действия, т. е. утратой им юридической силы. Период нахождения договора в силе принято считать сроком его действия. Начальный момент срока – вступление договора в силу. Завершение процесса заключения международного договора есть завершение процесса становления нормы международного права.

Установление срока договора – не техническая операция. Оно имеет важное значение. Установление того или иного срока действия международного договора зависит от содержания самого международного договора, от отношений между договаривающимися сторонами и многих других обстоятельств¹. Как справедливо замечает И.И. Лукашук, «их отсутствие или неполнота (заключительных положений. – *Примеч. авт.*) способны в дальнейшем породить немалые трудности, связанные с действием договора»².

Достижение подобного согласования нередко связано с компромиссом, соразмерными уступками государств друг другу по определенным вопросам, что позволяет заключить международный договор. Следовательно, соглашение выступает как способ создания норм международного права. «Государство, – подчеркивает В.А. Василенко, – своей суверенной волей решает, принимать ли ему участие в том или ином международном договоре»³.

Участвуя в процессе создания норм по вопросам, в отношении которых существует общий интерес в их международно-правовом регулировании, государство неизбежно сталкивается с необходимостью его учитывать. В этих рамках также возможны различные варианты избираемой государством позиции по конкретным вопросам. При этом характер и содержание международно-правовой позиции государства зависит от того, насколько интересы и цели данного государства соответствуют объективным закономерностям развития международных отношений, потребностям международного сообщества государств в решении проблем, представляющих общий интерес⁴.

В принципе решающим фактором возникновения договора является воля сторон. Она определяет ход переговоров, от нее зависит выработанный в результате этих переговоров документ, который должен выражать согласованные позиции субъектов международного права⁵.

Процесс составления совместного документа не прост, так как речь идет о совмещении многочисленных противоречивых процессов, вытекающих из различий политического, экономического и общественного характера, которые присущи государствам на каждом этапе их исторического развития. Особенно сложным он бывает, когда решается дело о многосторонних договорах. Справедливо писал выдающийся французский профессор Жюль Бадеван: «Связать два или тем более несколько государств одним дипломатическим актом – это само по себе является сложной задачей»⁶. Как отмечает Энтони Ост: «Переговоры даже на региональном уровне

часто представляются проблематичными для государств, не говоря уже о многосторонних договорах. Достижение успешного соглашения требует многих компромиссов»⁷.

Международные договоры, как двусторонние, так и многосторонние, могут быть заключены на какой-либо определенный срок или неопределенное время.

Определенным сроком договора следует считать отрезок времени, заранее обусловленный точными календарными датами. Срок действия договоров определяется календарными датами или определенным периодом времени (5 лет, 10 лет, 25 лет и т. д.). Так, в ст. 10 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области транспортировки российской нефти через территорию Республики Казахстан в Китайскую Народную Республику сказано: «Настоящее Соглашение действует до 1 января 2019 г., по окончании этого срока оно автоматически продлевается на 5 лет, если ни одна из Сторон письменно не уведомит другую Сторону не менее чем за 6 месяцев до истечения его первоначального срока действия о своем намерении прекратить его действие»⁸.

В таких договорах наряду с фиксацией срока действия определена возможность «подвижности» границы его окончания. В случае, если договор не денонсируется в определенный срок (отрезок времени), он продолжает свое действие автоматически на следующий предусмотренный договаривающимися сторонами срок. В договорах, заключенных на определенный срок, всегда содержится ответ, когда они должны или могут прекратить свое действие. А.Н. Талалаев, затрагивая данную тему, писал: «Такое условие можно назвать оговоркой об определенно-срочной автоматической пролонгации договора»⁹.

В заключительных положениях международных договоров, регулирующих конкретные вопросы, встречаются и более четко обозначенные критерии прекращения действия. Например, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в уничтожении запасов химического оружия в Российской Федерации от 5 ноября 2011 г. говорится: «Настоящее Соглашение будет оставаться в силе в течение 5 лет, и срок его действия может быть продлен посредством обмена нотами на период времени, равный одному году, для завершения проекта “Почеп” в соответствии со статьей 1»¹⁰. Отметим положительный характер конкретизирующих норм, так как при такой ситуации менее вероятно недопонимание сторон соглашения.

В вышеуказанных соглашениях ясно определяются временные границы их действия, поэтому они относятся к договорам, заключенным на конкретный определенный срок.

Вторую группу составляют такие договоры, в которых не указывается срок их действия, но реально они заключены на период исполнения сторонами обязательств, принятых по договору. Это договоры под так называемым отменительным условием.

В качестве примера можно привести ст. 2 Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о предоставлении Правительству Республики Куба государственного кредита от 30 января 2009 г.: «Настоящий Протокол вступает в силу с даты получения последнего письменного уведомления о выполнении Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу, и действует до тех пор, пока все обязательства, вытекающие из Соглашения, не будут выполнены»¹¹.

Особое место занимают такие международные договоры, окончание которых зависит от действия другого международного договора. Ярким примером является Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке использования таджикостанской стороной движимого имущества, переданного во временное пользование российской военной базе от 16 октября 2004 г., в котором сказано: «...и будет оставаться в силе до прекращения действия Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан от 16 апреля 1999 года»¹².

Противоположным примером являются такие заключительные положения, в которых вступление в силу международного договора означает прекращение действия другого договора. В таких случаях договаривающиеся стороны стремятся избежать перерыва в применении правил двух последовательно заключенных договоров, т. е. приводится вровень вступление в силу с истечением срока устаревшего международного договора¹³.

Так, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Афганистан о воздушном сообщении от 3 сентября 2013 г. говорится: «С даты вступления в силу Соглашения в отношениях между Российской Федерацией и Исламской Республикой Афганистан прекращает свое действие Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Королевским Правительством Афганистана о воздушном сообщении от 24 марта 1956 г.»¹⁴.

Особую группу представляют договоры с условно-определенным сроком их действия. Они характеризуются тем, что срок их действия находится в зависимости от наступления каких-либо событий или совершения определенных действий. В таких договорах обычно говорится о праве денонсации договора любым из его участников. Например, в ст. 14 Соглашения о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией от 30 мая 2014 г. сказано, что каждая из сторон вправе выйти из настоящего Соглашения, направив депозитарию письменное уведомление о таком своем намерении не позднее чем за 6 месяцев до выхода и урегулировав обязательства, возникшие за время действия настоящего Соглашения.

К третьей группе договоров по сроку их действия следует отнести такие, которые заключаются на неопределенное время. Такие договоры не содержат никаких указаний на возможность их прекращения каким-либо способом. К этой категории относятся мирные договоры, договоры об установлении дипломатических отношений, договоры о границах и по территориальным вопросам и т. д. В двустороннем Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики об условиях размещения Посольства Российской Федерации в Эстонской Республике и Посольства Эстонской Республики в Российской Федерации от 18 февраля 2014 г. прямо говорится: «Настоящее Соглашение является бессрочным»¹⁵. В большинстве современных международных договорах ничего не сказано о продолжительности их действия и не установлена конечная граница¹⁶.

Следовательно, конечный момент действия договора, так же как и начальный момент их действия, может быть: 1) определенным; 2) условно-определенным; 3) неопределенным.

Отдельно стоят договоры, заключенные на период исполнения сторонами обязательств, т. е. договоры, которые прекращаются по достижении предусмотренного условия – результата. В таких договорах граница срока действия определена достижением их цели, т. е. «подвижность» границы действия во времени также возможна. Так, в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о предоставлении Правительству Республики Сербии государственного финансового кредита от 10 апреля 2013 г. сказано: «Настоящее Соглашение ... действует до тех пор, пока все обязательства, вытекающие из настоящего Соглашения, не будут выполнены Сторонами»¹⁷.

Таким образом, международные договоры, заключенные на определенный срок, подразделяются на договоры с определенным

моментом прекращения действия и на договоры с условно-определенным моментом их окончания. Вывод основывается на том, что срок действия договоров определяется не только календарными датами, но и наступлением того или иного результата или события.

Иногда для разных статей одного и того же договора устанавливаются различные сроки их действия. Следовательно, от срока действия международного договора следует отличать срок действия обязательств по нему. Эти сроки часто не совпадают. Особенно характерны такие положения для договоров, регулирующих трудовые или финансовые обязательства. Например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 17 февраля 2012 г.: «В случае прекращения действия настоящего Соглашения разрешения на работу, выданные в период действия настоящего Соглашения, остаются в силе до истечения указанного в них срока»¹⁸.

В Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Марокко о сотрудничестве в военной области от 9 февраля 2012 г. срок действия обязательств после прекращения действия самого договора распространяется только на ст. 5¹⁹.

Как справедливо отмечает М.А. Капустина: «Так, по соглашению участников международного общения договорная норма может продолжать регулировать длящиеся отношения между ними, например торговые, в качестве договорной нормы. Договорная норма утратит свою силу и прекратит свое действие спустя определенное время после истечения срока действия договора, когда прекратятся реальные отношения, регулируемые ею. После этого само правило может продолжить действие во времени в качестве обычной международно-правовой нормы, тождественной по содержанию договорной норме, прекратившей действие»²⁰.

В случае если с момента вступления договора в силу известно, как долго он будет действовать во времени, то такой договор является заключенным с конкретным конечным моментом его действия. Но в большинстве случаев в заключительных положениях международных договоров не прописан отрезок времени действия.

Следует отметить, что имеются договоры, в которых хотя и говорится о том, что они бессрочные или заключены на определенный срок, но предусматривается возможность их прекраще-

ния. Так, в ст. 15 Договора о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 16 июня 2004 г. сказано: «Настоящий Договор имеет бессрочный характер и будет оставаться в силе до тех пор, пока одна из Сторон письменно не уведомит другую Сторону о намерении прекратить его действие. В этом случае Договор прекращает свое действие по истечении двенадцати месяцев с даты получения такого уведомления другой Стороной»²¹.

Аналогичным образом решен вопрос в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в борьбе с загрязнением Балтийского моря, включая Калининградский (Вислинский) залив, нефтью и другими вредными веществами от 6 декабря 2010 г.: «Настоящее Соглашение заключается на неопределенный срок. Каждая из Договаривающихся Сторон может денонсировать настоящее Соглашение путем письменного уведомления другой Договаривающейся Стороны. Настоящее Соглашение прекращает свое действие по истечении 6 месяцев с даты получения такого уведомления другой Договаривающейся Стороной»²².

Как видно из приведенных примеров, прекращение в одностороннем порядке возможно как в безусловно-определенных, так и в неопределенных международных договорах. Следовательно, если даже в международном договоре сказано, что он имеет бессрочный характер или неопределенный срок, но содержит указание на возможность денонсации, то, значит, они имеют условно-определенный момент их действия.

Таким образом, в Российской Федерации используются различные виды международных договоров по моменту их конечного действия: с определенным, с условно-определенным и неопределенным моментом их действия. Особо следует выделить нетипичные подвиды: договоры с возможностью «подвижности» границы их окончания; договоры, в которых не указывается срок их действия, но реально они заключены на период исполнения сторонами обязательств, принятых по договору, и т. д.

Положения, касающиеся действия международных договоров во времени, имеют значение для оценки их (договоров) в качестве источников международно-правовых норм; государства, насколько возможно, не должны произвольно пренебрегать формулированием этих постановлений. Отсутствие или наличие преамбулы и разнообразие наименований не имеют значения для оценки качества международного договора, что нельзя сказать о постановлениях, касающихся действия во времени.

- ¹ *Талалаев А.Н.* Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 120–121.
- ² *Лукашук И.И.* Современное право международных договоров. М., 2004. С. 598.
- ³ *Василенко В.А.* Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976. С. 17.
- ⁴ *Ульянова Н.Н.* Общие многосторонние договоры в современных международных отношениях. Киев, 1981. С. 176–178.
- ⁵ *Бальхаева С.Б.* Многосторонние международные договоры Российской Федерации: особенности вступления в силу // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 82–89.
- ⁶ *Basdevant J.* La conclusion et la rédaction des traités et des instruments diplomatiques autres que les traités // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. 1926. Т. 15. № 5. Р. 545.
- ⁷ *Aust A.* Handbook of International Law. 2nd ed. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. Р. 68.
- ⁸ Документ вступил в силу 29 июля 2014 г. См.: Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2014).
- ⁹ *Талалаев А.Н.* Указ. соч. С. 118.
- ¹⁰ Документ опубликован не был.
- ¹¹ Бюллетень международных договоров. 2014. № 8. С. 44.
- ¹² Там же. 2005. № 7. С. 79.
- ¹³ *Бальхаева С.Б.* Вступление в силу международных договоров Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 181.
- ¹⁴ Документ опубликован не был.
- ¹⁵ Бюллетень международных договоров. 2014. № 7. С. 91–94.
- ¹⁶ Договор о взаимодействии уполномоченных органов государств – участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г., осуществляющих валютный контроль // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5895.
- ¹⁷ Бюллетень международных договоров. 2014. № 4. С. 41–44.
- ¹⁸ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс].
- ¹⁹ Бюллетень международных договоров. 2012. № 11. С. 101–104.
- ²⁰ *Капустина М.А.* Действие норм международных договоров во времени: Теоретико-правовой анализ // Правоведение. 1998. № 2. С. 55.
- ²¹ Собрание законодательства РФ. 2005. № 11. Ст. 905.
- ²² Бюллетень международных договоров. 2012. № 4. С. 37–41.

Д.Э. Барганджия

ПРОВЕДЕНИЕ РЕФЕРЕНДУМА И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В РЕСПУБЛИКАХ, ПРОВОЗГЛАСИВШИХ СУВЕРЕНИТЕТ И НЕЗАВИСИМОСТЬ, НО НЕ ПРИЗНАННЫХ МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ

Данная статья посвящена рассмотрению политико-правовых последствий в республиках, провозгласивших суверенитет и независимость, но не признанных мировым сообществом.

Ключевые слова: референдум, политико-правовые последствия, республики, признание мирового сообщества, суверенитет и независимость.

Проведение референдума в Крыму вызвало широкий резонанс и различное отношение к нему во всем мировом сообществе. Вопрос легитимности и законности этого референдума по сей день является дискуссионным. Но следует отметить, что за последнее десятилетие подобный референдум не единственный, и, как показывает практика, с каждым разом ситуация по отношению к вновь образованным государствам очень противоречива и вызывает немало споров. Попробуем разобраться в природе проведения референдума, его правовых основ и последствий на примерах Косово, Южной Осетии, Абхазии и, конечно, Крыма.

Исторически сложилось так, что образование нового государства рассматривают с точки зрения его становления, формирования государственных и правовых явлений, институтов и учреждений. Либо возникновение нового субъекта связывают с его образованием, с зарождением и развитием новых государственных и правовых явлений, институтов и учреждений на основе тех, которые суще-

ствовали ранее, но по каким-то причинам исчезли с общественно-политической сцены¹. То есть точки зрения отличаются по временным показателям, и если первая принимает во внимание всю историю государства, то вторая делает упор только на те моменты, которые актуальны здесь и сейчас.

В рамках определенных нами для примера государств есть ряд сходных для всех их факторов, таких, например, как существование собственных национально-территориальных государственных образований, сложное политическое положение на момент проведения референдума, тяжелые последствия, связанные с неприятием мировым сообществом вновь образованных государств.

До сих пор идут споры о том, соответствовали ли проведенные референдумы нормам международного права. Так, США, Великобритания, Канада, Япония не признают результаты проведенного в Крыму референдума, даже несмотря на то что Конституция Украины допускает проведение общенационального референдума, республиканского референдума, который проводился как раз таки на территории Автономной Республики Крым, а также местных референдумов².

Точно так же не признавали легитимность проведенных референдумов в Южной Осетии и Абхазии многие мировые державы, и связано это непосредственно с тем, что во многом подобные попытки народов самоопределиваться и создать новые независимые государства противоречат стратегиям крупнейших держав, направленным на регулирование ключевых точек планеты. Так, Вашингтон до сих пор не может смириться с тем, что признание Абхазии и Южной Осетии нормализует ситуацию на Кавказе и укрепляет позиции России в этом регионе, в то же время ослабляет роль Грузии, которая является союзником США. В доказательство этому можно также привести в пример негативное отношение приверженцев «прагматичной» западной демократии, которые строят свою политику на «двойных стандартах», к провозглашению двух новых независимых государств Абхазии и Южной Осетии, и в то же время признание Косова объявлено ими как «позитивный акт», несмотря на то что оно является прямым нарушением исторических и политических прав человека и поощрением сепаратизма албанцев, которые фактически разрушили территориальную целостность Сербии и резко понизили доверие к ООН. Косовский прецедент дал огромный импульс сепаратистам всего мира³.

Принцип территориальной целостности государств, равно как и право наций на самоопределение, чрезвычайно «тонкие» понятия и с точки зрения международного права трудноотносимые друг с другом. Одной из важнейших целей ООН, закрепленной в ее

Уставе⁴, считается «развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов» (п. 2 ст. 1).

В соответствии с другим, посвященным данному вопросу документом, а именно Декларацией «О предоставлении независимости колониальным странам и народам»⁵ 1960 г., закреплено: «Все народы имеют право на самоопределение», «свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» (ст. 2). «Отказ в праве народов на самоопределение является нарушением прав человека», – было заявлено на Всемирной конференции по правам человека в Вене (1993 г.). Все участники международного сообщества обязались соблюдать право народов на свободное волеизъявление относительно выбора общественно-экономического строя и своего государственного устройства⁶.

Почему же, несмотря на все эти документы, являющиеся основами законодательства многих стран, продолжает существовать двойное толкование международных норм права? Для того чтобы избежать этого, представляется необходимым индивидуальный подход к рассмотрению каждого вопроса, исследование исторических фактов, анализ характера существующей политической системы, ведь согласно Уставу ООН только те государства имеют право на сохранение территориальной целостности, «которые действуют с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов» и вследствие этого имеют правительства, «представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи». И если имеющаяся власть не согласна с этими критериями, то она должна поступить так, как этого желает народ, а следовательно, провести референдум и принять легитимные меры по решению возникшей проблемы.

Очень тяжелая ситуация наблюдалась в Южной Осетии, когда военными методами уничтожался ее коренной народ – осетины, это создало благоприятные условия для геноцида и вызвало волну недовольства по всему миру.

В подобных условиях волеизъявление коренного народа, несомненно, должно иметь приоритет над международными принципами. Как факт, большинство государств, конечно, придерживается именно этой точки зрения, но, к сожалению, не всегда ее высказывает. Как правило, делается это для того, чтобы угодить США, диктующим правила игры на международной политической арене.

Признание независимости Абхазии и Южной Осетии явилось следствием сложившейся конкретной ситуации в этих странах,

которая выдвинула на первый план превосходство права наций на самоопределение над принципом территориальной целостности государства.

Очевидно, что принцип территориальной целостности государств и принцип самоопределения народов понятия практически несовместимые. Для того чтобы найти решение в возникшей конфликтной ситуации, для того чтобы соблюсти все требования международного права и права своей страны и впоследствии не иметь проблем с восприятием вновь образованной страны или региона мировым сообществом, необходимо уделять особое внимание всем фактам сложившейся ситуации, учесть все историко-правовые факторы и, конечно, отдавать предпочтение принципу справедливости.

Решения о признании Абхазии и Южной Осетии являются окончательными и не подлежат пересмотру. Для России очень нежелательным был бы прямо противоположный исход дела.

Все аргументы Запада после того, как им было признано Косово, ничтожны и никак не могут повлиять на изменение решения. Признание и поддержка Россией суверенитета Абхазии и Южной Осетии посредством создания российских военных баз на территории этих стран для Запада фактически непреодолимая преграда.

Что же касается Украины и Крыма, наверно, рано еще делать какие-то серьезные выводы, хотя очевидно, что волеизъявление народа посредством референдума полностью соответствует всем требованиям законодательства.

Примечания

- ¹ Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. Т. 1 / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2010. С. 31.
- ² Мильчакова О.В. Институт референдума в Украине // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 23.
- ³ Автономов А.С. О природе правовых отношений между Абхазией и Грузией // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1. С. 43–48.
- ⁴ Устав Организации Объединенных Наций принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.
- ⁵ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам принята 14 декабря 1960 г. резолюцией 1514 (XV).
- ⁶ Калякин О.А. Государственно-правовая традиция и практика образования новых государств на постсоветском пространстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 17–19.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье дается краткая характеристика особенностей подготовки, рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции дел о защите права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, раскрывается содержание основных из них, при необходимости приводятся материалы судебной практики, комментируются наиболее актуальные вопросы правоприменения.

Ключевые слова: референдум, инициативная группа по проведению референдума, комиссия референдума, участник референдума, публичные правоотношения, референдумные споры, судебная защита.

Одной из основ демократического государства, позволяющей реализовать право граждан участвовать в управлении делами государства, является референдум. Конституция Российской Федерации¹ (далее – РФ) закрепляет за каждым гражданином РФ право участвовать в референдуме (ст. 32), под которым следует понимать комплекс прав, включающий несколько аспектов: голосование на референдуме, участие в выдвижении инициативы его проведения, участие в иных законных действиях по подготовке и проведению референдума.

Право на участие в референдуме обеспечено возможностью судебной защиты (ст. 46 Конституции РФ), процедура которой параллельно регулируется нормами материального и процессуального права. Порядок обжалования нарушений данного права в суде в общих чертах изложен в главе X Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (далее – ФЗ «Об основных гарантиях»)²,

ряде других законов, регламентирующих подготовку и проведение референдумов, и раскрывается детально в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ)³.

Существенное влияние на единообразное применение норм законодательства о референдумах оказывает постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (далее – постановление Пленума ВС РФ)⁴, в котором даны разъяснения по многим проблемным вопросам.

Для обозначения категории дел о защите права на участие в референдуме в отечественной науке используется емкое обобщающее понятие «референдумные споры»⁵, тем не менее авторы оставляют без внимания вопрос его определения.

Основанием для выделения референдумных споров в отдельную категорию является то, что референдумный процесс «самостоятелен, автономен от иных процессов»⁶ (например, смежного с ним избирательного).

В самом общем виде референдумные споры можно определить как юридические конфликты, которые возникают в результате действительного или предполагаемого правонарушения при назначении, подготовке, проведении, установлении результатов референдума, а также за пределами кампании референдума и разрешаются избирательными комиссиями, комиссиями референдума и (или) в судебном порядке на основе установленных законодательством процедур.

Приоритет судебного порядка разрешения подобных споров часто отмечается в юридической литературе⁷ и проявляется в нескольких аспектах. В частности, в случае принятия заявления к рассмотрению судом и обращения того же заявителя с аналогичной жалобой в соответствующую комиссию эта комиссия приостанавливает рассмотрение жалобы до вступления решения суда в законную силу, а в случае вынесения судом решения по существу – прекращает ее рассмотрение. Несомненно, ведущая роль в защите права на участие в референдуме отведена судам общей юрисдикции, к подведомственности которых отнесены все референдумные споры.

Специфика референдумных правоотношений обуславливает специальный процессуальный порядок судебного урегулирования референдумных споров. Их рассмотрение осуществляется по общим правилам искового производства с особенностями (изъятиями и дополнениями), установленными главами 23 и 26 ГПК РФ.

Предметом судебной проверки чаще всего является законность решений, действий (бездействия) субъекта референдумных правоотношений, обладающего властными полномочиями, затрагивающими права и обязанности других субъектов.

Обжалование нарушений права на участие в референдуме осуществляется в соответствии с правилами подсудности ст. 24, 26, 27 ГПК РФ. *Мировые судьи дела данной категории не рассматривают.* В целом можно говорить о том, что подсудность определяется с учетом уровня референдума, уровня и места нахождения комиссии референдума, зависит от характера заявленного требования.

Референдумные споры *рассматриваются и разрешаются судьей единолично, за исключением дел о расформировании комиссий референдума* (ст. 260.1 ГПК РФ).

Одной из особенностей дел о защите права на участие в референдуме является *отсутствие сторон* (истца, ответчика) *и третьих лиц. Лицами, участвующими в деле, являются заявитель* (лицо, обратившееся в суд за защитой прав и свобод) *и заинтересованные лица* (лицо, чье решение, действие или бездействие оспаривается, а также другие лица, права и охраняемые интересы которых могут быть затронуты решением суда).

Обращение заявителя в вышестоящий в порядке подчиненности орган или к должностному лицу не является обязательным условием для обращения в суд.

Суд приступает к рассмотрению дела на основании заявления, которое должно отвечать как общим, так и специальным требованиям ГПК РФ: особым условием принятия заявления к производству суда является указание в нем на предмет проверки (решение, действие, бездействие, законность которых оспаривает заявитель), а также на то, какие конкретно права и свободы им нарушены (ст. 247 ГПК РФ).

В ст. 259 ГПК, подп. «е» п. 23 ст. 29 и п. 10 ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях» обозначен широкий круг лиц, имеющих право обратиться в суд с заявлением о защите права на участие в референдуме. В судебной практике нередко возникают случаи, когда субъекты права обращения в суд обращаются в него от своего имени за защитой прав других лиц, исходя из буквального толкования вышеуказанных норм законов, где закреплено, что они вправе оспаривать решения, действия (бездействия), нарушающие право на участие в референдуме граждан РФ, что не согласуется со ст. 4 ГПК РФ, в соответствии с которой суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов, кроме случаев, предусмотренных федеральными законами.

Правом на обращение в суд в защиту права на участие в референдуме конкретного гражданина, неопределенного круга лиц, публичных интересов на основании ст. 45 и 259 ГПК РФ обладает прокурор. Однако роль прокурора в референдумных спорах этим не ограничивается: *прокурор вступает в процесс и дает свое заключение по делам о защите права на участие в референдуме*. Вместе с тем суд при принятии решения не связан мнением прокурора и оценивает его заключение вместе с другими материалами дела.

Являясь заявителями по делу, избирательные комиссии, комиссии референдума также выступают в защиту прав граждан РФ.

В силу строгих временных рамок этапов референдумного процесса возникающие споры требуют оперативного разрешения, поэтому законодательством предусмотрены *сокращенные сроки подачи и рассмотрения заявлений*, продолжительность которых зависит от стадии кампании референдума и характера предъявляемых требований.

Сроки обращения в суд с заявлением о защите права на участие в референдуме регламентированы ч. 1 ст. 260 ГПК РФ, определяющей общий трехмесячный срок подачи заявления в суд, а также ч. 2 и 4 ст. 260 ГПК РФ, п. 5 ст. 31 ФЗ «Об основных гарантиях», устанавливающими специальные (сокращенные) сроки по отдельным подкатегориям дел, которые восстановлению не подлежат. Что же касается общего трехмесячного срока для обращения в суд, то в ГПК ничего не говорится о возможности его восстановления. Данный пробел восполнен п. 24 постановления Пленума ВС РФ, согласно которому он подлежит восстановлению при пропуске по уважительной причине.

Срок рассмотрения заявлений, согласно п. 25 постановления Пленума ВС РФ, определяется по общим правилам гражданского судопроизводства и составляет два месяца со дня поступления заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных ч. 6–8, 10, 11 ст. 260 ГПК РФ. К примеру, заявление, поступившее в день голосования и в день, предшествующий ему, должно быть рассмотрено судом немедленно. В соответствии с п. 11 ст. 75 ФЗ «Об основных гарантиях» суды обязаны организовать свою работу (в том числе в выходные дни) таким образом, чтобы обеспечить своевременное рассмотрение жалоб. Данное правило не согласуется с положением ч. 2 ст. 108 ГПК РФ об окончании процессуального срока, однако, согласно постановлению Пленума ВС РФ (п. 26), судам надлежит придерживаться его.

Истечение сроков рассмотрения заявлений само по себе не препятствует рассмотрению и разрешению судом референдумных

споров, не является основанием для прекращения производства по делу, однако в ряде случаев исключает возможность привлечения лица к юридической ответственности за нарушение законодательства о референдумах (например, отмену регистрации инициативной группы по проведению референдума) и влечет отказ в удовлетворении заявления.

При рассмотрении и разрешении референдумных споров *не применяются правила заочного производства*. Однако рассмотрение и разрешение дела может состояться и в отсутствие участников процесса при условии надлежащего извещения о месте и времени судебного заседания. Особые правила применяются в отношении представителей органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, чьи решения, действия (бездействие) оспариваются: суд может признать их явку в судебное заседание обязательной и подвергнуть штрафу при неисполнении этой обязанности.

В силу принципа состязательности, присущего гражданскому процессу, эффективность правосудия по референдумным спорам зависит отчасти от поведения заинтересованных лиц как субъектов доказывания, которые принимают на себя все последствия несовершения соответствующих действий. ГПК РФ (ст. 247, 249) распределяет обязанности по доказыванию в референдумных спорах следующим образом. Заявитель обязан доказать лишь сам факт нарушения его прав и свобод оспариваемым решением, действием (бездействием). *Обязанность по доказыванию законности оспариваемых решений, действий (бездействия) возлагается на органы и должностных лиц, которые их приняли, совершили. В целях правильного разрешения дела суд вправе истребовать доказательства по своей инициативе* и подвергнуть виновных должностных лиц штрафу в случае их непредставления.

При рассмотрении судами референдумных споров *возможно применение правил искового производства об обеспечении иска, но с некоторыми исключениями* (ст. 260.1 ГПК РФ). В целом принятие мер по обеспечению заявленных требований не должно приводить к необоснованному нарушению прав и свобод участников референдума, создавать препятствия к осуществлению комиссиями референдума своих полномочий. Обеспечительные меры направлены на достижение эффективной судебной защиты прав и законных интересов заявителя и допускаются, когда их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда. На данное обстоятельство обращал внимание Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 февраля 2002 г. № 4-П⁸.

В силу ч. 3 ст. 246 ГПК РФ *суд не связан основаниями и доводами заявленных требований*. В этом правиле заключается принципиальное отличие производства по всем делам, возникающим из публичных правоотношений, от искового производства.

Как справедливо отмечает Д.Б. Прасолов, «нельзя отрицать неравные возможности сторон публичных правоотношений, что и обуславливает существование специальных процессуальных норм, гарантирующих защиту интересов заявителей по делам, возникающим из публичных правоотношений»⁹. Поэтому суд обязан проверить законность оспариваемого решения, действия (бездействия) в полном объеме.

Согласно ч. 1 ст. 261 ГПК РФ суд вне зависимости от просительной части заявления, признавая оспариваемое решение, действие (бездействие) незаконным, восстанавливает в полном объеме нарушенное право. При обращении в суд заявитель может указать конкретный способ восстановления права на свое усмотрение, в этом случае суд обязан рассмотреть это требование и дать ему правовую оценку. Вместе с тем суд вправе и самостоятельно определить способ восстановления нарушенного права. Суд выходит за пределы заявленных требований при определении способа устранения нарушений, если выбранный способ не совпадает со способом, предложенным заявителем. Например, решением Московского городского суда от 23 августа 2012 г. по делу № 3-0174/2012 решение комиссии референдума об отказе в регистрации инициативной группы по проведению референдума признано незаконным и отменено. В целях восстановления нарушенного права инициативной группы суд обязал комиссию референдума повторно рассмотреть вопрос о ее регистрации, однако в удовлетворении остальной части заявленных требований (обязании комиссии референдума направить ходатайство о регистрации инициативной группы в Московскую городскую думу) было отказано, поскольку, исходя из конституционного принципа разделения властей, суд не вправе предрешать существо решения, которое должен принять орган исполнительной власти в рамках своей компетенции. Данный вывод был основан на уже сложившейся судебной практике. Ранее ВС РФ сформулировал такую правовую позицию в определении от 17 августа 2011 г. № 5-Г11-133, согласно которому решение вопроса о регистрации (отказе в регистрации) инициативной группы по проведению референдума относится к исключительной компетенции избирательной комиссии, подменять которую суд не вправе. Представляется, что такая позиция расходится с позицией ВС РФ по аналогичным делам, относящимся к избирательным

спорам: согласно п. 40 постановления Пленума ВС РФ в случае отмены решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, списка кандидатов суд вправе возложить на комиссию обязанность их зарегистрировать, если при рассмотрении дела не были установлены иные основания для отказа в регистрации. Данное расхождение свидетельствует о несогласованности правовых позиций ВС РФ в аналогичных делах.

Согласно ч. 1 ст. 261 ГПК РФ суд устанавливает в решении срок его исполнения. Упущением законодателя следует считать отсутствие процессуальных норм, регламентирующих порядок установления срока восстановления нарушенного права. Не содержит рекомендаций на этот счет и постановление Пленума ВС РФ, что создает условия для принятия судами усмотренческих решений. Возможным решением представляется то, что судам следует учитывать при определении сроков восстановления нарушенных прав сроки их внесудебной реализации, предусмотренные нормами материального права, а также стадию кампании референдума.

Следует отметить, что суд не всегда прибегает к установлению срока реализации своего решения. В качестве примера можно привести решение Московского городского суда от 23 августа 2012 г. по делу № 3-0174/2012. Встречаются в судебной практике и случаи, когда суд не решает вопрос о восстановлении права, ограничиваясь констатацией незаконности и отменой решения органа публичной власти (решение Московского городского суда от 13 декабря 2011 г. по делу № 3-272/3-2011). В таких случаях нельзя говорить о восстановлении нарушенных прав в полном объеме, что должно быть основанием к изменению (отмене) решения суда, как принятого с нарушением норм процессуального права, императивно предписывающих предпринимать возможные меры к восстановлению нарушенных прав.

Решения, определения судов первой инстанции по делам о защите права на участие в референдуме, вынесенные в период кампании референдума до дня голосования, могут быть обжалованы в сокращенный срок, который составляет пять дней со дня их принятия (ст. 261 ГПК РФ).

Решения судов по референдумным спорам приводятся в исполнение по общим правилам ч. 2 ст. 206 ГПК РФ после их вступления в законную силу. Исключение составляют *решения суда о включении гражданина РФ в список участников референдума, которые подлежат немедленному исполнению в силу императивного предписания закона (ст. 211 ГПК РФ). Решения по иным требованиям суд вправе обратиться к немедленному исполнению только по инициативе заяви-*

теля. В таких случаях, согласно разъяснениям ВС РФ, данным им в постановлении Пленума «О судебном решении»¹⁰, ходатайство заявителя и выводы суда о необходимости обращения решения к немедленному исполнению должны быть обоснованы достоверными и достаточными данными о наличии особых обстоятельств, вследствие которых замедление исполнения решения может привести к значительному ущербу для заявителя или невозможности его исполнения.

Многие авторы отмечают *специфику субъективных пределов законной силы судебного решения* по данной категории дел: после вступления в законную силу решения суда не могут заявлять в суде те же требования и по тем же основаниям не только лица, участвующие в деле (как в исковом производстве), а также иные лица (ст. 250 ГПК РФ)¹¹. Полнота проверки законности оспариваемых решений, действий (бездействия) обеспечивается возможностью выхода суда за пределы оснований и доводов заявленных требований.

По смыслу ч. 2 ст. 39 ГПК РФ в силу неравного положения участников публичных правоотношений при разрешении споров между ними *неприменимы такие институты искового производства, как отказ от заявленных требований, мировое соглашение, а также исключается возможность подачи встречного заявления, аналогичного встречному иску*¹², что говорит о наличии некоторых ограничений принципа диспозитивности при разрешении судами референдумных споров.

В заключение необходимо отметить, что дополнительные полномочия суда, предусматривающие возможность выхода за пределы заявленных требований, истребования доказательств по своей инициативе обусловлены публичным характером правоотношений заинтересованных лиц и делают более активной роль суда в рассмотрении дел о защите права на участие в референдуме. Вместе с тем восстановление нарушенных прав в полном объеме возможно не во всех случаях.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в рефе-

- рендуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
- 3 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
 - 4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 5 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 75.
 - 5 См., например: *Пошивайлова А.В.* Понятие и особенности избирательного спора // Право и политика. 2005. № 11. С. 124–133.
 - 6 *Комарова В.В.* Понятие, принципы и система референдумного права Российской Федерации // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 2 (68). С. 24.
 - 7 См., например: *Постников А.Е., Алехичева Л.Г.* Путеводитель по избирательному праву России: Пособие для кандидатов и членов избирательных комиссий. М.: Права человека, 2003. С. 163.
 - 8 Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 8. Ст. 894.
 - 9 *Прасолов Д.Б.* Выход суда за пределы заявленных требований в гражданском и арбитражном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 177.
 - 10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. № 260.
 - 11 См., например: *Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушников.* 2-е изд. М.: Городец, 2007. С. 455.
 - 12 Хотя ГПК РФ не содержит прямого указания на невозможность применения данных институтов в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, данная позиция неоднократно обоснованно высказывалась в научно-правовой литературе. См., например: *Гражданский процесс: Учебник.* С. 453.

ОСНОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ ЛИКВИДАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье делается попытка рассмотреть возможные основания добровольного применения процедуры ликвидации, сгруппировать и разбить на виды фактические обстоятельства, которые могут послужить основанием для применения процедуры ликвидации. Выводы, сделанные в настоящей статье, могут быть полезны и применимы в вопросе изучения оснований применения добровольной ликвидации также других юридических лиц.

Ключевые слова: юридическое лицо, хозяйственное общество, добровольная ликвидация, основания ликвидации, ликвидация хозяйственных обществ, ликвидация юридических лиц.

В юридической науке обычно выделяют добровольную и принудительную ликвидацию юридических лиц. Несмотря на то что законодателем специально не закреплено такое деление ликвидации, в юридической литературе данное разделение имеет широкое распространение¹. В то же время необходимо иметь в виду, что деление ликвидации на добровольную и принудительную носит достаточно условный характер, хотя и отражает различия в процедуре ликвидации по субъекту, иницилирующему проведение процедуры ликвидации.

В то же время необходимо отметить, что вопрос дробления (группирования) оснований добровольной или принудительной ликвидации в юридической науке не рассматривался ранее. В нашем исследовании мы попробуем рассмотреть основания добровольной ликвидации, характер таких оснований, их правовое закрепление и правовую природу. Рассматривать основания добровольной лик-

видации мы будем на примере хозяйственных обществ. Несмотря на это, мы считаем, что наши выводы могут быть применены и в отношении других юридических лиц.

Необходимо отметить, что добровольный порядок принятия решения о применении процедуры ликвидации юридического лица укладывается в рамки правомерного поведения ликвидируемого лица. Нормы, регулирующие условия добровольного применения процедуры ликвидации, носят диспозитивный характер. Законодатель закрепляет за юридическим лицом возможность, а не обязанность добровольного применения института ликвидации. В таком случае предполагается, что применение процедуры ликвидации соответствует интересам юридического лица и является следствием волеизъявления ликвидируемого юридического лица.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, связанных с основаниями и способами применения процедуры ликвидации хозяйственными обществами, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть экономическую сторону применения института ликвидации. В этой связи определенным интересом вызывает работа Р.Г. Коуза «Природа фирмы»². Несмотря на то что в работе экономиста нет прямых указаний на причины применения института ликвидации по воле юридического лица, анализ работы позволяет сделать выводы из обратного, поскольку Р.Г. Коуз рассуждает над причинами возникновения компаний и факторами эффективности деятельности коммерческого юридического лица. В современной экономической науке некоторые ученые-экономисты факторы, влияющие на эффективность производства, разделяют на внутренние и внешние. В качестве основных внутренних факторов выделяют: 1) эффективность и организационные способности руководства предприятия; 2) модернизацию производства и внедрение результатов научно-технического прогресса; 3) благоприятный социально-психологический климат в коллективе; 4) особенности производства и отрасли; 5) качество и конкурентоспособность продукции.

В качестве внешних можно выделить следующие факторы, влияющие на эффективность коммерческого юридического лица: изменение конъюнктуры рынка; изменение политической обстановки внутри страны и вне ее; результаты деятельности органов государственной власти³.

Необходимо отметить, что данный перечень факторов условный, неисчерпывающий и не отражает многообразие таких факторов.

Целесообразно говорить о том, что выводы Р.Г. Коуза во многом совпадают с перечнем факторов, влияющих на эффективность предприятия, изложенных И.В. Сергеевым, правда, отличаются

некоторые формулировки. В частности, из общего анализа работы Р.Г. Коуза можно прийти к выводу, что основными факторами, влияющими на эффективность предприятия, являются: планирование и прогнозирование спроса на рынке; качественная организация работы предприятия; наличие ассортимента производимого продукта; наличие постоянного спроса; модернизация производства.

Если же говорить о причинах, по которым предприятия прекращают свою деятельность, то в качестве экономических причин, приводящих к прекращению юридического лица, будут противоположности тех причин (внутренних и внешних факторов), с которыми связано расширение предприятия.

В качестве основных экономических факторов неэффективности юридического лица можно выделить следующие причины: отсутствие планирования и прогнозирования спроса на рынке; ошибки предпринимателя организационного характера; скудность или отсутствие ассортимента товаров, работ, услуг; отсутствие системности потребления произведенного предприятием продукта; чрезмерное расширение предприятия в условиях отсутствия эффективного руководства и увеличения транзакций; развитие, в том числе модернизация, производства у остальных игроков рынка в условиях высокой неидеальной конкуренции; негативные изменения на рынке спроса и предложения; другие самостоятельные или смежные причины экономического характера.

Необходимо отличать неэффективность коммерческого предприятия от факторов, влияющих и приводящих к неэффективности.

Неэффективность предприятия может быть обнаружена на различных стадиях деятельности юридического лица и в результате привести к прекращению коммерческого юридического лица. Так, на стадии платежеспособности, т. е. в случае раннего обнаружения неэффективности, когда предприятие убыточно, целесообразно принять решение о применении процедуры ликвидации (добровольной ликвидации), если восстановить эффективность (прибыльность) предприятия не представляется возможным или целесообразным. В случае же позднего обнаружения неэффективности предприятия, когда юридическое лицо несостоятельно, юридическое лицо может быть прекращено путем применения процесса банкротства в порядке ст. 65 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁴.

Таким образом, с экономической точки зрения причиной применения процедуры ликвидации руководством коммерческого юридического лица (добровольной ликвидации) может быть неэффективность предприятия. Это ситуация, при которой совокуп-

ность факторов или отдельные факторы неэффективности преобладают над благоприятными факторами и дальнейшее продолжение деятельности предприятия представляется нецелесообразным или невозможным. При этом если нецелесообразность является результатом влияния внутренних факторов, то невозможность, напротив, обусловлена присутствием внешних факторов.

Возвращаясь к юридической стороне вопроса добровольной ликвидации хозяйственных обществ, необходимо рассмотреть основания применения процедуры ликвидации. Как известно, хозяйственные общества могут создаваться в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества (п. 4 ст. 66 ГК РФ). Основные положения, регулирующие деятельность обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ, содержатся в Гражданском кодексе (ст. 87–94 и 96–104 ГК РФ соответственно), а также специальные нормы содержатся в Федеральном законе от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁵ (далее – ФЗ № 14) и Федеральном законе от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁶ (далее – ФЗ № 208). Необходимо отметить, что действие ФЗ № 208 распространяется на некоторых субъектов с изъятиями. Особенности создания и прекращения акционерных обществ в сферах банковской, страховой и инвестиционной деятельности и некоторых других сферах определяются соответствующими федеральными законами (п. 3 ст. 1 ФЗ № 208)⁷. Аналогичные положения, ограничивающие действие ФЗ № 14 в отношении обществ с ограниченной ответственностью, закреплены в п. 2 ст. 1 ФЗ № 14.

Что касается оснований принятия решения юридическим лицом о применении процедуры ликвидации, то здесь особых условий для добровольной ликвидации законодатель не предусматривает. Как с акционерными обществами, так и с обществами с ограниченной ответственностью основания добровольной ликвидации одни и те же, предусмотренные Гражданским кодексом в ст. 61 (ст. 21 ФЗ № 208 и ст. 57 ФЗ № 14). Основания для добровольного применения процедуры ликвидации общества можно условно разделить на следующие основные виды: наличие обстоятельств, с наступлением которых законом предусмотрена необходимость применения процедуры ликвидации; наличие обстоятельств, с наступлением которых учредительные документы связывают применение процедуры ликвидации; нецелесообразность дальнейшего продолжения деятельности общества; невозможность дальнейшего продолжения деятельности

общества; отсутствие воли (желания) на дальнейшее продолжение деятельности.

Важно, что для добровольного применения процедуры ликвидации наличие специально предусмотренных оснований для ликвидации не обязательно, достаточно лишь выраженной в рамках действующего законодательства воли юридического лица. Основания же, предусмотренные в п. 2 ст. 61 ГК РФ, носят примерный характер.

Что касается оснований, с наступлением которых законодателем установлена необходимость применения процедуры добровольной ликвидации, то неприменение добровольной ликвидации влечет применение принудительной ликвидации путем принятия судом соответствующего решения. То есть добровольное применение процедуры ликвидации предотвращает принудительное применение процедуры ликвидации в отношении общества. Примером такого основания для обществ с ограниченной ответственностью является ситуация, при которой стоимость чистых активов общества останется меньше его уставного капитала по окончании финансового года, следующего за вторым финансовым годом или каждым последующим финансовым годом, по окончании которых стоимость чистых активов общества оказалась меньше его уставного капитала. Тогда общество не позднее чем через шесть месяцев после окончания соответствующего финансового года обязано принять решение об уменьшении уставного капитала общества до размера, не превышающего стоимость чистых активов общества, либо принять решение о ликвидации общества (п. 4 ст. 30 ФЗ № 14).

Аналогичные положения уже об акционерных обществах содержатся в п. 6 ст. 35 ФЗ № 208. Кроме этого, в законе также предусмотрена обязанность принятия решения обществом в случае, если по окончании второго финансового года или каждого последующего финансового года стоимость чистых активов общества окажется меньше величины минимального уставного капитала, размер которого определяется ст. 26 ФЗ № 208. При этом принять решение о применении процедуры ликвидации по указанным выше обстоятельствам необходимо в течение шести месяцев после окончания финансового года (п. 11 ст. 35 ФЗ № 208).

В случае же неисполнения обязательств по принятию решения о применении процедуры ликвидации в предусмотренные законодательством сроки (6 месяцев после окончания финансового года) в соответствии с п. 12 ст. 35 ФЗ № 208 кредиторы вправе потребовать от общества досрочного исполнения своих обязательств или при невозможности их досрочного исполнения – прекращения

обязательств и возмещения связанных с этим убытков, а орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, либо иные государственные органы или органы местного самоуправления, которым право на предъявление такого требования предоставлено федеральным законом, вправе предъявить в суд требование о ликвидации общества.

В качестве еще одного вида или группы оснований добровольного применения процедуры ликвидации можно выделить обстоятельства, с наступлением которых учредительные документы связывают применение процедуры ликвидации. В соответствии с п. 4 ст. 52 ГК РФ предмет деятельности и цели осуществления деятельности коммерческой организации могут быть установлены в учредительных документах. Учредительным документом акционерного общества является его устав (п. 1 ст. 11 ФЗ № 208). Как следует из содержания п. 3 ст. 11 ФЗ № 208, в уставе акционерного общества могут содержаться положения, не противоречащие нормам действующего законодательства. Аналогичные положения относительно учредительных документов обществ с ограниченной ответственностью содержатся в п. 1 и 2 ст. 12 ФЗ № 14. В то же время в соответствии с п. 1 ст. 21 ФЗ № 208 при добровольной ликвидации акционерного общества также учитываются положения устава общества, аналогичные положения содержатся и в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью (п. 1 ст. 57 ФЗ № 14). Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в уставе могут быть установлены основания добровольного применения процедуры ликвидации, не противоречащие действующему законодательству. Примеры таких оснований содержатся в п. 2 ст. 61 ГК РФ. В частности, к таким основаниям, т. е. обстоятельствам, с наступлением которых учредительные документы связывают возможность применения процедуры ликвидации, можно указать следующие: истечение срока, на который создано юридическое лицо; достижение цели, ради которой было создано общество.

Важно, что такие основания не обязательно должны быть предусмотрены действующим законодательством, а могут быть установлены учредителями. В случае наличия оснований (наступления обстоятельств) добровольного применения процедуры ликвидации применение процедуры ликвидации не носит обязательный характер. С наступлением таких обстоятельств закон предусматривает возможность применения процедуры ликвидации, но это не означает, что учредители обязаны принять решение о применении процедуры ликвидации.

Еще одним основанием применения процедуры добровольной ликвидации является наличие ситуации, когда дальнейшее продолжение деятельности коммерческой организации представляется нецелесообразным, о чем мы говорили ранее. Нецелесообразность продолжения деятельности общества в данном случае следует рассматривать как результат неэффективности управления обществом, что имеет субъективную природу. Нецелесообразность обусловлена наличием субъективных обстоятельств, зависящих от коммерческого юридического лица, и общества в частности (управления и учредителей общества). Такая ситуация возникает в результате неправильных действий общества, когда принятие определенных решений могло бы позволить избежать образования ситуации нецелесообразности продолжения деятельности и применения процедуры ликвидации. Например, таким основанием может быть убыточность, недостаточная прибыльность коммерческой деятельности, разногласия в вопросах управления обществом. Причинами же наступления таких обстоятельств, формирующих основание для добровольного принятия применения процедуры ликвидации, могут быть следующие: финансовые проблемы общества; ошибки, совершенные в процессе управления обществом; сложности, связанные с осуществлением управления обществом.

Если нецелесообразность является результатом наличия внутренних негативных факторов, то результатом наличия внешних негативных факторов может стать невозможность дальнейшего продолжения деятельности общества. Если в случае с нецелесообразностью мы имеем дело с принятием решения в целях выхода из сложившейся ситуации, то в случае с невозможностью дальнейшего продолжения деятельности принятие решения о применении процедуры ликвидации является мерой вынужденной. Невозможность продолжения деятельности общества в данном случае носит объективный характер, мало зависит от поведения юридического лица в целом и от участников и управляющих в частности. Это ситуация, когда обстоятельства, препятствующие дальнейшему продолжению деятельности общества, носят неустранимый характер. Основание применения процедуры добровольной ликвидации может быть сформулировано в данном случае как «невозможность дальнейшего продолжения деятельности» с указанием причины возникновения такой ситуации. Причиной принятия решения о применении процедуры добровольной ликвидации могут быть самые разнообразные обстоятельства, например: изменение политической обстановки внутри страны или за ее пределами; наступление форс-мажорных обстоятельств; неблагоприятная ситуация на рынке.

В качестве самостоятельного фактического основания для добровольной ликвидации можно выделить отсутствие у учредителей (участников) общества воли (желания) на дальнейшее продолжение деятельности, что может быть связано с появлением разногласий среди учредителей в вопросе управления обществом или же с изменением жизненных приоритетов учредителей. Такое основание больше подвержено влиянию человеческого фактора, не имеет экономических оснований, а скорее носит поведенческий или социальный характер.

Несмотря на то что предложенные нами основания носят условный характер и не являются исчерпывающим перечнем оснований, на наш взгляд, предложенное нами деление видов оснований добровольной ликвидации применимо и в отношении других юридических лиц (с некоторыми изменениями). Например, если в случае с обществами мы говорим о прибыльности, то в отношении некоммерческих юридических лиц данный подход также применим, с тем отличием, что нецелесообразным становится достижение целей, ради которых было создано юридическое лицо или когда по объективным причинам невозможно достичь целей юридического лица. Поэтому выводы, сделанные в настоящей работе, применимы не только к пониманию природы оснований добровольной ликвидации коммерческих предприятий и хозяйственных обществ в частности, но и в целом для юридических лиц.

Примечания

- ¹ *Суханов Е.А.* Гражданское право. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 253–254.
- ² *Коуз Р.Г.* Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Новое изд-во, 2007. С. 40–58.
- ³ *Сергеев И.В.* Экономика предприятия: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 179.
- ⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.
- ⁵ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998. 17 февр.
- ⁶ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. 29 дек.
- ⁷ Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”», п. 1 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

В статье автор указывает на проблемы правового регулирования конкуренции в сфере управления многоквартирными домами и доказывает необходимость развития данного правового института.

Ключевые слова: управление многоквартирными домами, управляющие компании, предпринимательская деятельность в сфере ЖКХ, конкуренция в сфере ЖКХ, собственники жилых помещений.

В России в конце прошлого века на смену иерархически централизованной и безальтернативной системе управления жилищным фондом¹ пришла система жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), представляющая собой совокупность различных субъектов, занимающихся как предпринимательской, так и непредпринимательской (хозяйственной) деятельностью, направленной на обеспечение комфортного и безопасного проживания граждан.

Состав участников, действующих в сфере ЖКХ, неоднороден, и функционируют данные субъекты в разных секторах рынка, связанных между собой технологическими цепочками. Центральное место в этой связке занимает рынок услуг по управлению и техническому обслуживанию многоквартирных домов, который, в свою очередь, обслуживается рынками услуг по электроснабжению, теплоснабжению, газоснабжению, водоснабжению, рынками специализированных работ и услуг, связанными с техническим обслуживанием инженерных систем и сетей дома, вывозом мусора, обслуживанием и ремонтом лифтов, зданий и иными необходимыми для проживания людей услугами.

Во многом уровень удобства и безопасности жизни граждан в части, касающейся удовлетворения их потребности в жилье, зависит от качества предоставляемых услуг организациями, осуществляющими свою деятельность в сфере ЖКХ. На сегодняшний день проблем в этой сфере достаточно и большинство из них связано с деятельностью управляющих многоквартирными домами. Данным субъектам необходимо содержать многоквартирные жилые дома в надлежащем состоянии, своевременно делать в них ремонт, предоставлять проживающим в них гражданам коммунальные услуги.

Государство уже два десятилетия пыталось навести порядок в данной сфере, в том числе через процедуру допуска таких субъектов на рынок. Вопрос о том, какой институт при этом задействовать – саморегулирование или лицензирование – решился после выступления Президента РФ В.В. Путина на конференции Общероссийского народного фронта «Форум действий», где глава государства указал на необходимость на нынешнем этапе отдать предпочтение лицензированию².

Правовым закреплением такого выбора стало принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»³, обязывающего всех коммерческих участников рынка управления многоквартирными домами пройти процедуру лицензирования до 1 мая 2015 г., что по сути направлено на прекращение деятельности управляющих компаний, не подготовленных для работы в этой сфере.

Тем не менее лицензирование никогда не решало до конца проблему недостаточного качества товаров, работ и услуг в любой сфере рыночных отношений. Поэтому, как нам представляется, одним из направлений выхода из создавшейся ситуации, когда домовое хозяйство находится в плачевном состоянии, является развитие конкуренции в сфере ЖКХ. Об этом говорилось еще в утративших силу «Основных направлениях нового этапа реализации Государственной целевой программы “Жилище”», утвержденных Указом Президента РФ от 29 марта 1996 г. № 431⁴, где одним из направлений совершенствования управления и эксплуатации многоквартирных домов было развитие конкуренции в сфере эксплуатации жилищного фонда для удовлетворения услуг, предоставляемых населению, и повышение их качества.

На сегодняшний день также развитие конкуренции в сфере управления жилой недвижимостью связывается с улучшением

качества управления и содержания общего имущества многоквартирных домов, например, в постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 323⁵.

Однако существует ряд проблем, мешающих применению в полном объеме правовых механизмов конкурентной борьбы, характерных именно для этой отрасли. Так, непосредственным управлением многоквартирными домами занимаются как коммерческие, так и некоммерческие организации, что само по себе создает трудности единого подхода в нормировании их деятельности, в том числе в вопросах конкуренции и монополистической деятельности.

Довольно трудно уравнивать в регулировании общность собственников жилых помещений, создавших специализированные потребительские кооперативы (товарищества собственников жилья, жилищно-строительный кооператив, жилищный кооператив), и такие коммерческие организации, как управляющие компании. Во всяком случае при данной дихотомии какая может быть конкуренция между указанными субъектами, если, с одной стороны, потребительские кооперативы самостоятельно решают вопрос передачи своего многоквартирного дома в управление, не испытывая при этом конкурирующего давления со стороны других участников рынка, с другой – они, в отличие от управляющих организаций, в большинстве случаев управляют одним многоквартирным домом, на базе которого созданы.

Более того, анализ дефиниций недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности, закрепленных в п. 9 и 10 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶ (далее – Закон о защите конкуренции), позволяет сделать вывод о том, что потребительский кооператив, управляя общим имуществом многоквартирного дома, никак не может занять доминирующее положение на рынке управления многоквартирными домами либо получить какие-либо преимущества при осуществлении хозяйственной деятельности и тем более причинить убытки коммерческим организациям, занимающимся управлением другими многоквартирными домами (если только не рассматривать сам факт того, что незаключение такими субъектами договора управления многоквартирным домом уже лишает управляющую компанию возможности получения прибыли от управления этим домом).

Также говорить о конкуренции между некоммерческими организациями, созданными собственниками жилых помещений для управления своими домами, не стоит в силу того, что их интересы не пересекаются. Таким образом, часть участников рынка управ-

ления многоквартирными домами находится за пределами конкурентных отношений.

Действительно, неравное положение участников на рынке ЖКХ вызывает некоторые неудобства для правовой регламентации их деятельности, особенно в отношениях, связанных с конкуренцией и монополистической деятельностью. Тем не менее законодательная допустимость множественности способов управления многоквартирными домами, которые выбираются непосредственно пользователями этой услуги, является детерминантой, влияющей на процессы демонополизации в данной сфере. Также такое положение с участием в управлении неравнозначных субъектов можно рассматривать как создание правовых условий, стимулирующих свободную и добросовестную конкуренцию через возможность воздействия коммерческих участников на потребителей своим качеством обслуживания.

Немаловажной стимулирующей предпосылкой развития правовых условий для свободной конкуренции в этой сфере является возможность не только первичного определения способа управления многоквартирным домом, но и право собственников его изменения или замены управляющей организации. Здесь затрагивается вопрос репутации управляющих, тем более лучшей рекламы, чем положительная оценка деятельности организации, данная пользующимися ее услугами жильцами, вряд ли можно найти.

Отдельно следует рассматривать вопросы конкуренции между предпринимателями, управляющими многоквартирными домами, в случаях, когда договор управления заключается с организацией, выбранной по результатам открытого конкурса, проведенного в порядке, установленном Правительством РФ⁷ (ч. 4 ст. 161 ЖК РФ). Обязательное состязательное начало в организации управления многоквартирным домом по установленным законодательством правилам для всех возможных претендентов (в этом случае отсутствуют потенциальные некоммерческие управляющие – потребительские кооперативы, находящиеся на рынке вне конкуренции) делают институт конкуренции более транспарентным и независимым.

К сожалению, в этот процесс начали активно вмешиваться органы местного самоуправления⁸, в силу непонятной заинтересованности опосредованно «продвигая» некоторые коммерческие структуры, что явно нарушает ст. 15 Закона о защите конкуренции. В этом контексте также следует учитывать, что даже задержка с проведением открытого конкурса на управление многоквартирным домом может рассматриваться как создание условий для наступле-

ния последствий в виде недопущения, ограничения либо устранения конкуренции.

Как можно видеть, запрет на ограничение конкуренции для публично-правовых образований закреплен в общей норме, что не столь эффективно воздействует на отношения по управлению жилыми домами, как если бы на это указывалось в специальном нормативно-правовом акте, так как данная предпринимательская деятельность, как никакая другая, связана с администрированием со стороны органов местного самоуправления. Возможно, отсюда у должностных лиц муниципальных образований и возникает соблазн заполнить рынок «подконтрольными» себе коммерсантами.

В связи с этим представляется необходимым законодательно закрепить в ч. 4 ст. 161 Жилищного кодекса РФ запрет для органов местного самоуправления при проведении конкурсов по выбору управляющего многоквартирными домами осуществлять действия (бездействие), которые могли бы привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции⁹.

Подводя итог, следует признать правоту федерального законодателя, который ввел институт лицензирования предпринимательской деятельности в сфере управления многоквартирными домами и при этом не допустил к данной процедуре муниципальную власть, предотвратив легализацию коррупционных проявлений в этом секторе рынка. По сути, имея такой правовой механизм, муниципальные чиновники могли бы очистить рынок управления многоквартирными домами для опосредованного их участия в нем через подконтрольные структуры, в том числе и легально созданные (например, муниципальные унитарные предприятия). Тогда конкуренция в этой сфере могла бы превратиться в фикцию.

Примечания

- ¹ Тихомиров М.Ю. Управление многоквартирным домом: новые требования законодательства. М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2014. С. 76.
- ² Выступление Путина В.В. за лицензирование деятельности управляющих компаний в сфере ЖКХ [Электронный ресурс] // Клерк.ру. URL: <http://www.klerk.ru/buh/news/347607> (дата обращения: 13.09.2014).
- ³ Собрание законодательства РФ. 2014. № 30, ч. 1. С. 4256.
- ⁴ Указ Президента РФ от 29 марта 1996 г. № 431 «О новом этапе реализации Государственной целевой программы “Жилище” (вместе с “Основными направлениями нового этапа реализации Государственной целевой программы

- ‘Жилище’»)» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 14. Ст. 1431.
- ⁵ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 323 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18, ч. 3. С. 2169.
- ⁶ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. С. 3434.
- ⁷ Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2006 г. № 75 (ред. от 26.03.2014) «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом» // Российская газета. 2006. № 37.
- ⁸ Это не относится к домам, которые требуют значительных затрат в силу своей запущенности, отсутствия в течение длительного периода ремонта и где жильцы абсолютно безразличны к вопросам управления общим имуществом многоквартирного дома, в которое они не собираются вкладывать дополнительные средства.
- ⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 29 ноября 2011 г. № 8799/11 по делу № А66-7056/2010 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3.

СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Семейная медиация в целях укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов представляется необходимым инструментом мирного урегулирования спорных ситуаций, возникающих из семейных правоотношений. Применение семейной медиации успешно осуществляется и положительно зарекомендовало себя в странах англосаксонской системы права. Опыт зарубежных стран в мирном урегулировании семейных конфликтов демонстрирует возможность развития и укрепления семейной медиации в правовой культуре России.

Ключевые слова: семейная медиация, семейные споры, медиация и право, семейный медиатор, супруги, дети, члены семьи.

С момента принятия Федерального закона РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ¹, вступившего в силу в начале 2011 г., институт медиации развивается не только в законодательно установленных рамках, но и в социальном пространстве – в соответствии с личными интересами и потребностями населения в сфере мирного спороурегулирования.

В настоящее время одним из самых известных и востребованных видов медиации является семейная медиация. Нередко данный вид мирного разрешения конфликтов ассоциируется не только у широкого круга общественности, но и у части профессионального сообщества как составная часть бракоразводного процесса. Это заблуждение, так как семейная медиация применяется не только в острый период – временного разрыва или окончательного расста-

вания супругов, но и в повседневной жизни каждого члена семьи, для разрешения разного вида споров и поиска решения, удовлетворяющего все стороны конфликта.

Опыт зарубежных стран, в которых семейная медиация является неотъемлемой частью жизни каждой семьи, подтверждает, что споры между родителями и детьми, супругами, близкими родственниками могут быть успешно урегулированы мирным путем. В странах англосаксонского права, таких как США², Великобритания³, Австралия⁴, Новая Зеландия⁵, Канада⁶, семейная медиация по праву считается одним из гарантов сохранения основных морально-этических ценностей человечества: семьи, взаимопонимания между представителями разных поколений родственников, братьев и сестер и т. д. Это является одним из основных направлений медиации, на котором основан и развивается институт медиации.

Стоит отметить, что, несмотря на общую историю развития семейной медиации и медиации в целом, однозначно определить страну, в которой впервые узнали о семейной медиации, крайне трудно. Объясняется это тем, что примирительный способ урегулирования семейных споров развивался в различных формах в разных мировых культурах на протяжении многих тысяч лет.

Тем не менее современная форма семейной медиации содержит в себе общие для каждой правовой культуры принципы. Эти правила отражают незыблемые принципы спороурегулирования – добровольность сторон при обращении к семейному медиатору, прозрачность проведения процедуры, а также взаимоуважение сторон, участвующих в разрешении любого вида конфликта между членами семьи.

Кроме принципов, способствующих разрешению конфликтных ситуаций в семьях, стороны спора вправе выбрать порядок проведения процедуры семейной медиации. Семья, члены которой находятся в конфликте, может выбрать для разрешения спора одного семейного медиатора, а также пригласить к сотрудничеству одновременно двоих или несколько медиаторов. Помимо этого, процедура семейной медиации допускает проведение индивидуальной сессии с одной из сторон спора, а также коллективной сессии со всеми участниками конфликта в рамках процедуры семейной медиации.

Характерной чертой современной формы семейной медиации является формирование в ней самостоятельных узкоспециализированных направлений, таких как медиация при бракоразводных процессах. В подобной процедуре, как правило, сталкиваются не только интересы взрослых людей, но, к сожалению, самым болез-

ненным моментом становятся попытки манипулирования интересами детей.

Преимущество семейной медиации перед другими способами урегулирования семейных конфликтов на фоне бракоразводного процесса заключается в строго регламентированных временных рамках проведения процедуры семейной медиации, осуществлении сторонами спора контроля за проведением процедуры медиации, что, в свою очередь, позволяет сконцентрироваться на реальной причине конфликта и поиске эффективного способа его урегулирования.

Более того, существует мнение о том, что в семейных спорах такая процедура, как медиация, просто необходима. Ц.А. Шамликашвили, президент Центра медиации и права, полагает⁷, что медиация должна быть обязательной процедурой в семейных спорах и, возможно, должна субсидироваться государством. По словам Ц.А. Шамликашвили, производится четкое разграничение обращающихся к медиатору клиентов. Люди, которые не могут оплатить услуги медиатора, тем не менее не получают отказ в помощи. Медиаторы проводят процедуру бесплатно или за символическую плату. Ц.А. Шамликашвили предполагает, что если медиация станет обязательной, а президент предлагал сделать медиацию обязательной и Верховный Суд поддержал это предложение, то для этого должна быть создана инфраструктура. Кроме того, по мнению Ц.А. Шамликашвили, должно сформироваться такое количество медиаторов, которые будут готовы работать бесплатно⁸.

Как известно, законом предусмотрена возможность медиативной деятельности на профессиональной и непрофессиональной основе. Президент Центра медиации и права поясняет, что медиация в соответствии с федеральным законом подлежит саморегулированию и речь идет о людях, которые не вступают в саморегулируемую организацию. Кроме того, важно отметить, что все дела, направленные на процедуру медиации, после обращения сторон в суд, рассматриваются только профессиональными медиаторами⁹.

Процедура медиации прозрачна, и решение о ее проведении на сегодняшний день – осознанный добровольный шаг для каждого. Кроме того, неоспоримым достоинством медиации является то, что процедура примирения с помощью посредника не может усугубить конфликтную ситуацию. Одним из негласных принципов деятельности медиаторов является «не навреди». Именно по этой причине медиатор в своей работе крайне осмотрителен и последователен.

Несмотря на это, по словам Ц.А. Шамликашвили, крайне небольшой процент населения России обращается за помощью к медиаторам. В то же время президент Центра медиации и права

приводит любопытный и оптимистичный пример. В США и Великобритании – странах, в которых сейчас семейная медиация и медиация в целом широко и успешно используются, еще 50 лет назад люди крайне редко обращались за помощью к медиаторам. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что со временем медиация в России станет не менее популярна, чем судебное разрешение споров. Для этого предположения уже сейчас есть предпосылки. Как сообщает Ц.А. Шамликашвили, к семейным медиаторам обращаются клиенты не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге, Уральском регионе, Новосибирске, Иркутске, регионах Центрального федерального округа¹⁰.

Все это говорит о том, что медиация оправдывает себя и за время существования закона, регулирующего деятельность медиаторов, отношение населения к культуре и способам разрешения споров заметно изменилось.

Примечания

- ¹ Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31.
- ² Academy of Professional Family Mediators [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apfmnet.org/pg7.cfm> (дата обращения: 18.10.2014).
- ³ Who we are [Электронный ресурс] // Family Mediation Council. URL: <http://www.familymediationcouncil.org.uk/us/who-we-are> (дата обращения: 23.10.2014).
- ⁴ Mediation Explained [Электронный ресурс] // Australian Mediation Association. URL: <http://www.ama.asn.au/what-is-mediation> (дата обращения: 24.10.2014).
- ⁵ Family Dispute Resolution Provider [Электронный ресурс] // Arbitrators' and Mediators' Institute of New Zealand. URL: http://www.aminz.org.nz/Category?Action=View&Category_id=849 (дата обращения: 18.10.2014).
- ⁶ Family Mediation Canada / Médiation Familiale Canada [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmc.ca> (дата обращения: 18.10.2014).
- ⁷ Основатель Центра медиации и права – Шамликашвили Цисана Автандиловна [Электронный ресурс] // Центр медиации и права. URL: <http://www.mediacia.com/president.htm> (дата обращения: 25.10.2014).
- ⁸ Торочешникова М. Семейная медиация в России [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24660796.html> (дата обращения: 25.10.2014).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье речь идет о некоторых аспектах сущности исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации.

Ключевые слова: признание и исполнение иностранных судебных решений, международные договоры, внутригосударственное законодательство.

Вопрос о сущности исполнения иностранных судебных актов является достаточно дискуссионным, так как для его исполнения необходимо инициировать процедуру признания. Признание иностранного решения во всех случаях следует рассматривать как необходимое условие для приведения иностранного решения в исполнение. Непризнанное решение принудительной реализации не подлежит.

В соответствии с мнением Д.Д. Аверина¹ следует отметить, что признание иностранного судебного решения представляет собой юридический акт, которым суверенное государство выражает свое отношение к актам иностранной юстиции, распространяя их действие на собственное правовое пространство.

В соответствии с ч. 1 ст. 409 ГПК РФ² решения иностранных судов, в том числе решения об утверждении мировых соглашений, признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. На основании ст. 410 ГПК РФ³ ходатайство взыскателя о принудительном исполнении решения иностранного суда рассматривается верховным судом республики, краевым, областным судом и приравненными судами по месту жительства или месту

нахождения должника в Российской Федерации, а в случае, если должник не имеет места жительства или места нахождения в Российской Федерации либо место его нахождения неизвестно, по месту нахождения его имущества. В соответствии с ч. 1 ст. 413 ГПК РФ⁴ решения иностранных судов, которые не требуют принудительного исполнения, признаются без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения относительно этого.

Таким образом, направленный на признание судебного решения иностранного государства акт может быть выражен снаружи не только посредством судебного признания. Если такое положение будет зафиксировано во внутреннем законодательстве страны или в международном договоре, то можно считать, что данная процедура будет иметь внесудебный характер.

Юридический акт признания и согласия на признание и исполнение таких решений должен иметь не только внутреннее, но и внешнее закрепление посредством заключения международного договора и (или) соглашения о порядке признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов, или актов иностранной юстиции.

Далее необходимо остановиться более подробно на последствиях признания иностранного решения. Цель любого судопроизводства – в некоторой степени «упорядочивание общественных отношений»⁵ посредством защиты прав и охраняемых законом интересов. Решение суда, вступившее в законную силу, ликвидирует спор, существующий между сторонами, конкретизируя права и обязательства сторон, их бесспорные права с возможностью обязательной дальнейшей реализации. Решение о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения не урегулирует спор, а лишь дает юридическую силу уже принятому решению, поэтому может быть принято и в отсутствие ответчика. Однако до признания иностранного решения говорить о полном устранении существующего между сторонами, находящимися под юрисдикцией другого государства, спора довольно трудно.

Между тем национальное российское право, равно как и право других государств, отнюдь не относится к такому иностранному решению безразлично. В мире существует ярко выраженная, распространенная повсюду и известная всем правовым системам практика, ограничивающая повторное рассмотрение судами одинаковых дел, которая кратко может быть выражена так: «одно дело – одно разбирательство»⁶. Сложно не согласиться с утверждением о том, что после полного и окончательного рассмотрения дела сторонам

не должна предоставляться возможность возобновления процесса, даже в другой стране⁷.

Эта практика, нашедшая воплощение в доктрине *res judicata*, защищает стороны от пересмотра решений, которые были вынесены по результатам рассмотрения спора по существу между ними компетентным судом. При этом в соответствии с данным общепризнанным принципом недопустимости повторного рассмотрения однажды уже разрешенного дела (принципом *res judicata*) дело не может быть рассмотрено заново не только при наличии национального решения по тождественному иску, но и решения иностранного государства⁸.

В то же время ГПК РФ, устанавливая препятствия для исполнения иностранных судебных актов в отсутствие международного договора, ограничивает применение данного принципа случаями наличия ранее вынесенных иностранных актов судов тех стран, с которыми у России имеется соответствующий международный договор.

На основании ст. 406 ГПК РФ⁹ суд в Российской Федерации отказывает в принятии искового заявления к производству или прекращает производство по делу, если имеется решение суда по тождественному иску, принятое иностранным судом, с которым имеется международный договор Российской Федерации, предусматривающий взаимное исполнение решений суда. Если же дело по тождественному иску было ранее возбуждено в иностранном суде, решение которого подлежит исполнению на территории Российской Федерации, суд в Российской Федерации должен возвратить исковое заявление или оставить его без рассмотрения.

Аналогичные предписания содержатся и в АПК РФ¹⁰, в соответствии с ч. 1 ст. 252 которого арбитражный суд в Российской Федерации оставляет иск без рассмотрения, если в производстве иностранного суда находится на рассмотрении дело по тождественному иску, при условии, что рассмотрение данного дела не относится к исключительной компетенции арбитражного суда в Российской Федерации. Согласно ч. 2 данной статьи арбитражный суд в Российской Федерации прекращает производство по делу, если имеется вступившее в законную силу решение иностранного суда, принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, при условии, что рассмотрение данного дела не относится к исключительной компетенции арбитражного суда в Российской Федерации или указанное решение не подлежит исполнению в соответствии со ст. 244 Кодекса¹¹. Мы видим, что АПК РФ подходит к принципу недопустимости повторного

рассмотрения тождественного иска более строго, не ставя необходимость прекращения производства по делу или оставления иска без рассмотрения в зависимость от наличия договора, предусматривающего возможность признания иностранного решения.

Буквальное толкование ч. 1 ст. 252 АПК РФ¹² говорит о необходимости оставления без рассмотрения дела по иску в российском суде при наличии ранее поданного в иностранный суд тождественного иска независимо от того, подлежит ли решение иностранного суда исполнению в Российской Федерации. С одной стороны, формулировка данной статьи полностью соответствует принципу *res judicata* в наиболее широком его понимании. Сторона, инициировавшая рассмотрение дела в одном из государств, утрачивает право на одновременное возбуждение дела в другом.

Однако, с другой стороны, подобное положение вещей не может быть признано безупречным. Стоит отметить, что арбитражное законодательство можно дополнить нормой о том, что поданный в российский арбитражный суд иск при наличии такого тождественного иска в производстве иностранного суда подлежит оставлению без рассмотрения тогда, когда рассмотрение дела не относится к исключительной компетенции арбитражного суда России и решение данного иностранного суда подлежит признанию и исполнению в силу заключенного международного договора.

В противном случае действия иностранного суда при разрешении материально-правового спора и невозможности его разрешения могут привести к препятствиям в осуществлении правосудия российским судом.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, фактически, признавая судебный акт, государство выражает отношение к иностранному решению как к особому юридическому факту, с которым связано возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Исходя из этого, признание иностранного судебного решения представляет собой юридический акт, которым суверенное государство, распространяя его действие на собственную территорию, выражает свое отношение к нему как к факту, с которым связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений. При этом это решение рассматривается как окончательное и не дает возможности повторного рассмотрения дела по тождественным основаниям.

Если подходить формально, то можно сделать вывод, что ст. 61 ГПК РФ и ст. 70 АПК РФ под актами, имеющими преюдициальное значение, подразумевают только постановления российских судов. По этой причине непризнанное решение суда иностранного госу-

дарства при рассмотрении другого дела российским судом преюдициальным значением наделено не будет, хотя и сможет выступить в роли доказательства факта, установленного иностранным судом. С другой стороны, если присутствуют условия для признания иностранного решения, то оно должно приобретать качества решений российских судов. В силу данного обстоятельства при наличии предпосылок для признания иностранного решения и отсутствии оснований для отказа в признании последнее должно наделяться преюдициальными свойствами. При этом по образцу Луганской конвенции 1988 г.¹³ вопрос об отсутствии оснований для отказа в признании, скорее всего, должен решаться в рамках рассмотрения дела, на результат которого может повлиять факт признания иностранного акта.

Дополнительно в качестве отдельного вида признания может выступить непосредственно наделение признаваемого решения правообразующими, правоизменяющими либо правопрекращающими свойствами.

Независимо от того, относить ли исполнение иностранного решения к отдельному виду его признания или считать данные категории самостоятельными, все судебные акты подлежат разграничению на две группы, а именно: подлежащие признанию и подлежащие признанию с исполнением. При этом в качестве основания классификации иностранных судебных актов на названные категории не может быть использован, как это часто бывает, исключительно критерий имущественного либо неимущественного характера спора, равно как и единственно критерий вида рассмотренного зарубежным судом иска о признании или о присуждении¹⁴.

На самом деле сложно не согласиться с тем, что признание само по себе без каких-либо дальнейших действий по исполнению судебного акта может требоваться, например, тогда, когда ответчик был признан исполнившим обязательство надлежащим образом решением суда одного из государств и посредством этого судебного решения хочет воспрепятствовать новому рассмотрению дела в другой стране¹⁵. Нужно согласиться и с тем, что иногда доверие по отношению к иностранному решению может быть выражено в отрицательной плоскости в виде признания его в качестве средства защиты против нового иска на основе принципа *res judicata*¹⁶.

Соответственно, было бы довольно логично признать, что основанные на нормах процессуального закона действия российского суда по прекращению производства по делу по иску о требовании, например, о взыскании денежной суммы в случае установления судом наличия вынесенного ранее иностранным судом решения

об отказе в тождественном иске будут являться не чем иным, как признанием иностранного судебного решения. При этом иностранное решение об отказе в иске о взыскании денежных средств хотя и является решением по имущественному спору и решением по иску о присуждении, но не требует принудительного исполнения.

В этом отношении целесообразно проводить дифференцирование иностранных судебных актов на решения, требующие только признания, и решения, требующие одновременно и признания и принудительного исполнения, исключительно по характеру решения независимо от критерия существования имущественного спора и вида рассматриваемого иска.

Если по характеру вынесенного решения иностранного суда оно требует принудительного исполнения, то под приведением его в исполнение следует понимать юридический акт, которым независимое государство, распространяя действие решения на свою территорию, признает бесспорность установленных им прав и обязанностей сторон и санкционирует принудительное осуществление содержащихся в нем властных предписаний.

При этом, как и в случае простого признания иностранного решения, юридический акт по приведению иностранного судебного акта в исполнение может быть выражен не только с использованием судебных процедур, процедур выдачи экзекватуры, но и иными закрепленными в законе или международном договоре способами.

Примечания

- ¹ *Аверин Д.Д.* Положение иностранцев в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Московского университета, 1966. С. 148.
- ² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.11.2014).
- ³ Там же. Ст. 410.
- ⁴ Там же. Ст. 413.
- ⁵ *Федосеева Г.Ю.* Международное частное право. М.: Острожье, 1999. С. 278.
- ⁶ *Scoles E.F., Hay P., Borchers P.J., Symeonides S.C.* Conflict of laws. 3rd ed. St. Paul, MN: West Group, 2000. P. 1140; *Rosenberg M., Hay P., Weintraub R.J.* Conflict of laws. Cases and materials. 10th ed. Westbury, N. Y.: The Foundation Press, Inc., 1996. P. 218.
- ⁷ *Kessedjian C.* Global Unification of Procedural Law // International Conflicts of Laws of the Third Millenium. N. Y.: Transnational Publishers, Inc., 2001. P. 231.

- ⁸ *Leflar R.A., McDougal L.L. III, Felix R.L.* American conflicts law. 4th ed. Charlottesville, VA: The Michie Co., 1986. P. 250.
- ⁹ Гражданский процессуальный кодекс РФ.
- ¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 28.06.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.11.2014).
- ¹¹ Там же. Ст. 244.
- ¹² Там же.
- ¹³ Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам. Вместе с «Протоколом № 1 о некоторых вопросах юрисдикции, процедуры и исполнения», «Протоколом № 2 о единообразном толковании Конвенции», «Протоколом № 3 о применении статьи 57» и «Совместными заявлениями представителей правительств...». Заключена в г. Лугано 16 сентября 1988 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.11.2014).
- ¹⁴ Выделение в самостоятельную группу преобразовательных исков признается не всеми исследователями. См.: *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 80–81.
- ¹⁵ *Smith R.* Conflict of Laws. L.: Cavendish Publishing Ltd., 1993. P. 78.
- ¹⁶ *Clawford E.* International Privet Law in Scotland. Edinburgh: W. Green; Sweet& Maxwell, 1998. P. 420.

Рецензии

Н.Е. Борисова, Е.М. Крупеня

**ПОСТОЯНСТВО,
КОТОРОМУ МОЖНО ПОЗАВИДОВАТЬ**
(Рецензия на книгу: Конституционное право России:
Учебник для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева,
Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. 7-е изд., перераб. и доп.
М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 711 с.
(Серия «Dura lex, sed lex»). Авт. коллектив
Б.С. Эбзеев, В.Н. Белоновский, И.Н. Зубов, Е.Н. Хазов,
А.С. Прудников, А.М. Осавелюк, Н.Д. Эриашвили и др.)

В рецензии отмечаются достоинства нового, седьмого издания известного учебника по конституционному праву, в котором нашли отражение не только изменения законодательства и правоприменительной практики, но и трансформации в правовой и политической сфере России самого последнего времени.

Ключевые слова: конституционное право, учебник, юриспруденция, министерство, законодательство, правовая система, судебная власть, закон, конституционный процесс, муниципальное право.

Новое, 7-е издание учебника по конституционному праву, вышедшее в издательстве ЮНИТИ-ДАНА под редакцией известных ученых Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова и А.С. Прудникова, является титулованным: он имеет рекомендации Министерства образования и науки РФ, Учебно-методического центра «Профессиональный учебник», Научно-исследовательского института образования и науки. Предыдущие издания также имели гриф Министерства образования и науки РФ, что свидетельствует о высокой планке, взятой авторами изначально и не потерявшими ее до настоящего времени.

Авторский коллектив учебника представлен когортой широко известных в стране конституционалистов – Б.С. Эбзеевым, И.Н. Зубовым, Е.Н. Хазовым, А.С. Прудниковым, А.М. Осавелюком, Н.Д. Эриашвили и др. Среди разработчиков – и профессор кафедры публичного права юридического факультета РГГУ В.Н. Белоновский, работы которого по избирательному праву и другим институтам конституционного права снискали заслуженное признание коллег по цеху. В подготовке учебника принимали участие профессорско-преподавательские составы ряда ведущих вузов страны – Московского университета МВД России, Российского государственного гуманитарного университета, Воронежского института МВД России, Российского государственного торгово-экономического университета.

Стоит отметить, что учебник стал детищем целенаправленной и кропотливой исследовательской деятельности авторского коллектива на протяжении многих лет, а его 7-е издание – результат напряженного внимания и вдумчивого анализа событий в стране, подлинное значение которых не всегда угадывалось сразу. Седьмое издание – это скрупулезная редакция материала авторами на основе постоянного отслеживания законодательства, правоприменительной и правореализационной практики. Такому постоянству и верности делу просвещения можно только по-хорошему позавидовать. В стране немного авторских коллективов, совместный творческий труд которых имеет счастливую судьбу переиздаваться, а главное – постоянно востребоваться широкой научной и учебной аудиторией.

В учебнике получили отражение основные проблемы конституционного права, самые важные для любого государства. Речь идет о таких разделах, как основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, государственное устройство, система государственных органов и органов местного самоуправления и т. д.

События, которые произошли в России за последний год, актуализировали ряд классических тем конституционного права и выдвинули их на приоритетные рубежи не только конституционной мысли, но и юридической науки в целом. Этот момент был в максимальной степени учтен авторским коллективом. Динамичное развитие конституционного законодательства после выборов депутатов Государственной Думы РФ 4 декабря 2011 г. и выборов Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. внесло существенные коррективы в важнейшие конституционные акты, связанные, например, с правами человека (в том числе правами ребенка и правами инвалидов), с формированием представитель-

ных органов власти, с совершенствованием статуса госслужащих (и повышением требований к занятию должности госслужащего), с проведением массовых мероприятий, институтом многопартийности, избирательной системой, выборами и назначениями высших должностных лиц в субъектах Федерации (с наделением их полномочиями и прекращением данных полномочий), усилением мер юридической (в том числе и конституционной) ответственности и др.

После выхода предыдущего (шестого) издания учебника были внесены поправки в текст Конституции РФ¹: впервые изменилась целая глава (глава 7) Основного закона, которая теперь называется «Судебная власть и прокуратура». В этой части теперь закрепляются нормы об объединении Высшего Арбитражного Суда с Верховным Судом. Появился закон о поправках к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»², Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»³. Внесены существенные коррективы в остальное законодательство в связи с новой поправкой в Конституции РФ⁴. Значительные изменения произошли в сфере федеративных отношений в связи с принятием в Российскую Федерацию двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – и образованием еще одного федерального округа – Крымского⁵. Нормативные источники в настоящем издании учтены коллективом авторов по состоянию на апрель 2014 г. Данные изменения послужили основанием для переиздания рецензируемого учебника. Причем авторы, как видно из текста, старались не просто усовершенствовать и добросовестно передать содержание нового нормативного материала, а заинтересовать читателя в более глубоком изучении материи права, показать, как «сухие» слова законов могут пригодиться в реальной жизни, помочь в реализации и защите прав и свобод.

Конечно, было бы неправильно думать, что в учебнике, каким бы он ни был, можно получить ответы на все злободневные вопросы правоприменительной практики, да и цель учебника состоит, безусловно, не в этом. Практика всегда богаче самой разработанной и глубокой правовой теории. Но на основе теории и конституционной реальности, используя авторские позиции известных ученых, читатели учебника – студенты, слушатели, курсанты, магистранты, аспиранты – будут способны овладеть навыками системного и комплексного понимания правовой действительности, видеть ее многочисленные составляющие в целостности и взаимосвязи.

Содержание учебника прививает умения анализировать юридическую природу конституционно-правовых явлений, развивает исследовательские навыки по освоению проблематики других теоретико-исторических и отраслевых наук, нацеливает на последующее применение полученных знаний в практической деятельности.

Представляемый учебник имеет свое лицо, несмотря на рубрики, которые имеются практически во всех пособиях подобного профиля. В учебнике, подготовленном под редакцией Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова, выделены главы и разделы, которые не часто встретишь в иных изданиях. Например, целая глава посвящена статусу депутата Государственной Думы РФ и члена Совета Федерации РФ (глава 20), глава 23 называется «Конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации», глава 25 анализирует «Конституционно-правовой статус правоохранительных органов в системе безопасности Российской Федерации» и др.

В плане пожелания можно было бы рекомендовать авторскому коллективу в следующем издании ввести специальную главу по конституционному судебному процессу в связи с официальным изменением формата научной специальности 12.00.02, которая теперь, как известно, называется «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право».

Последовательная логика изложения учебного материала, комплексный и всесторонний анализ как традиционных, так и новых для конституционного правоприменения вопросов, обширная источниковедческая база вызывают доверие к рецензируемому учебнику. Надеемся, что настоящее издание столь добротного и полезного во всех отношениях для бакалавров и магистрантов учебника не будет последним.

Примечания

- ¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 1. Ст. 1; с послед. изм. и попр. – Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
- ² Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.
- ³ Там же. Ст. 550.
- ⁴ Федеральный конституционный закон от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О Верховном суде Российской Федерации и проку-

ратуре Российской Федерации” и признании утратившим силу федерального конституционного закона “О Дисциплинарном судебном присутствии” // Собрание законодательства РФ. 2014. № 11. Ст. 1088.

- 5 Указ Президента РФ от 21 марта 2014 г. № 168 «Об образовании Крымского федерального округа» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 12. Ст. 1265. См. также: Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201403180024?filtercode=international&filterid=8fc90ffa-4caa-45ac-a2b2-41fc5df98dc5> (дата обращения: 15.09.2014); постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Там же. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201403190016?filtercode=court&filterid=72b9c96e-9091-4b4e-b5eb-113a8432d2cd> (дата обращения: 15.09.2014); Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.

Abstracts

D. Andrianova

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COMPETITION IN THE SPHERE OF MANAGING MULTIPLE DWELLINGS

In this article an author points at the problem of legal regulation of competition in the sphere of managing multiple dwellings and proves the necessity of development of this legal institution.

Key words: managing multiple dwellings, managing companies, entrepreneurial activity in the sphere of the housing and utility services area, competition in the sphere of the housing and utility services area, owners of the living quarters.

S. Balkhaeva

THE OPERATION OF TREATIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE COURSE OF TIME

The definition of the notion of validity of international treaties is given, main types of international treaties on the moment of their final operation are characterized. The author proves that the validity of the contract is determined by two elements – the beginning of its operation, that is its entry into force, and the termination, that is the loss of legal force. The validity for international treaty depends on the content of the treaty, on relations between contracting parties and on many other circumstances.

Key words: international treaty, entry into force, termination, operation of the international treaty, final provisions.

D. Bargandzhiya

THE REFERENDUM AND ITS POLITICAL AND LEGAL CONSEQUENCES FOR THE REPUBLICS, PROCLAIMED THE SOVEREIGNTY AND INDEPENDENCE, BUT NOT RECOGNIZED BY THE INTERNATIONAL COMMUNITY

This article is devoted to the political and legal consequences in the republic, proclaimed the sovereignty and independence, but not recognized by the international community.

Key words: referendum, political and legal consequences, republics, sovereignty and independence.

E. Bodrova

ACTUAL STATUS OF FAMILY DISPUTE RESOLUTION IN RUSSIAN AND ABROAD

The Family Dispute Resolution is the road of necessity in family relations based on mutual love, respect, mutual aid and responsibility before the family. The Family Dispute Resolution Process is wildly spread in common law countries where it gained positive reputation. Foreign practice in applying the Family Dispute Resolution, demonstrates a possibility for development and consolidation the FDR in Russian legislative culture.

Key words: Family Dispute Resolution (FDR), family disputes, mediation and law, family mediator, marrieds, children, family members.

N. Borisova, E. Krupenya

CONSISTENCY COULD BE ENVIED (BOOK REVIEW:
CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIA:
GRADUATE TEXTBOOK / ED. BY B. EBZEEV, E. KHAZOV,
A. PRUDNIKOV. 7TH ED., REV. AND ENLARGED. MOSCOW:
UNITY-DANA, 2015. 711 P. (SERIES "DURA LEX, SED LEX").
WRITING STAFF OF B. EBZEEV, V. BELONOVSKY,
I. ZUBOV, E. KHAZOV, A. PRUDNIKOV, A. OSAVELYUK,
N. ERIASHVILY ETC.)

The review marks the merits of recent 7th edition of popular textbook on the constitutional law. It reflects not only the changes in the constitutional legislation and the law enforcement practice, but also those real changes in the sphere of law and politics of Russia at latest.

Key words: constitutional law, textbook, jurisprudence, ministry, legislation, system of law, judicial authority, law, constitutional process, municipal law.

A. Dorskaya

TYOLOGY OF LEGAL REFORMS

This article considers the different classifications of legal reforms, giving examples of legal reforms at various stages of Russian history. The differences between such concepts as “stub reform” and “counter-reform” are made apparent as well as the significance of the synergetic approach for setting-up the typology of legal reforms is.

Key words: legal reform, legal reforms classification, typology of legal reforms, counter-reform, the purpose of law reform, legal reality, legal traditions, reception.

L. Glukhareva

INDIVIDUAL LAW AS THE REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

The article deals with the phenomenon of individual law, its characteristics and dissimilarity from the contiguous categories, quality and ability to beat back current challenge of individualization and fragmentation of social relations. It is stated that the individual law is to be developed in its relation to the state law.

Key words: individual law, state law, social law, individualism, forms of law.

E. Knyazeva, S. Timofeev

THE LEGAL CLASSIFICATION OF THE TYPES OF COMPULSORY INSURANCE UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article provides a legal analysis of the current legislation in the area of compulsory insurance, there is an attempt to classify the existing types of state and social insurance, assessment of the current state of the Russian insurance market is made.

Key words: compulsory state insurance, compulsory social insurance, social guarantees, indemnification, liability insurance, insured, insurer, insurance.

Yu. Korsanenкова, A. Korsanenкова

MATERIAL RESPONSIBILITY OF THE EMPLOYEE AND THE EMPLOYER WHEN THE ABUSE OF THE RIGHT

The authors, on the basis of analysis of scientific opinions of Russian and foreign scientists, investigate the problem of establishing the labour legislation of the new grounds for liability of the parties to the employment agreement as a result of abuse of the right. The solution to this problem seems to the authors, first of all, in legislation of this scientific category, as well as in establishing certain legal consequences (in particular, compensation of moral harm) to the party of the employment relationship suffered because of the abuse of the right.

Key words: intangible benefits of the employee, compensation for moral harm, abuse of the right, the liability of the parties to labour relations, compensation.

I. Kossov

THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE STUDENT CONTRACT IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article deals with legal regulations of student contract in the Russian Federation. The discussed issues are related to the contents of one of educational contracts that outlines an agreement between an organisation and its employee about getting education with or without interruption of the work process.

Key words: apprenticeship, student contract, qualification, the terms of the student contract.

N. Kosyakova

STIMULATION OF INNOVATIVE ACTIVITY OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – LEGAL ASPECTS

By the example of the Russian Federation subjects forming the Association of Innovative Regions of Russia, the analysis of stimulation of their innovations was made and conclusions were drawn on the absence of uniform approaches to the formation of a regional regulatory framework. Stimulating innovation for RF subjects should be based on the principles of state policy in the sphere of science and innovation, development and implementation of stimulating factors, creating a full-fledged regional innovation system.

Key words: innovation activity, the subjects of the Russian Federation, the Law Association of Innovative Regions of Russia, the principles of state policy, stimulating factors, the regional innovation system.

D. Kulikova

TOWARDS THE QUESTION ABOUT THE NATURE OF THE ENFORCEMENT OF FOREIGN JUDGMENTS

This article considers some aspects of the nature of the enforcement of foreign judgments in the Russian Federation.

Key words: recognition and enforcement of foreign judgments, international treaties, domestic legislation, international legal sources.

O. Matyushkina

FEATURES OF CIVIL LEGAL PROCEEDINGS ON CASES OF PROTECTION OF RUSSIAN CITIZENS' RIGHT TO PARTICIPATE IN REFERENDUM

The article contains the shortly characterizes features of judicial preparation, examination and settlement by courts of general jurisdiction of cases on protection of Russian citizens' right to participate in referendum. It also reveals the content of most important among them giving if necessary examples of court practice and commenting the most topical issues of law enforcement.

Key words: referendum, referendum action group, commission of referendum, participant of referendum, public legal relationships, disputes concerning referendums, judicial protection.

V. Mishota

THE COMMISSION FOR MINORS AND PROTECTION OF THEIR RIGHTS AS A SUBJECT OF THE PREVENTION SYSTEM OF YOUTH HOMELESSNESS AND JUVENILE DELINQUENCY

This work is devoted to the current State political priority orientation which is the prevention system of youth homelessness and juvenile delinquencies that protects the rights and legal interests of minors. Among the subjects of prevention the head organs – Commissions

for Minors and Protection their Rights play a special leading role in coordinating the activity of organs and institutions within the prevention system. Therefore, the Commissions may be considered as a key element of the mechanism for the complex protection of the rights and legal interests of minors.

Key words: Commission for Minors and Protection their Rights, prevention of juvenile delinquency, subjects of the Prevention system of youth homelessness and juvenile delinquency, protection of legal interests of minors, individual prevention measures.

E. Patrakova

SCANDINAVIAN (NORDIC) LEGAL FAMILY

This work shows a short overview of character and distinctive features of the legal model in Nordic countries. There is also a proposal to reconsider the use of terminology, which is used when naming this legal model.

Key words: Scandinavia, concept of Nordic law, legal sources, unification, role of the court, legal co-operation.

N. Popova

ON SOME PROBLEMS AND DEFICIENCIES IN THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION

The article is the analysis of deficiencies in legislation about the administrative offenses, about civil service, and also the problem of the dissociation of administrative-procedural law from the administrative one.

Key words: legislation about the administrative offenses, civil service, administrative-procedural law, problems, the deficiencies.

A. Sargsyan

THE BASE FOR VOLUNTARY LIQUIDATION OF BUSINESS ENTITIES UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article is an attempt to consider the possible base for voluntary liquidation, trying to group and divide into types those factual circum-

stances that can serve as such basis for application of the procedure of liquidation. It is important that the conclusions drawn in this article may be useful and applicable in studying the bases of the voluntary liquidation of other legal entities.

Key words: the legal entity, the business entity, voluntary liquidation, the liquidation base, liquidation of business entities, liquidation of legal entities.

V. Tsyganovkin

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF LEGAL REGULATION

The article discusses the anthropological approach to the explanation of the phenomenon of legal regulation in the modern legal science, as opposed to the classical positivist discourse. The need to change the categories of legal dogma from reifying to anthropological is demonstrated.

Key words: legal regulation, the method of legal regulation, anthropological, reification, sociocultural conditionality of law.

Сведения об авторах

Андреанова Дарья Владимировна – аспирант кафедры частного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, 9150610614@mail.ru

Бальхаева Саяна Баировна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, sayanabb@gmail.com

Барганджия Даур Эдуардович – юрисконсульт ЗАО «Ренессанс-ЛЕКС», помощник арбитражного управляющего; аспирант кафедры публичного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, abga07@mail.ru

Бодрова Елена Андреевна – аспирант кафедры финансового права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, bodrovaelena@yahoo.com

Борисова Наталья Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического института Московского городского педагогического университета, 2506646@mail.ru

Глухарева Людмила Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, 2506646@mail.ru

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, adorskaya@yandex.ru

Князева Елена Юльевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, fnpravo2007@yandex.ru

Корсаненкова Алла Федоровна – старший преподаватель кафедры трудового, социального и семейного права факультета юриспруденции и ювенальной юстиции Российского государственного социального университета, korsanenkova@yandex.ru

Корсаненкова Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, korsanenkova@yandex.ru

- Коссов Иван Александрович* – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, ilogery@yandex.ru
- Косякова Наталия Ивановна* – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой частного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, заслуженный профессор РГГУ, 2506832@mail.ru
- Крупняя Елена Михайловна* – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Московского городского педагогического университета, 2506646@mail.ru
- Куликова Дина Сергеевна* – преподаватель кафедры гражданского процесса юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, 2507762@list.ru
- Матюшкина Ольга Михайловна* – заместитель руководителя по правовым вопросам аппарата регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в гор. Москве; соискатель кафедры гражданского процесса юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, olga.matyushkina@gmail.com
- Мишота Валентина Александровна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, crimlaw2007@yandex.ru
- Патракова Евгения Александровна* – магистр юридических наук Университета г. Осло (Норвегия), eugenipat@yandex.ru
- Попова Наталия Федоровна* – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и информационного права Финансового университета при Правительстве РФ, kpp369@yandex.ru
- Саргсян Айк Арсенович* – аспирант кафедры финансового права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, hayk_sargsyan@mail.ru
- Тимофеев Станислав Владимирович* – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, декан юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, 2506959@mail.ru
- Цыгановкин Владимир Анатольевич* – преподаватель кафедры международного права юридического факультета Института экономики, управления и права РГГУ, 2506646@mail.ru

General data about the authors

- Andrianova Daria V.* – postgraduate student, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 9150610614@mail.ru
- Balkhaeva Sayana B.* – LL.M, lecturer, Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, sayanabb@gmail.com
- Bargandzhiya Daur E.* – lawyer, CJSC “Renaissance-LEX”, assistant of bankruptcy commissioner; postgraduate student, Department of Public Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, abga07@mail.ru
- Bodrova Elena A.* – postgraduate student, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, bodrovaelena@yahoo.com
- Borisova Natalia E.* – JD, professor, Department of State and Legal Disciplines, Law Institute, Moscow City Pedagogical University, 2506646@mail.ru
- Dorskaya Alexandra A.* – JD, Ph.D. in History, professor, head, Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg), adorskaya@yandex.ru
- Glukhareva Lyudmila I.* – JD, professor, Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 2506646@mail.ru
- Knyazeva Elena Yu.* – LL.M, associate professor, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, finpravo2007@yandex.ru
- Korsanenkovaya Alla F.* – senior lecturer, Department of Labour, Social and Family Rights, Law and the Juvenile Justice System Faculty, Russian State Social University, korsanenkovaya@yandex.ru
- Korsanenkovaya Yulia B.* – LL.M, associate professor, Department of Labour Law, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, korsanenkovaya@yandex.ru
- Kossov Ivan A.* – LL.M, associate professor, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, ilogery@yandex.ru
- Kosyakova Natalia I.* – JD, professor, head, Department of Private Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, Honored professor of the Russian State University for the Humanities, 2506832@mail.ru

- Krupenya Elena M.* – LLM, associate professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City Pedagogical University, 2506646@mail.ru
- Kulikova Dina S.* – lecturer, Department of Civil Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 2507762@list.ru
- Matyushkina Olga M.* – deputy head on legal questions, Apparatus of Moscow Regional Office of Political Party “A Just Russia”; applicant, Department of Civil Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, olga.matyushkina@gmail.com
- Mishota Valentina A.* – LLM, associate professor, Department of Criminal Law and Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, crimlaw2007@yandex.ru
- Patrakova Eugenia A.* – Master of Law, University of Oslo (Norway), eugeniapat@yandex.ru
- Popova Natalia F.* – JD, professor, Department of Administrative and Information Rights, Financial University under the Government of the Russian Federation, kpp369@yandex.ru
- Sargsyan Ayk A.* – postgraduate student, Department of Financial Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, hayk_sargsyan@mail.ru
- Timofeev Stanislav V.* – JD, professor, head, Department of Financial Law, dean, Law Faculty, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 2506959@mail.ru
- Tsyganovkin Vladimir A.* – lecturer, Department of International Law, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, 2506646@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 26

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о проведении конкурса на замещение должностей
научно-педагогических работников
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Российский государственный
гуманитарный университет» (РГГУ)

ОБЪЯВЛЕНИЕ О КОНКУРСЕ

Конкурс на замещение должностей научно-педагогических работников РГГУ:

ассистент, преподаватель, старший преподаватель,
доцент, профессор, директор института,
научный сотрудник, младший научный сотрудник,
старший ведущий сотрудник,
ведущий научный сотрудник,
главный научный сотрудник

будет проходить

**26 мая 2015 г. (для филиалов – 16 июня 2015 г.)
с 15.00 в зале Ученого совета**

**по адресу: Москва, ул. Чайнова, дом 15,
корпус 6, этаж 6.**

Вся подробная информация о проведении конкурса находится на официальном сайте РГГУ www.rsuh.ru.